

НОВЫЙ

Российский писатель

Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии

№ 2/2023

Вначале было слово!

Союз российских писателей

**Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии
Основан в 2022 году**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Александр МИШЕНКОВ -
член Союза российских писателей

Николай АЛЕШКОВ -
член Союза российских писателей

Владимир ПЛОТНИКОВ –
член Союза писателей России

Вячеслав ХАРИТОНОВ -
член Союза писателей России

Ирина ЕВДОКИМОВА –
ответственный секретарь

Рукописи принимаются документом
Word (шрифт – Times New Roman,
кегель 14, межстрочный интервал – 1)
на e-mail: ag.mishenkov@gmail.com

Файл называть своей фамилией,
в начале текста – краткие сведения об авторе,
электронный адрес, фото автора.
Решение о публикации принимается
редакционным советом альманаха.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО!

Уважаемые авторы и читатели! Главной причиной создания нашего альманаха стало, прежде всего, желание помочь как начинающим, так и маститым талантливым поэтам и прозаикам, независимо от их причастности к творческим союзам, публиковать свои произведения. Сейчас многие журналы и периодические издания, чтобы остаться на плаву, переходят на коммерческие рельсы и за каждую страницу литературного текста авторам приходится платить. Наш альманах потому и задуман в электронном варианте, что совершенно безвозмездно дает литераторам возможность доносить свое творчество до широкой аудитории любителей русской словесности. Надеемся, что вместе с вами мы сделаем наш альманах «Новый российский писатель» интересным, полезным и востребованным.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора. <i>Вначале было слово</i>	3
Сергей МАЛУХИН. «Треугольник»	5
Александр ПЕТРЕНКО. «Жизнь и удивительные приключения поэтессы Элеоноры Леруры и её питомцев»	12
Тамара ПИРОГОВА. <i>Стихи</i>	17
Радик АХУНЗЯНОВ. <i>Стихи</i>	25
Владимир ПЛОТНИКОВ. « <i>Два лица... один билет</i> ».....	35

Представляем красноярских писателей

Сергей КУЗИЧКИН. « <i>На енисейской волне</i> »	43
Анатолий БУШУЕВ. « <i>Как я был дедом морозом</i> »	44
Зинаида КУЗНЕЦОВА. « <i>Чужой каравай</i> »	47
Василий ИВАНОВ. « <i>В огороде</i> »	50
Анатолий ЛЕВЕНЕЦ. « <i>И нет его страшнее...</i> ».....	53
Марина ПАНФИЛОВА. <i>Стихи</i>	58
Людмила СОСНИНА. <i>Стихи</i>	59

Наши постоянные авторы

Владимир ВАРЛАМОВ. <i>Стихи</i>	60
Светлана МЕДВЕДЕВА. <i>Стихи</i>	70
Валентина ЮДИНА. « <i>Ягода малина</i> »	76
Дмитрий АНИКИН. « <i>Снежная королева</i> »	83
Сергей БЕЛАЯР. « <i>Мама</i> » (научно-фантастический рассказ)	90
Игорь МИШЕНКОВ. <i>Стихи</i>	97
Олег КОРНИЕНКО. « <i>Лазерная указка</i> »	104
Наталья БОНДАРЕНКО. « <i>Когда мамы с папой нет дома</i> »	107
Вячеслав ХАРИТОНОВ. <i>Стихи</i>	114
Андрей ПУЧКОВ. « <i>Взвейтесь кострами...</i> »	130
Александр МИШЕНКОВ. <i>Стихи</i>	145
Валерий ТИМОФЕЕВ. « <i>Бриллиант</i> », « <i>Весенняя фантазия</i> »	155
Евгений ЧЕКАНОВ. « <i>Отец где-то здесь</i> » (повесть)	162

СЕРГЕЙ МАЛУХИН родился в 1961 году в г. Уссурийске, Приморского края. Проживает в г. Красноярске, работает инженером-строителем, реставратором. Автор четырёх книг, публикаций в альманахах Красноярска, Новосибирска, Гатчины, Москвы. Лауреат и финалист международного и всероссийских литературных конкурсов, победитель конкурсов прозы на литературных интернет-сайтах. Увлекается спортивными бальными танцами.

ТРЕУГОЛЬНИК

*Этот день случился
Много лет назад,
Да не возвратился
До сих пор солдат.
А. Розенбаум*

В пятницу, ближе к концу рабочего дня, Костю вызвали в комитет комсомола. Секретарь комитета, Олег, протянул ему картонный прямоугольник, сложенный вдвое напоподобие открытки.

- Вот, Смирнов, тебе пригласительный на вечер в честь дня рождения ВЛКСМ. Ты у нас отличился на сельхозработах в подшефном колхозе, отсюда благодарность на тебя пришла. Так что вот, получай. Завтра вечером в концертно-танцевальном зале. Там сначала торжественная часть, ну а потом концерт, чаепитие и для молодёжи вечер знакомств. Ты ведь у нас не женат? Ну, вот, иди, празднуй, знакомься. Короче: заслужил – получай!

В пятницу мама выдала Косте отпаренную и отутюженную белую рубашку, чистый носовой платочек и он поехал на трамвае в КТЗ.

Народа там собралось немало: нарядные, оживлённые юноши и девушки, а также люди более старшего возраста, видимо комсомольские работники со всего города. Возле гардероба собралась небольшая очередь сдать пальто и плащи. Костя заметил очень красивую высокую девушку с русой косой на всю спину и подошёл к ней:

- Здравствуйте! Вы крайняя?

- Я... да, здравствуйте.

Девушка быстро взглянула на него и опустила взгляд. Но Костя успел заметить, какие у неё красивые зеленовато-серые глаза.

Сдав гардеробщице своё демисезонное пальто, парень в два шага догнал девушку:

- Простите, я здесь в первый раз, не подскажите, как пройти в зал? А меня Костей зовут.

- Конечно, покажу. Пойдёмте, я тоже иду в зал.
- А скажет всё же, как вас зовут?
- Полина. Вот и зал. Ищите своих друзей.
- Друзей, конечно. Гм, Полина, разрешите, я с вами сяду?
- Ну - у, если хотите. А вон моя подруга место заняла. Таня, я иду!

Девушка села рядом со своей подругой и очень кстати для Кости, что рядом оказалось свободное кресло. Он тихонько примостился рядом и всю торжественную часть просидел, еле дыша, изредка поглядывая в сторону своей новой знакомой. Полина ему чрезвычайно понравилась, и он решил познакомиться с ней поближе, а если получится, то и подружиться.

Полина же, за этот час пока шло собрание, ни разу не обратилась к нему и даже не посмотрела в его сторону.

После торжественной части Костя поспешил в буфет и занял столик для себя, Полины и её подруги Тани. Четвёртым за столик сел худощавый молодой человек, назвавшийся Димой. На столиках были расставлены стеклянные стаканы, блюда с фруктами, вазочки с печеньем, чайники, кувшины с ягодным морсом. Официанты предупредили, что в буфете, но уже за деньги, можно заказать и другие продукты, например бутерброды с сыром и колбасой.

Ведущие праздничного вечера, парень с девушкой, вели концерт, где молодые артисты пели, танцевали, декламировали стихи, а ещё проводили игры и конкурсы среди присутствующих. Костя тоже участвовал в одном конкурсе и даже выиграл приз – плюшевую игрушку-белочку. Вернувшись за свой столик, он подарил белочку Полине.

- Что вы, это же ваш приз, - пробовала отказаться она.

- Да ну, - засмеялся Костя. – Я же мужчина, зачем не игрушка. Берите!

- Спасибо, она хорошенькая.

И весь вечер, этот замечательный долгий вечер, Костя был рядом с Полиной. Куда-то подевалась его всегдашняя робость при общении с девушками. Он шутил, острил, рассказывал анекдоты. Таня смеялась и пила морс, Дима лишь изредка успевал вставить слово в поток Костиного остроумия. А Полина всю торжественную часть и начало вечера отдыхая сидевшая со строгим и даже немного печальным лицом, наконец, тоже ожила, заулыбалась, и ещё щёчки покрылись лёгким румянцем.

Костя уже стал подумывать, не угостить ли девушек шампанским. А как быть с Димой – и его угощать? Или потихоньку предложить ему взять бутылку шампанского вскладчину? Но тут ведущие предложили всем встать, сдвинуть столики к стенам, и объявили танцы. Костя активно взялся за дело: двигать столы и стулья, да смотреть, чтобы посуда не разбилась. И чуть не проворонил – лишь краем глаза успел заметить, как

Дима направился к Полине, как бросил на полпути пару стульев и ринулся наперерез.

- Я..., - только и успел сказать Дима. А Костя уже протянул девушке свою руку:

- Приглашаю тебя на танец, Полина.

Они танцевали, разговаривали, пили чай, чуть тёплый, пахнущий сеном, и снова танцевали. В заключение вечера Костя выпросил у девушки номер телефона, чтобы договориться о новой встрече.

Костя был счастлив своим новым знакомством, Полина его очаровала. Лишь одно смущало парня: девушка охотно рассказала о себе – живёт с мамой, папой и младшим братом, учится в педагогическом институте, а вот о Косте ничего не спросила. Совсем ничего! Но он надеялся, что при встрече в следующее воскресенье они познакомятся поближе и ему удастся растопить девичье сердце.

Но через неделю встретиться не удалось, Полина сказала, что на ноябрьские праздники уезжает к родственникам в другой город.

Парень проявил настойчивость и добился согласия Полины прийти на встречу.

Костя ходил в парикмахерскую, подстригся, на рынке купил пять крупных красных гвоздик и поехал на свидание.

Они встретились в пустынном сквере у фонтана, занесённого опавшими листьями. Было уже холодно, ниже нуля, порывами дул ледяной северо-западный ветер.

Полина надела на прогулку сапожки, зимнее пальто и белую вязаную шапочку. Она казалась Косте самой милой и привлекательной девушкой на свете. Но лицо её было невесёлым, и она старательно прятала взгляд. Парень приготовил для неё тысячи самых добрых и нежных слов, чтобы добиться её внимания, её дружбы. Но при виде печальной Полины все слова куда-то потерялись.

- Вот, это тебе, - Костя протянул девушке газетный свёрток. И тут же спохватился:

- Ой, прости! – он снова забрал себе свёрток и достал гвоздики, а старый номер газеты «Советская Россия» скомкал и бросил в ближайшую урну.

- Спасибо за цветы. Очень мило, - сказала Полина с лёгким вздохом.

- Холодно. Цветы замёрзнут. Может, ходим куда-нибудь? В кафе, в кино, в театр?

- Нет, не хочется. Давай просто походим.

Они молча прошли сквер до конца. Повернули назад.

- Извини, Полина, я хочу тебе сказать... Э-э, ну-у, мы ещё встретимся? В смысле ты мне очень понравилась... и я подумал...

Девушка прервала своё ледяное молчание и впервые пристально посмотрела на Костю.

- Знаешь, ты, наверное, хороший парень, но... мы больше не увидимся.

- А-а... у тебя есть парень?

- Нет. Уже нет. Видишь ли, Коля...

- Костя.

- Извини. У меня был очень хороший друг. Но он погиб. В Афганистане. И кроме него мне больше никто не нужен. Я, наверное, зря ходила на вечер знакомств и зря встретила с тобой. Понимаешь, его родители передали мне его последнее письмо... Знаешь, оно было сложено треугольником, как письмо с Великой Отечественной войны, и там была моя маленькая фотокарточка. Это очень странно, необъяснимо – я ему не дарила своих фотографий, это плохая примета. Не смейся, что вот, комсомолка, а верит суевериям. Моя бабушка не дарила дедушке свою фотографию, и он прошёл всю войну, четыре года, несколько раз был ранен, легко, и вернулся с войны живой. Вот и я Гене не стала дарить фотографию. И всё же она у него появилась – и он погиб. Я после этого поняла, что больше никогда никого не полюблю. Вот и всё. Не звони мне больше и не ищи. Пожалуйста!

Полина медленно повернулась и пошла на выход из сквера.

Костя немного постоял и окликнул её негромко:

- Полина! Прости, как звали твоего парня?

Девушка обернулась. Глаза её казались огромными из-за наполнивших их слёз.

- Вообще-то его звали Георгий. Но мне это имя не нравилось, и я звала его Геней. А фамилия у него была редкая – Гехт. Ну, прощай!

В эту ночь Костя никак не мог заснуть. Наконец, он откинул одеяло, сел на своей узкой металлической кровати. Прислушался. В комнате мамы тишина. Спит.

Парень, не включая свет, прошёл на кухню. Достал из шкафчика рюмку и початую бутылку водки. Налил, и залпом выпил. Немного постоял, прислушиваясь уже к своим ощущениям. Нет, облегчение не наступило.

Костя налил ещё рюмку водки, отрезал кусочек чёрного хлеба и вернулся в свою комнату. Света от уличных фонарей ему вполне хватало, он и здесь не включил электричество. Поставив на письменный стол рюмку, положил сверху хлеб. Достал из книжного шкафа фотографию молодого человека в форме лейтенанта воздушно-десантных войск, а потом и ещё одну, где стояли, на фоне высоких гор, обнявшись за плечи, два солдата в полотняных панамах.

Лейтенант смотрел в объектив фотоаппарата серьёзно, чуть напряжённо. Видимо чувствовал ответственность за сына, которому предстояло расти и взрослеть без него. Отец погиб в 68-м, когда Костя был совсем маленьким.

А вот парни из Афганистана улыбались. Они только что шутили друг над другом, они были молоды, и впереди у них была вся жизнь. А Афган, куда они только что прибыли, казался лишь эпизодом их жизни, их краткой – всего два года, военной карьеры.

Да, одним из этих парней был Костя. Другим, повыше ростом и шире в плечах, с ясным взглядом и белозубой улыбкой, его друг Георгий, Жорка.

Оба они были из одного города, но познакомились только в учебке. Костя к моменту призыва в армию успел лишь окончить школу и курсы ДОСААФ. Жорка, он был старше почти на два года, получил диплом техникума. В армии их определили в связисты, и направили куда-то под Ташкент в учебное подразделение, где готовили сержантов. Там сразу стало ясно, что после учёбы и присвоения званий их отправят на службу в ограниченный контингент в Афганистане.

Костя с Георгием жили в одной казарме, спали голова к голове, шагали в одном строю. В минуты отдыха они вспоминали свой город, родителей, друзей. Жорка рассказал и о своей девушке, которая ждёт его из армии, какая она и красивая, и хорошая. Только парень посетовал на её «причуды»: ни за что не захотела дать ему на прощание свою фотографию.

- Глупого суеверия набралась от своей бабушки, - говорил Жорка. – Но ничего, я раздобыл фотографию студенческой группы и вырезал её из снимка. Вот посмотри, Костя, красивая, да?

Константин поглядел на маленькое чёрно-белое мутноватое изображение: всё на месте, рот, глаза, волосы. Правда, нос едва различим на сером фоне лица. Но, чтобы не огорчать друга, сказал:

- Да, Жорка, красивая. И глаза такие добрые. Очень хорошая.

Георгий от таких слов весь расцвёл:

- Правда, очень хорошая! Вот вернёмся домой, Костя, я на ней сразу женюсь. А тебя возьму свидетелем на свадьбу. Пойдёшь?

- Конечно, о чём разговор!

После окончания учебки, друзья попросились служить вместе. Их просьбу командование удовлетворило, и направило младших командиров-связистов в полк, расквартированный в провинции Кундуз.

Начало весны в южной стране выглядит очень красиво: везде молодая зелень, цветущие деревья и кустарники, ярко-синее высокое небо. И древние исполинские горы, окружающие тенистые долины, выглядят не мрачными чёрными и коричневыми, как на исходе лета, а голубыми и воздушными, как приземлившиеся облака.

Таким весенним свежим и ясным утром начинался и тот роковой день. На утреннем построении командир роты связистов отдавал распоряжения:

- Сегодня подразделение мотострелков выходит на патрулирование магистральной автодороги. Наша задача – обеспечить им связь. Младший сержант Смирнов!

- Я!

- Выйти из строя! Э-э, Смирнов, это, что за вид? Почему на тебе один сапог и один тапок?

- Да вот, товарищ капитан, видите ли, какая-то зараза под ногу попала. В смысле насекомое. Я на подъёме вскочил с койки и наступил. Ну, вот, она, или оно, ужалила...

В солдатском строю раздались сдержанные смешки.

- Как чёрная лента вокруг ног обвилась... - продекламировал Жорка Гехт.

- Отставить! – прикрикнул ротный. – Команды вольно не было. Ну, ты - тридцать три несчастья, Смирнов. В медпункте был?

- Так точно. Фельдшер там помазал, йодом, что ли, и таблетки дал. Сказал, заживёт.

- Понятно. Отставить! Младший сержант Смирнов!

- Я!

- Назначаешься дежурным по роте. Сержант Гехт!

- Я!

- Бери бойцов, на твой выбор. Да чтоб орлы были, горные! И дуй к стрелкам – они уже свои БМП заводят. Да поосторожнее там, куда не надо, не суйтесь. Выполняйте!

- Есть!

Связисты быстро собрали свой инвентарь, проверили оружие. Георгий был спокоен, деловит: сопроводить военную колонну, обычное дело. Лишь пожимая на прощанье руку, сказал другу:

- Там у меня в тумбочке письмо домой, не успел отправить. И Полинке. Если что – отошли. Но только – если что!

- Всё будет нормально, Жорка. Ни пуха!

- К чёрту! – улыбнулся Георгий. – Отделение, шагом марш!

Из того маршрута сержант Гехт не вернулся. Мотострелки попали в засаду душманов. БМП, на котором он ехал, подорвался на фугасе и был добит выстрелом из гранатомёта.

Костя Смирнов собрал вещи друга в посылку для отправки родным, а неотправленные письма сложил треугольником, как это делали солдаты Великой Отечественной войны. Он научился это делать ещё в школе, на занятиях исторического кружка при музее боевой славы.

Служба младшего сержанта Смирнова в Афгане продолжалась до дембеля. Ему повезло, и он целый и невредимый вернулся домой, к маме.

Воспоминания кончились. Костя вздохнул, допил водку и съел хлеб. Потом осторожно поставил фотографии обратно в книжный шкаф. Мимоходом погладил пальцем тускло светящиеся в ночном сумраке награды: отцовский орден Красной Звезды и свою медаль «За боевые заслуги». Закрывл дверцы шкафа и пошёл спать. Он знал, что завтра встанет и пойдёт на работу. И будет жить – за себя, за Жорку, за всех других парней, которые не пришли с войны. А Полина? Да, её он больше никогда не увидит. Он не сможет смотреть в её глаза и видеть там постоянный немой вопрос: почему ты вернулся, а мой суженый нет?

Хотя Костя Смирнов в этом не виноват.

АЛЕКСАНДР ПЕТРЕНКО (псевдоним – Александр Ралот) краснодарский прозаик, публицист и краевед. Член Союза писателей России. Автор пятнадцати электронных и десяти бумажных книг. Публиковался во многих российских и зарубежных изданиях. Победитель конкурсов «Золотое перо Руси-2018,2019, 2021. Серебряное перо-2020», «На пути к гармонии», «Мирная война», «Центр Европы», «Сюита в Зелёном доме» (Беларусь)), «Плавская осень», «Венок Победы», «Патриот России-2020», «Ты цветы, моя милая Родина», лауреат Международных конкурсов: " Кавдория", «Белая акация», «Созвездие духовности», "Ключи от счастья", "Герои великой Победы", "Волошинский сентябрь", имени Сергеева-Ценского, «Славянская лира», «Русский стиль» (Болгария, Франция, Италия), памяти Али Герасимович, имени Де Ришелье — «Алмазный Дюк-2019», «Бриллиантовый Дюк-2020», «Серебряный голубь России 2019» «Международная премия Мира– 2020-2021гг», «ДИАС», «Литературного конкурса маринистики им. К.С. Бадигина», журнала «Литерра Нова», «Интеллигентный сезон», «Есть только музыка одна» памяти Дмитрия Симонова. Лауреат литературной премии имени Олега Бишарева. Награждён медалями: Золотой Есенинской, им. И. Бунина, им. М.Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А.Т. Твардовского, "За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе", имени генерала Брусилова, «В память 100-летия ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ»

ИЗ СЕРИИ «ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОЭТЕССЫ ЭЛЕОНОРЫ ЛЕРУРЫ И ЕЁ ПИТОМЦЕВ»

Три лучшие подруги: известная в узких кругах поэтесса Элеонора Лерура, местная критикесса Анна Ханатекстова и корректор Лизавета Запятых с удивлением рассматривали пустую бутылку, полчаса назад содержащую в своём нутре прекрасное «Киндзмараули».

– Вот всегда так! – констатировала Лиза, только разохотишься, а вино раз - и всё! И нет его.

– Был мужик, и нет его. Только тапочки, да тубик «Блендамета» и остались, – поддержала подругу Ханатекстова, тебе Лерура хорошо, у тебя есть преданные кошки, целых три. Даже если и уйдут, то всё равно вернуться, когда есть захотят. А вот мужики – нет. Не возвращаются. Взял ведро с мусором, пошёл выносить. И до сих пор несёт.

– Подруги! Может, повторим? А то, что-то беседа у нас пошла не в ту сторону, – Запятых перевернула бутылку и попыталась вылить в бокал хоть несколько капель вина.

– Я, пас! – решительно возразила поэтесса, – сами же знаете: на свои кровные только что книгу издала. В редакции и типографии всю наличность оставила. Так что ещё день-два и мои пушистики перейдут на естественный корм, то есть на мышей, и меня к этому лакомству приучат! Какое-никакое, а всё же мясо.

– Ну, это мы сейчас по-правим, – немного заплетающимся языком вымолвила Аннушка, – совершенно бес-платно дарю лайфхак. Мы будем те-бя сва-тать.

– Что делать? Зачем? Мне и так хорошо! Сами же трендите – все мужики сво..! Да к тому же у меня кыси. А они, то есть мужики, всё сплошь, эти, как их, вспомнила – аллергики, – затараторила Элеонора.

– Стоп, подруга! Угомонись. Сватать и замуж выдавать – это две разные вещи! – Анна, когда на грудь примет, случается, умные вещи говорит. Дай ей высказаться. Не выговоренная критикесса – опаснее взрыва атомной бомбы, – поддержала подругу Запятых.

– Ббе-ри салфетку и пиши, – встав и подбоченясь, скомандовала Ханатекстова, – объявление! Симм-па-чичная дама, около бальзаковского возраста, желает выйти замуж. Нет, не так! Это пошло! Ты же у нас поэтесса, поэтому пишем так: отдаст руку и сердце тому...

– Кто даст больше денег, – перебила Анну Лизавета.

– Я так не хочу! Я по любви хочу. И чтобы он – мой избранник животных любил, и конкретно – кошек, – Элеонора положила на стол бутылку и крутанула её, уподобясь знаменитой игре в бутылочку.

– Не перебивай, когда лучшие подруги твою судьбу, можно сказать, решают! – почему-то хором выпалили подруги. Пиши, что говорят.

– Отдаст руку и сердце. Первое – почитателю её поэтического таланта, Второе – любителю кошек и не любителю спиртного. Третье – не забывшему вложить в конверт одну купюру, достоинством в тысячу рублей.

– Лучше пять, – дополнила монолог Ханатекстовой Лизавета.

– Чче-го пять? – недовольно буркнула критикесса.

– Купюру в пять тысяч рублей или можно сто долларов. Я думаю, что наша Элеонорочка таких денег стоит. Я неправа?

– Ага, держи карман шире, – возмутилась Лерура, – пять тыщ в конверт. Да мужики на такое... вообще... и к тому же доллары, в нашей стране иметь! Это моветон! Может пятьсот рубликов будет достаточно? А что? Двадцать поклонников – и у меня полтиража книги уже окупилось. Жалко, что у нас с женихами в городе полный швах. И это ещё мягко сказано.

– Лерура! Не смей перебивать критиков. Если они мысль теряют, то всё. Хана тексту! – Рывкнула Ханатекстова, полностью избавившись от заикания, – продолжаю! И главный пункт объявления – избранник поэтессы получает её новую книгу, с автографом и тридцать тысяч приданного!

Услышав эту фразу Лерура чуть было не упала со стула, – скока? У мме-ня тта-ких де-нег ннет! – начала заикаться уже Элеонора, – отг-

куда?

– Расклад простой и как всё, что я делаю, гениальный! – Ханатекстова встала и приняла позу Бонапарта Наполеона, – мы получим сорок, а, скорее всего, пятьдесят писем. То есть станем обладателем кругленькой суммы...

– Аннушка, а ты в этом уверена? – пискнула со своего места Запятых.

– Абсолютно. За тридцать серебрянников, то есть тыщ, разведётся даже глубоко женатый индивидуум мужского пола. Далее. Мы дамы честные, а посему выберем для нашей Элеонорочки самого достойного любов..., то есть я хотела сказать мужа. А это что значит?

Лерура и Запятых синхронно пожали плечами.

– Это значит! – высокопарно продолжила Ханатекстова, – что деньги останутся в семье новобрачных. Остальная же сумма пойдёт на погашение затрат по изданию поэтического сборника лучшей поэтессы города и на скромный гонорар её лучшей подруги. Дамы я закончила! Жду аплодисментов, а лучше – оваций! Ибо план гениальный, как и всё, за что я берусь!

ТРИ ДНЯ СПУСТЯ.

В квартире поэтессы, к величайшему удивлению хозяйки, зазвонил молчаливый последние два года, стационарный телефон.

– Алло! Эта квартира гражданки Леруры?

– Нууу, – выдавила из себя поэтесса.

– Не нууу, а приходите в почтовое отделение и забирайте свой мешок. У нас по штату грузчики не предусмотрены. И вообще, все нормальные люди уже давным-давно перешли на электронку, а этой всё письма пишут и пишут. Только работы нам создают. Не придёте до вечера – выкину всё в эту, как её, всё забываю, – макулатуру. Пусть из ваших писем нужный для страны рубероид делают!

Трубка запищала сигналами отбоя.

ЕЩЁ СУТКИ СПУСТЯ.

Срочно вызванные на подмогу Анна и Лизавета вынимали и пересчитывали деньги, извлекая их из писем, не забывая отклеивать от конвертов почтовые марки экзотических стран, для будущей обширной филателистической коллекции.

Лерура же в поте лица строчила воздыхателям ответы:

К сожалению, по фото*

трудно вас распознавать...

Оплатили бы по счёту,
вот была бы благодать!

***

Вы, дружок мой, лысоватый.
Ну, какой же с вас плейбой?!
И к тому же небогатый,
если ваш конверт простой...

***

Здесь я вижу шевелюру...
Только лучше б на десерт
мне хорошую купюру
положили бы в конверт.

***

Ну, а здесь, простите, уши
не вместились в объектив...
Видно, любите покушать
и тянуть аперитив.

***

Ну а вы, парниша, старый -
с вами в бар я не пойду.
Пенсионные динары
навлекают лишь беду.

***

Жду богатых и красивых,
кто сумеет на руках
унести меня в Мальдивы,
чтобы жить на небесах.

Неожиданно в дверь робко постучали.

– Кого ещё там несёт? – возмутилась хозяйка, – обязательно отыщется тот, кто просто обязан мешать активному творческому процессу, – она, с явной неохотой покинула своё рабочее место и распахнула дверь.

За ней стола старшая по подъезду, «божий одуванчик» Евдокия Тарасовна Вздохова.

– Милочка, они же там, внизу все мои цветочки вытопчут. Уж я их и стыдила, и уговаривала и даже милицией стращала, да всё без толку. Вас требуют. Желают лицезреть на балконе. Вы их уважьте народ, выйдите, пожалуйста, на балкон.

– Да кто требует? Ничего не пойму! Вы о ком?

– О женихах ваших. Вы в своей посл... крайней книжечке, сдуру адрес этот пропечатали, вот они и явились. Хотят...

Лерура старуху недослушала, она метнулась в зал, схватила пачку банкнот и, не отвлекаясь на немые взгляды подруг, рванула балконную дверь. Перед её глазами предстала удивительная картина. Внизу, заполнив

всё пространство от проезжей части дороги до самого подъезда, стояли разномастные мужчины и, задрвав головы, смотрели вверх.

– Избранника! – заревела толпа, увидев поэтессу. Предъяви народу победителя! Давай счастливчика!

– Он сейчас в ванной. Моется с дороги, – не соображая, что делает, выпалила поэтесса и продолжила, – а деньги вот, целёхонькие. На свадьбу нашу пойдут.... – она хотела ещё что-то сказать, но три разноцветные тени бросились ей под ноги.

Абсолютно белый, породистый кот Барин, беспородная, серая в полосочку кошка Мурка и котёнок Черныш, решили, что именно сейчас пришло время игр и шалостей.

От такого бурного натиска Лерура пошатнулась и, хватаясь за балконные перила, выронила деньги. Те, поэтично кружась в лучах, вышедшего из-за облаков солнца, разноцветными фантиками заспешили вниз, к неопишуемой радости толпы.

– Моя клумба, мои цветочки, – промямлила Евдокия Тарасовна, и пошла звонить в скорую помощь. Кому-нибудь - да понадобится.

ДВА ЧАСА СПУСТЯ.

Подруги сидели на кухне и пили чай, заваренный из пожелтевших розовых пакетиков.

– Судьба. Судьбинушка. От неё не уйдёшь, – отхлёбывая из кружки с отломанной ручкой, констатировала Ханатекстова.

– Тут либо талант, либо деньги. По иному не бывает, – согласилась с ней Запятых.

Лерура в разговор не вступала, она молча наблюдала за Чернышом, игравшим с каким-то комочком бумаги. Вдруг она резко вскочила с табуретки и кинулась к котёнку. Отняла у того игрушку и развернула бумажку.

Перед глазами присутствующих предстала искусанная, но всё ещё действительная пятитысячная купюра...

– Живём! Гуляем! Желаем целых две бутылки «Киндзмараули»! – перебивая друг друга, галдели женщины, весело толкаясь в тесном коридоре квартиры, где иногда случаются столь удивительные метаморфозы.

---

* Стихи Николая Дика, г. Азов. Специально для этого рассказа.

ТАМАРА ПИРОГОВА родилась и жила в городе Рыбинске Ярославской области, в настоящее время более двадцати лет живет в Ярославле. Окончила факультет журналистики МГУ имени М.В.Ломоносова, работала в редакциях радио и газет. Много лет была руководителем рыбинского городского литературного объединения. Автор около двух десятков сборников поэзии и прозы. Произведения Тамары Пироговой публиковались в многочисленных рыбинских, ярославских, петербургских, московских изданиях, в том числе, в журналах «Русский путь на рубеже веков», «Невский альманах», «Южная звезда», «Литературная Галактика», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «День и ночь», в интернет-изданиях «Парус», «Великороссь», «45-я параллель», «Камертон» и других. Член правления Ярославского регионального отделения Общероссийской общественной организации писателей «Литературное сообщество писателей России», член Союза журналистов РФ, лауреат конкурса московского Рубцовского центра «Звезда полей», участник и дипломант региональных и всероссийских поэтических фестивалей и конкурсов.

ГЕРОЯМ 1812 ГОДА

Их имена начертаны на стенах
Святого храма имени Христа.
Их души – здесь. Их подвиг –
в наших генах.

Над их судьбою – золото креста.
В молитвах наших оставаясь с нами,
Они навечно обрели покой,
Но держат над землей родное знамя
Своею богатырскою рукой!

***

Высокий берег. Волга не спеша
Уносит в дальний путь свои глубины.
В них растворились шорох камыша
И вёсел взмах, и рокоты турбины.

В них светятся ушедшие века
И воинов победные доспехи...
Бежит, бежит великая река
И по столетьям расставляет вехи.

СПАСИБО, КНЯЗЬ!

Сюда пришел ты, всемудрый княже,
И рек: «Мы город поставим здесь.
Когда потомок спасибо скажет –
Мы сквозь столетья услышим весть!»

И вот стою я в огнях витринных,
И шепчут губы: «Спасибо, князь!»
Всё чаще думы о днях былинных,
Всё крепче с сердцем народным связь.

***

Узкая, знакомая дорога.
Вдоль нее – черемухи кусты,
Желтых одуванчиков морока...
Поле до деревни – три версты.
До сих пор там ждут меня, я знаю,
И привычен молчаливый путь.
«Вот моя деревня...» – вспоминаю.
Некуда от родины свернуть.

***

Дождь бросает в тихий вечер
Брызги серебра.
Капли падают на плечи,
Вся трава мокра.
Каждый листик шепчет: «Здесь я
Радугой зажгусь...»
Пусть сияет в поднебесье
Сказочная Русь!

***

Залитый солнцем августовский вечер
Зовет меня куда-то наугад.
И каждый путь несет мне радость встречи,
И птичьи песни счастье мне сулят.

Я складываю скромные пожитки:
Ведь август обещает чудеса.
А сердце, как воздушный змей на нитке,
И мечется, и рвется в небеса!

***

Время любви в разгаре.
Август, не торопись!
Лето еще мне дарит
Полную света жизнь.

Льются дожди косые,
Радуги-миражи.
Мы по тропе, босые,
В рощу с тобой бежим...
Дни будут всё короче.
Выстудит дождь стекло.
Буду хранить меж строчек,
Август, твоё тепло.

***

За вагонным окном всё мелькают березы,
Словно силятся поезд догнать.
Но лишь нежный и горький дымок тепловоза
Остается стволы обнимать.
Так составы судеб громяют сквозь годы,
Остановок не будет в пути.
Говорят, ностальгия выходит из моды...
Хорошо бы вот здесь и сойти.

***

Я слушаю шепот листьев.
Пора им, пора в полет.
Вся мудрость извечных истин
В багряной листве живет.
Ветра на ветвях качают
Восход и закат земной...
То радостно, то печально
Шепчитесь, друзья, со мной!

***

Нежданно снег сошел с небес
Некстати, рано.
И непривычен белый лес,
В саду – всё странно...
Зачем ему так рисковать?
Ведь он растает!
Но кто-то хочет колдовать –
И снег летает.
Но кто-то хочет изменить
Наш мир уставший,
А может, просто подразнить
Листок опавший...

***

Что ты задумалась, осень –
Вновь этот мир постарел?
Всех нас однажды уносит
В темный незримый предел.

Падает золото листьев
В липкую грязь октября.
Свет нестареющих истин
Льется, надежду даря...

***

Кленовая жизнь золотая, –
Недолго ей быть золотой.
Листва, над землею летая,
Лепечет куплетик простой,
Куплетик заигранной песни:
«Мгновенья уходят, лови!»
В ладони мне падает вестник
Нечаянной чьей-то любви...

***

Срываются яблоки с веток,
Лежат на холодной земле.
Уходит, прощается лето...
Я помню, как в Божьем тепле
Плоды созревали на воле,
Был сад – словно маленький рай.
И вот в золотистом подоле
Их осень несет: «Забирай!»

***

Резные листья
Летят во мрак.
А ветер-мистик,
Осенний маг

Вовсю колдует,
Несет их вдаль.
Да, всё минует...
Но мне их жаль!..

***

Кончилось время смешков и пародий,
Стала золой золотая листва.
Ветер холодный по улицам бродит –
И остывают земля и слова.
В мире всё тише, мрачней и тревожней.
В темную заметь уводят следы:
Там, прижимая к ветвям осторожно
Новые почки, притихли сады...

***

Запуган и жалок мир бранный –
Тиранит ковид всех людей.
И каждый сидит, словно пленный,
В квартире смиренной своей.
Один защищается маской,
Другой ждет спасенья с небес,
А третий всё стонет с опаской:
– Кто снимет нам с плеч этот крест?..

***

В поле заснеженном – тихий свет,
Солнца усталый взгляд.
Кем-то оставленный лыжный след
Тихо пронзил закат.
Сумерки нежно обняли даль,
Кончился зимний день...
Как безответна земли печаль
Перед уходом в тень!

***

Морозной ночью пишутся стихи
О том, что мир во тьме глухой затерян...
О, Господи, прости нас за грехи
И дай нам путь, который будет верен!

Окно покрыто мглой ледяной
И не видать конца суровой ночи...
Всё не хватает мне строки одной,
Единственной среди случайных строчек.

***

Летели птицы на закат,
Что догорал вдали сурово...
Как этот мир велик и свят,
Я поняла в тот вечер снова.
Мне открывалась тайна тайн...
Как будто ангелы летели
Среди негромких птичьих стай,
Среди мороза и метели.

***

Спускался белый снег с небес
Торжественно и тихо
На ближний дом, на дальний лес...
Божественная прихоть!
Небес немая благодать
Ложилась мне на плечи,
И мне хотелось снегом стать –
Лететь в твой день и вечер...

***

Природа листает поспешно
Потрепанный свой календарь.
То май закурчавится нежный,
То иглами колет январь.
И нет никакой передышки
Усталым наездникам дней,
И плачут они от одышки,
Своих проклиная коней.
А время в тупик загоняет...
И вдруг открываешь простор –
Как солнце сегодня сияет!
Как тонок снежинок узор!

ЖИВАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Струится снег вдоль окон,
Метели нет конца.
Звездой одинокой –
Фонарик у крыльца.

Маячит, призывая
На ледяном ветру...
Та звездочка живая
Погаснет поутру.

Ее забудут люди
При ярком свете дня.
Она их не осудит,
Для ночи свет храня...

***

Застыло солнце надо мной,
Деревья в инее – как храмы...
Как сон, встает в тиши земной
Виденье райской панорамы.

Искрятся россыпи лучей,
Играют радужные светы –
Как будто тысячи свечей
Горят за здравие планеты!

***

Садится солнце за березы,
И стынет мир в холодной мгле.
Зима. Январские морозы.
Узор, как фреска, на стекле.
Случайный миг... Иль не случайный?
Блестит искристый завиток,
Как отпечаток мысли тайной,
Как вдохновения урок.

БЕРЕЗА

Березы одинокая свеча
Качается на краешке Вселенной.
И звезды понимающе молчат,
Внимая жизни трепетной и тленной.

Горит береза инеем зимы,
Шумит листвой новорожденной мая.
Она живет – и с нею живы мы,
Молчанию вселенскому внимая...

***

Стоят последние морозы...
О, как медлителен февраль!
Заиндевелые березы
Еще печально смотрят вдаль,
Еще холодные рассветы
Не будят почки ото сна.
Но с каждым днем всё больше света,
Всё больше верится: весна!

***

Живем в преддверии тепла.
Уходит зимняя эпоха.
Она студеной, злой была,
Но в нас таилась веры кроха.

Пусть были адом дни зимы,
Пускай порой трещали стены, –
Всё претерпели с верой мы!..
И вот настали перемены.

РАДИК АХУНЗЯНОВ родился 14 января 1967 г. в республике Татарстан, г. Менделеевск. В 1984 г. окончил среднюю школу №4 в г. Менделеевск. 1985-1987 г.г. служил в советской армии. В 1991 г. окончил Казанский Государственный институт культуры. Работает в сфере культуры. Выпустил сборники стихов при татарстанском отделении Союза российских писателей: «У Тихих Гор» 2006 г., «Ключ к сердцу» 2007 г., «Камертон любви» 2010 г., «Веснушки маленькой реки» 2017 г., «Инвентаризация звёзд» 2022 г. Редактор-составитель коллективных сборников поэтов менделеевского района Республики Татарстан: «Лира Прикамья» 2012 г., «Бондюжские родники» 2015 г., «Ансамбли, песни и стихи» 2019г. Публиковался в журналах «Автограф» г. Донецк, «Новый Енисейский литератор» г. Красноярск. «Аргатак-Татарстан», «Идель», «Чаян» г. Казань. Слова и музыку начал писать в 1987 г. Активно занимается Бардовской песней. Дипломант XXIV Всероссийского фестиваля авторской песни «Гринландия 2016» в поэтическом конкурсе «Романтики дальних дорог» г. Киров. Лауреат фестиваля бардовской песни «Живая струна 2018» в номинации «автор музыки» г. Чебоксары. Лауреат VII регионального фестиваля авторской песни и поэзии «Песни моей души 2019» г. Казань. Обладатель спец приза «Музыкальная фантазия» XIV музыкального фестиваля «Звёздное небо 2019» г. Уфа. Лауреат фестиваля бардовской песни «Вдохновение 2013» г. Елабуга. Лауреат XII фестиваля «Яльчинские встречи. Музыкальный политехник 2018» в номинации «автор исполнитель» г. Йошкар-Ола. Обладатель Гран-при межрегионального фестиваля «Бавлы-Сулинка-Белый ключ» 2022г.

НА РЫНКЕ

Встанут в ряд – то ль бабуси, то ль пешки:

Одинаковы даже тележки.

Что на них привезли? Разный овощ

Без надежды на чью-нибудь помощь.

Ели солнце в дали подпирают.

Над рекой – лебединую стаю

Проводили глазами старухи:

А погода сегодня не в духе.

Есть у каждого в жизни дорожка.

Переполнено если лукошко,

Кто с улыбкой несёт свою ношу,

Кто твердит: «Ой, устала, всё брошу».

Без воды кипяtilьник сгорает,

Без любви жизнь проходит пустая.

Приколоть ли от сглаза булавку,

На везение делая ставку.

Будто тикают часики в сердце –

Никуда от заботы не деться.
Разложили бабуси корзинки,
Овощами торгуют на рынке.

ЖОРЖ СЁРА

Так мало жить, так много сделать
И утешительно пьянеть
От цвета синего на белом:
Желать, найти, создать, успеть!

Под властью солнечного спектра
Цвет краски оставляет кисть.
И шуруется Сёра от ветра,
И на ветру сгорает жизнь.

А он опять с холстом, с мольбертом:
Мазок к мазку на полотне.
«Купание в Аньере» летом.
Короткий отдых - лишь во сне.

Свой стиль, свой точечный набросок.
Искусство – жертва, не игра!
Он это знал, и жил не просто,
Адепт непонятый, Сёра!

БАБЬЕ ЛЕТО

Тонкой нитью висит паутина,
Сединой отликает атлас,
Пожелтевшю шалью осина,
Принакрылась в предутренний час.

Стало меньше зелёного цвета,
И не слышно в саду соловья,
В паутине запуталось лето,
В паутине запутался я.

Всем непросто в запутанной жизни,
Вот и я ошибался не раз,
И туман неразборчиво виснет
Надо мною, не радуя глаз.

Я иду за клубком нити длинной,

По тропинке не прожитых лет,
Иногда виноватым и ссыльным,
Иногда же, как бравый корнет.

Лёгкой тканью кружит паутина,
Будто белая чья-то вуаль,
Я сентябрьскую вижу картину,
А в душе моей — снежная даль.

РОМАНС СВЕЧИ

Четыре четверти. Романс звучит.
Кто смотрит на меня из центра зала?
При свете пастернаковской свечи
Метель и ночь судьбу мою связали

В одно единое, в один порыв,
В созвучье лиры и созвучье слова!
И в голосе - энергии прилив,
А музыка - души моей основа.

И за окном деревьев седина
Прислушалась к шести звенящим струнам.
Прислушались звезда и тишина.
А сквозь стекло и луч пробился лунный.

Огонь свечи тревожит много лет.
Мне кажется, что рядом кто-то дышит.
Я чувствую - присутствует поэт
Здесь, рядом, в зале, и меня он слышит.

БАЯНИСТ

Слепой играет на баяне
В забытом Богом уголке.
С любовью слушают сельчане
Его в веселье и тоске.

Худые пальцы баяниста
Аккорды сложные берут,
Выводят их легко и чисто,
И не собьются, не соврнут...

Когда-то он смотрел на тучи,

Во все глаза встречал рассвет.
Удар судьбы, несчастный случай-
И на душе печальный след.

Выводят под руку на сцену,
И льется звучный полонез.
И вспоминает он Елену,
Подругу детства, летний лес...

Меха обтерлись на баяне,
А новый не на что купить.
Но, если он играть не станет,
Что остается - спать да пить?

Да, музыкант он виртуозный!
Таланту сделать лишь дано
Непостижимое возможным.
А жить на ощупь суждено.

***

Вот времена! Забор не подопрешь-
Украли воры трубы со двора.
Ругается старик: "Едрена вошь,
Лежали у сарая лишь вчера!"

Подгнил забор, и крыша набекрень.
Того гляди, развалится изба!
А под окном вовсю цветет сирень,
Но не вернет уж молодость судьба.

Таращит пес довольные глаза-
Вор прикормил, наверно, колбасой.
Вон отвязалась с привязи коза,
Но силы нет гоняться за козой.

Старуха рвет крапиву для свиней,
боль в поясницу часто отдает.
Кто позаботится теперь о ней?
Дочь за рекою, в городе живет.

Гнедая - в стойле, кошка - на печи.
Вести хозяйство им не по годам.

Старуха и старик, как две свечи,
Сгорают от несносного труда.

***

Некурящий я, это верно.
А то выкурил бы пачку,
Но не всю,
Половину примерно,
Подумав и про заначку.

Непьющий я, это верно.
А то выпил бы
За женщин стоя
С друзьями в ближайшей таверне,
Чтоб сдавались мужчинам без боя.

Воспитанный я, это верно.
А то послал бы всех
Куда подальше...
Что-то стал я какой-то нервный
Но ведь не был таким я раньше!

ВЕРЛИБРЫ

Арабы пишут справа налево,
Я слева направо пишу.
Всё о том же,
О чём пишут на Ближнем и Дальнем Востоке.

С каких бы сторон
Не прокладывали направления в своих сочинениях,
Мы всё равно пересечёмся
В одной точке,—
В точке любви к ближнему.

2

Вчера чёрная кошка
Нам перебежала дорогу,
Мы сказали: «К чёрту»,
И проследовали дальше.

Сегодня на перекрёстке
Мы наткнулись на похоронную процессию,
Когда дорога освободилась

Мы сказали: «С Богом»,
И пошли вперёд.
Завтра дорожники эту улицу перекроют
Для проведения ремонтных работ.

3

Купишь без примерки костюм,
А вдруг не подойдёт?
Потеряешь чек, и будет висеть на плечиках в шкафу.
Придётся использовать формулу:
«Деньги-товар-деньги».
Всё нужно примерять на себя:
Солнечные лучи,
Профессию,
Гвоздь, на котором будут висеть коньки в гараже.
Кровать, на которой будешь прощаться с молодостью.
Кресло в гостиной,
На котором будет тебя дожидаться твоя старость.
Время, в котором будешь жить.
Не зря обустроили примерочные,
Необходимая услуга.
Даже на женщину в Службе знакомств
Нужно обратить особое внимание:
А вдруг не подойдёт?
Так и при переливании крови
Необходимо убедиться у врача
В предлагаемой группе и резусе.

4

Я смотрел с моста вдаль,
Меня устраивала погода,
Но природа не вызывала радости:
Птицы как птицы, ветер как ветер.
Маленькая девочка, находясь рядом со мной,
восхищалась солнечным утром
Как-то особенно, проникновенно и трепетно.

Повернувшись ко мне,
жизнерадостно улыбнувшись,
Она сказала:
«Папа с мамой мне купили новый слуховой аппарат».

5

Люди, часто открывающие холодильник
Для того чтобы перекусить и поесть, –
Полнеют.
Но не это беспокоит,
А тревожит то, что
У людей, которые часто открывают холодильник,
Становятся чувства прохладными.

6

Встретимся на краю света.
Знать бы, сколько краёв у света,
Столько, сколько граней у стакана
Или моих переживаний о незнании этого?

Останемся жить вечно на краю света.
Знать бы, где тот лучший край –
Там, где восходит солнце,
Или там, где живёт
Самая красивая девушка по имени Света?

7

Трава сквозь асфальт пробивается к солнцу,
А сквозь полиэтилен пробиться не в силах.
Человек живёт по-своему,
У него другая конституция тела,
Возможности
И оценочная стоимость.
К моей печени орёл не прикасался,
Но устойчивую цену печень теряет,
А стремление моё оценивается по достоинству.
Мои почки к моим не молодым годам подешевели,
А творческие способности подорожали многократно.
У сердца остаточная стоимость упала,
А опыт держится в цене и не падает.
Коньяк крепнет.
Плоды сада созревают.
Человек развивается,
Так развивается, что шикарную пепельницу уже не подаришь,
Беговая дорожка на дому выглядит предпочтительней.

8

Если в первом акте спектакля

На стене висит велосипед,
То во втором акте
На нём должны ездить.
Если и в третьем акте спектакля на стене висит велосипед,
В четвёртом акте
Парень обязательно должен предложить
девушке прокатиться.
Но если и в четвёртом акте на стене висит велосипед,
То, значит, по замыслу автора пьесы, на улице зима.
Лучше бы на стене висело ружьё.

9

Бастует Энергосбыт–
Люди мало потребляют электроэнергию,
Выходят на улицу и радуются солнцу.
Бастуют сексопатологи, работы нет –
Мужчины и женщины научились любить друг друга.
Бастуют повара, сокращение неминуемо –
Люди стали умеренно есть.
Бастуют сотрудники библиотек,
Не хватает книг– люди стали много читать.
Бастуют работники бензоколонок –
Автомобили начали ездить на воде,
А люди веселятся под дождём, как дети.
По последним сводкам,
Забастовки ни к чему не приводят,
Правительство не в силах помочь.

10

Упасть может многое, всё не предусмотреть.
Упасть может созревшее яблоко с ветки
И температура тела.
Упасть может на землю слеза Господа
И человеческое настроение.
Упасть может давление,
И ребёнок, который учится ходить.
Упасть может ложка со стола
И скорость интернета.
Мы не относимся к тем людям,
Про которых говорят: «Волос не упадёт с головы его...»
После всех падений нам нужно всё поднимать.
После всех падений нам нужно просто вставать,

И стоять на своём.

Твёрдо.

11

Почему у мужчин вдруг ухудшилось зрение?
Как много красивых и замечательных женщин,
Но мужчины их не замечают.
В кабинете офтальмолога
При проверке зрения
В таблице
Они не видят буквы: «Л», «Ю», «Б», «О», «В», «Ь».
Им выписывают очки,
А будут ли они их носить?
Им выписывают очки,
А смогут ли они хорошо видеть?
Нужно не только видеть,
Но и слышать, чувствовать, любить.

12

Хуже всего,
Когда школьники разговаривают матом.
А что станет,
Если они начнут материться?

13

От сердца до печени
– девять сантиметров.
От радости до печали – мгновения.
От Земли до Луны – один только взгляд.
От рождения до Господа
– вечность.

14

Слава Богу,
Номер мобильного телефона –
Это ещё не имя, его можно заменить.
С именем всё иначе – это навсегда.
Имя нам даёт тот, кто нас родил,
А тот, кто явил, в этом уже не участвует.
Имя вписывают нам в паспорт,
Мы в свою очередь вписываем в историю.
Через сотню лет по имени и фамилии
Нас смогут отыскать в архивах, в музеях,

В фамильном древе.
Имя глубоко в нас, в позвонках и в печёнках,
В подсознании эхом отдаётся,
Отражается от стен.
В памяти отпечталось у тех, с кем общаюсь, кого люблю,
И у тех, кто меня не любит.

15

Если бы просвечивала
Душа,
Но у тебя просвечивает
Только платье.

ВЛАДИМИР ПЛОТНИКОВ

Самара

Член Союза писателей и Союза журналистов России. Печатался во многих российских и зарубежных СМИ. Лауреат всероссийских журналистских премий: главный СМИ-конкурс Федерации независимых профсоюзов России, «Слово к народу», «ПЕГАЗ» и др. Сотрудничает с лит. изданиями «Русское эхо», «Российский писатель», «Наш современник», «Проза», «Литературная газета», «Крещатик», «Гостинный двор», «Северо-Муйские огни», «Интеллигент», «Wirdeutsche-ausrussland — Немцы из России»... Участвует в авторских сборниках писателей Поволжья, Москвы, Сибири, Болгарии, Германии... Среди изданных книг прозы, худ. публицистики и поэзии: «Ночной кошмар с Николаем Сванидзе» «Степан Бердыш», двухтомник «Московит и язовит», «Капель наш часовой. Книга лирики», «Самарские тайны Российского кино», «Билеты встреч и разлук», «В плену у Воланда, или сны Маргариты», С 2015 года ведет авторскую рубрику «Словомер» на центральном сайте СПР «Российский писатель». Победитель всероссийских, международных и межрегиональных литературно-художественных конкурсов: «Литературный Факел», «Русское эхо», «Немцы из России», «Российский писатель», «Конкурс Нефтегазстройпрофсоюза РФ», «Имени Гарина-Михайловского», «Имени Эдуарда Кондратова». Лауреат акции «Мужчина городского округа Самара-2015. Номинация Мужчина-профессионал». Автор сценариев к документальной серии «Города Самарской губернии», художественным фильмам, в т.ч. «Трасса судьбы»...

ДВА ЛИЦА... ОДИН БИЛЕТ

— Здравствуйте. Я ваш попутчик. И это судьба.

Я говорю эту пошлость, потому что надо что-то говорить и говорить весело. Никто не заставляет говорить весело (да и весело ли? – ещё вопрос) — мужчине не пристало выглядеть скучным. Есть, правда, и обратная сторона. Навязываясь с, как тебе кажется, шутками, рискуешь остаться занудой. Но в такие детали вдаются единицы. Я из них.

Накрученный задор моих слов никак не подкреплён решительностью взгляда. Прямо и долго смотреть на женщин не могу. Кажется, что оскорблю, да и если долго — обязательно расплывусь от уха до уха.

Но не смотреть прямо не значит не видеть. Мой взгляд остёр и прихватчив. И я вижу: на приветствие не ответила. Впрочем, вру: эту ракетную бирюзовую искось — а у неё ТАКИЕ глаза — уловил не столько я, сколько кто-то очень чуткий внутри. Подсознательный пеленгатор. Значит, не совсем без интереса?

— Переодевайтесь, пожалуйста.

И мягко прикрыла дверь.

Познакомились...

Сквознячок взвихряет лёгкий шлейф незнакомых, но чудных духов. После пятисекундной заминки сосредотачиваюсь и начинаю распаковывать чемодан. Так. Трико, майка... А тапочки? А тапочки в другом углу. А голос, кстати, приятен и текуч, можно сказать, обволакивает. Или знаком? Потому и приятен, что знаком? Нет, разумеется, я её не знаю, просто голос... определённой категории. Все женские голоса делятся на категории (мужские — на классы). Раньше всех себя выдают хищные и истеричные. Этот не из хищных. Но даже те, из этой категории, какие знал, не так приятны. Плюс фигура с чарующим изгибом. Хороша!

Я делал всё, что положено не наглому мужчине, по природе, скорее, застенчивому, но блюдущему репутацию пола. Движения нарочито замедленны, хотя внутренний ритм просто сумасшедший. Но гидротурбина работала подпольно. Подытоживающий взгляд в зеркало, вздёрг чуба, невесть для чего приглаженная пальцем кожа на месте будущей складки... И я готов.

Приглашение войти повторил дважды. Первый раз всё съела неожиданная охрипь.

Она не замедлила ждать. И дуновение в открытую дверь освежило кубометры тоски.

Вот села на диван, открыла толстую книгу. До того, как положила её на столик, успел выхватить фамилию. Шолом-Алейхем. И уже где-то посередке. Разлом проложен фантиком. «Белочка».

Ага. Мы любим читать. Прекрасно. Нам же проще. Думаю почти с облегчением: похоже, не надо разыгрывать трепача. Это меня всегда радовало: не сердцеед, даже, наоборот: внутренне безжалостный критик сего циничного сословия. Но почему-то и не радовало. В этот раз. Что такое? Задета струна самолюбия? Мужского! Как же: ни интереса, ни внимания. Ни капли! Опять не верно. Капля была — косая, но жгучая и увесистая при знакомстве, — она впиталась, куда надо. Случайным такой взгляд не назовёшь. В нём есть нечто...

Молчание затянулось. Все-таки лучше хоть какой-нибудь интерес, пусть бы он потом и угас по вине моего занудства... Брр, ненавижу в себе вот это мелкое петушиное чванство. Хромосомы самца, и никуда не деться. Ну, вот и дань лженауке. А ведь до войны посещал курс Вавилова.

Заглянувший проводник посулил чаю. Но как-то излишне сурово. Свысока даже.

«Будем», — одновременно и единогласно. Рассмешило обоих. Она отложила «еврейскую трагедию». Я не преминул прокомментировать:

— Какое счастье, что мы не тогда, а их горести останутся в книгах.

— По-вашему, правильно доверяться книгам? Жизнь сложнее, а зло проще и оттого сильнее. Не верно зарекаться от чего-то.

Во выдала! Голос живой, красивый, играющий. У «барышень», пропаренных Кратким Курсом, таких ноток не уловишь. Но как она неосторожна. Знал я одну... да, вот — с тем же, вспомнил, голосом. Тем же, да не тем. На 180 градусов не тем. Как всё-таки много значит интонация. А ещё больше — искренность. У неё — от души, а не от напускного энтузиазма. Нет, я люблю и Партию, и нашу Советскую Родину. Не люблю горнистов: ни в постели, ни за столом. Хотя сам из таких.

Я как все. У каждого где-то на доньшке запекается маленькое эхо от горна и дремлет, затянутое ряской. Прорезается наш трубач в самый неподходящий момент. Худо, когда голос высмеивает эхо. Ещё подлее, если голос обвиняет, а потом судит эхо. И уж полная дрянь, когда голос сажает эхо. Но от этого никуда: за голос отвечает эхо.

Проводник вернулся с чаем в тяжелых дореволюционных подстаканниках. В этом поезде всё старое, как в музее, даже атмосфера. Такие люди меня смущают, а при напоре — раздражают. Высок, грузен, чуть потаскан, мешки под глазами. Но во всём — холёность, непрогибаемость. Говорит едко, но совершенно без выражения. Точно — из бывших.

Как, впрочем, и ты. Ты же захватил первый класс самарской гимназии. И с отцом повезло. Офицер, георгиевский кавалер, в 1918-м перешёл на сторону Советской власти. Голову сложил в Туркестане. Как угадал...

Смутное детство. Учёбу заканчивал в нашей уже школе. В нашей, потому как был и остаюсь советским человеком. При этом не верю в вину Вавилова. Но и не кричу об этом. Как и о многом другом. Весь крик души выплеснул в последней штыковой атаке — в 1945-м, под Бреслау. Там контузило. Фашистский штык был точен — в сердце, спас блокнот...

Я хочу ей сделать комплимент. Но как? Она однозначно показала, что банальности не пройдут. И мы обойдемся без Безыменского. И будем начеку. Женщину можно оскорбить самой пылкой похвалой. Скажи русской «Красивая дама», но по-чешски: «Пани урота».

Пришла на помощь сама:

— Могу отдать свой сахар.

— Согласен. В обмен на конфеты.

Достаю коробку шоколадных «мишек». И тут по глазам её вижу: это женщина. Конфеты — одна из самых сильных её... слабостей.

— Вы победили. Я сдаюсь. Мои любимые. Даже в блокаду их делали, — затрепетавшие пальцы приходят на помощь побеждённым глазам. — Всё так просто и сложно.

Вот и всё: женщина поборола декабристку. А кто помог? «Мишка на Севере», хозяин тайги. Впрочем, я был «за».

Беседа налаживалась, входя в русло простодушного приятельства. «Сергею» откликнулась «Людмила». Строго и чинно я достал цимлянское и крабов. Она — сыр и булку. Поочередно и без сговора. Остальное было проще, чем и радовало: картошка, капуста, огурцы, сальце.

Никогда я не говорил с посторонней женщиной так легко и про всё. Не касался только войны. Зато про юность, школу, вуз «раз по паре» прихвастнул. Это простительно, потому что не ложь. Ложь — это когда неправда во всё. Обман — правда не во всё. Ложь непростительна. Обман бывает благим, особенно если утешаешь и, тем более, когда правда способна убить.

Она говорила меньше, но здорово и с большим достоинством. Я не мог наслушаться. Ручеек был мелодичен, в меру серьёзен, и в этой серьёзности угадывалось самородное остроумие. Эта распевная редкость придавала каждому её слову весомости и очарованья. Разговор мне уже казался драгоценностью, которую разбить страшно и очень легко. Достаточно первой же неловкости.

Точность и поэтичность её сравнений свидетельствовали о филологическом кругозоре и немалом житейском опыте. Сколько ей? Если верить возрасту не травленной табаком речи — немногим меньше, чем тебе. А с виду не более тридцати. Здесь всё: ум, мудрость и самое редкое — терпимость. Она понимала всё, но ничего не навязывала. Иногда смеялась, и это было самое восхитительное — хрустальный колокольчик звенел с искристой вершины королевской ёлки.

— Видишь, как всё просто и сложно, — сказала она.

И он заметил, что ты давно не косишься, а смотришь прямо и тепло. И локти твои — на столе. Как у гимназистки Люсиль — дочери профессора Ларецкого. Но он не чувствовал себя учителем. В этой ученической позе было что-то трогательное, располагающее к доверию и... Насчёт большего угадывать боялся. И не столько от волнительного предвкушения... Боялся того сильного и большого, что может прийти к обоим, во всяком случае, к нему. Когда закончилось вино, он предложил продолжить в вагоне-ресторане...

Её благосклонность сводила с ума притом, что не было в ней ничего жеманного, завлекающего. Естественно и не усложняя, она говорила «да», которому ничто не мешало в любой миг сойти на нет. Тут как на минном поле. И я старался изо всех сил соответствовать, блюдя такт и меру, «которых» искренне чтил. Себе же на пользу. Женщины, как известно, пол слабый, но прекрасный. При этом каждая из них является зеркалом своего мужчины. И не всякому дано уметь не обезобразить это зеркало.

Оказывается, бывают и такие женщины. Почему их встречаешь так поздно? В молодости таких не было. Это он знал точно. Он увлекался. И не раз. До свадьбы не дошло ни разу. Но помнилась почему-то только та самая Люсиль, героиня первого романа. Они встречались, если без антрактов, два года — последние два класса и на первом курсе. Потом он не выдержал. Люсьена была настоящая барышня-недотрога. Зазнайка! Сейчас, вспоминая её капризы, её нетерпимость, он поражался собственному долготерпению. Теперь его выдержки не хватило бы и на час общения с Люсиль. Нет, она была весьма недурна, упражнялась в балетной студии, одевалась со вкусом, но всё в ней было — чопорность и перехлёст. Собачились по поводу и без. Мирились поцелуями. На первых порах она ему нравилась. У них было то, что в этом возрасте прикидывается «любовью». Но после двух с половиной лет кабалы он её почти возненавидел.

С тех пор ты с Люси не виделся. Да и где? После разгона генетиков ты тихо защитил диплом и убыл в Комсомольск-на-Амуре. И скоро забыл всё. Строящемуся городу с сотнями молодоженов требовались учителя. В итоге, к твоим химии с биологией приптели развесистый букет гуманитарных предметов...

Потом война... Она сопровождала его все годы, но не тут, не рядом, а близко, по соседству.

...Вагон-ресторан был пуст, лишь у буфета мерно качалась парочка. Она выделяла электричество. Искр пока не было, но ток предупредительно потрескивал. Не успели сделать заказ, как началось. Поставив нам коньяк и фрукты, официант на обратном пути выразил восхищение:

— До чего красивая девушка! Восточный разрез глаз. И имя, наверное, восточное. Гульнары или Гюльджан...

— Гюрза, — мягко поправил парень, дрессированно закрывая грудь меню.

«Гюрза» прищурилась и твёрдым, как алмазный нож, взглядом взрезала «змеелова» от переносицы до пупка. Губы её при этом вымяукивали: «Мау-у». Следующий такт был молниеносным. На лоб парня обрушилась тарелка. Папка-меню оказалось проворней.

— Я же говорил, — кротко улыбнулся он, сыпая осколки, и резко пальнул из перчатки.

Боевые действия активизировались. Стратегические предпочтения «гюрзы» составляла пустая форма: стакан, тарелка, графин. Лишнее доказательство, что даже внутри амазонки прячется прачка. Сильный пол, напротив, орудовал содержательным элементом: перец, соль, уксус. Мужской выбор объяснялся проще: жирных блюд заказать не успели.

Заключительным аккордом битвы стал обоюдный рывок к середине стола, где губы судорожно слились.

— *Видишь, как всё просто и сложно, — одними глазами улыбнулась Людмила. И уже не вслух:*
«НЕ УЗНАЁШЬ?»...

После этого пить и есть не получалось. Во-первых, от смеха, а во-вторых, от страха, как бы за этот смех не поплатиться. В итоге, уговорили официанта завернуть заказ в кулёк.

Дотрапезничали в купе.

Но вечер зрел. А с ним и сон. Перед сном был поцелуй — долгий и сладкий...

Всё поменялось... я — ты. Ты — я. Та...

Заснул не сразу. Весёлой дробью распалась плоть. Романтика овладевала мыслью, ища затерянный экстаз. В содружестве с хмелем ей это удалось без боя. Засыпал счастливый и влюблённый. И уже не видел, как долго и нежно я наблюдаю за тобой — спящим, вздрагивающим и беспомощным, Серёжа.

Я — ты. Ты — я. Та...

Шматком строганины угрюмился месяц, а бирюза влажно сверкала из темноты, и губы грустно повторяли всё те же два коротких слова... НЕ УЗНАЁШЬ?

...Разбудил дикий крик. Сначала не понял. Потом различил очертания. Дошло: купе. Память быстро доклеила остальное.

Она прижалась к стене: затравленный зверёк. В глазах стыл лунный ужас. Видимо, только-только ориентация нашлась.

Я выразил сопереживание: «Что-то страшное приснилось?»

Её тело выгнулось в зябкой вибрации.

«Напали, да? Кто: вампиры, бандиты?»

«Белки напали!»

Категорически серьёзный, неприступно трагический тон Людмилы не допускал и мысли, что кто-то в природе способен сравниться с кошмаром по имени «белки».

Тишь ночи расконопатил долгий гогот. Чуть позднее присоединилась она — серебристая трель клавикорда. Прижавшись, мы сидели на её диване...

...Утром едва не проспали станцию. Её.

Сборы в темпе «полундра». Он всё время ластился, норовил поцеловать. И требовал адрес. Достала карандаш, впопыхах начеркала каракули на... Оказалась изнанка билета. Его.

Неужели так и не узнал? Он прав. Ты была такой идиоткой. Как бы напоминанием (о той!) не спугнуть снова...

Твоя станция? Прощальный поцелуй... Он не сразу развеволил путь на перрон.

Всё так просто и сложно!

Моя — следующая.

Долго не мог унять дрожи. Я влюбился?! А как же адрес, спохватился вдруг, но, увидев билет, успокоился. Что там она накарябала? Ну, и почерк! Такие каракули я видел только в школе. Была, понимаешь, одна Люсьена, самарская соученица. Для нее всё сложное было просто. А для этой... всё наоборот.

«Здравствуй...».

Это мы разобрали, дальше... закорючки то ли адреса, то ли телефона, а, может, и то и то. А внизу подпись: «Лю... си».

ЛЮСИ? Ещё одно совпадение? Сердце обожгло. И оно выпрыгивает из проруби. Срочно хлопнуть стакан. Хотя бы пива. Остальное разберу после.

Выпив в ресторане прохладного «жигулёвского», вернулся в купе.

Вот и Куйбышев. Где билет? Вот. Кладём его в портмоне. Теперь пора за чемодан.

Из открытого окна дует. Рывками. Портмоне приоткрывается, и что-то взмывает.

Второпях он хватает и, спиной к сквозняку, заглядывает между жёлто-коричневых корок. Вроде всё на месте. Ну, с Богом. На выход. Прощай, вагон.

...Билет метался по багажному отсеку, постреливая единственно внятным словом «Здравствуй»...

2007 год

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

КРАСНОЯРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

НА ЕНИСЕЙСКОЙ ВОЛНЕ

С сентября 2006 года в Красноярске под редакцией выпускника Высших литературных курсов Литературного института имени А. М. Горького, члена Союза писателей России, прозаика Сергея Кузичкина выходит альманах «Новый Енисейский литератор». С первых номеров это издание обратило на себя внимание тем, что на его страницах наряду с известными в Сибири и России писателями и поэтами нашли приют начинающие авторы. В каждом из номеров альманаха в рубрике «Писатель номера» альманах рассказывает о творческом пути писателей, публикует отклики на их произведения. С большим интересом принимается читателями раздел «В гостиную "Енисейского литератора"», где печатаются эксклюзивные материалы под рубрикой «Интервью с классиком», новые рассказы и стихи писателей из Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Самары, Орла, Оренбурга, Екатеринбурга, Иркутска, Кемерово, Иваново, Калуги, Твери, Алтайского и Краснодарского края, Московской, Нижегородской, Ростовской, Читинской областей, республики Хакасия. Активно участвовали и продолжают участвовать в создании альманаха русскоязычные писатели Ближнего и Дальнего зарубежья из Белоруссии, Молдавии, Узбекистана, Казахстана, Болгарии, Израиля, Германии, Португалии, Швеции, Мексики, Колумбии. Пользуются популярностью у читателей разделы: «Очерк, публицистика», «Отклики и рецензии». Почти в каждом номере альманаха есть разделы: «Дебют», «Творческий портрет», «Писатель номера», «Уроки классиков», «Бухта памяти».

Каждый раз в январе альманах подводит итоги и объявляет лауреата года и дипломантов по номинациям: «Проза», «Поэзия», «Публицистика», «Дебют года». Некоторые авторы, начинавшие свой путь в литературу или обретшие в «Новом Енисейском литераторе» второе дыхание, впоследствии стали членами Союза писателей России.

С 2011 года альманах проводит ежегодные конкурсы «Одного стихотворения» и «Короткого рассказа». Конкурсы, начиная с первого, перешагнули не только за берега Енисея, но и России и стали международными.

Одно из направлений работы редакционного совета альманаха поиск новых талантов, сотрудничество с литературными объединениями, помощь авторам в издании собственных книг. За шестнадцать лет существования альманаха со значком «Библиотечка "Нового Енисейского литератора"» вышли в свет более сотни книг постоянных авторов альманаха. Изданы и переизданы антологии одного стихотворения,

короткого рассказа, енисейской новеллы. Выходит постоянное приложение к альманаху – журнал для детей школьного возраста «Енисейка».

Редакция альманаха охотно сотрудничает со всеми интересными авторами из числа тех, кто не гонится за желтизной и гламуром, а предпочитает серьёзную, интеллектуальную литературу, живое русское литературное слово. Мы приглашаем и всегда рады талантливым прозаикам и поэтам, начинающим самобытным авторам.

АНАТОЛИЙ БУШУЕВ

Дивногорск

Лауреат конкурса короткого рассказа за 2015 год. Публиковался в периодической печати, в «Новом Енисейском литераторе».

КАК Я БЫЛ ДЕДОМ МОРОЗОМ

Если оказаться в Волгограде и через плотину Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС переехать на другой берег Волги, то попадаешь в город Волжский. Уютный такой городок, население — тысяч двести пятьдесят — триста.

Кстати сказать, есть на Волге ещё одна Волжская ГЭС — имени В. И. Ленина в городе Жигулёвске Самарской области, а есть ещё Саратовская — это уже в Балаково Саратовской области, там я был на практике несколькими месяцами раньше, и именно там я чуть было не женился в первый раз. Но это другая история.

А тогда, в начале декабря 1986 года, я и трое моих товарищей-студентов приехали в город Волжский на преддипломную практику. Тема моего диплома была, помню как сейчас, «Монтаж ротора генератора поворотно-лопастной турбины Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС».

На бульваре Профсоюзов, тридцать два, располагалось здание общежития, куда нас поселили на время практики. Мы рассчитывали, что нам выделят отдельную комнату, но комендант общежития расселил нас по разным, где были свободные койко-места. Моим соседом оказался Васька Громов — бывший десантник, здоровенный парень с усами и огромными кулаками. Было ему в ту пору двадцать четыре года, то есть он был старше меня на шесть лет — в таком возрасте разница огромная.

Встретил меня Васька очень гостеприимно, что было удивительно, так как очень скоро выяснилось, что Вася Громов держал всё общежитие в своих огромных кулаках. Ваську боялись все. Он там был авторитетом местного масштаба, а в общежитии в то время проживало очень много бывших осуждённых, которые после исправительных работ на предприятиях химической отрасли оставались там работать уже как честные граждане и получали прописку в нашем общежитии. Было там несколько национальных диаспор, известных своей воинственностью, тем не менее Ваську уважали все.

С первых дней Василий взял надо мною опеку. Он рассуждал так: если я его сосед по комнате, то, значит, я свой. Васька всегда делился со мной чем-нибудь вкусным, если такое оказывалось у него, и проявлял заботу, отправляя меня ночевать в другую комнату, когда к нему приходили какие-то сомнительные личности и они всю ночь играли в карты на деньги.

Иногда он был строг ко мне, запрещал употреблять спиртные напитки и шляться по ночному городу, аргументируя тем, что если меня кто-нибудь обидит, ему придётся всё общежитие поднимать, чтобы расправиться с обидчиками. Меня такая перспектива пугала, так как я понимал, что если мне где-нибудь набьют морду, Васька этого так не оставит, потому что я для него — свой. Такая логика.

Между тем приближался Новый год. Мы улетали домой двадцать девятого декабря, а праздничный вечер в общежитии был назначен на двадцать восьмое. Василий Громов, подсмотрев репетицию праздника, сказал мне, что ему очень понравилась девушка, которая будет Снегурочкой. И, как я понял, ему абсолютно не понравился тот парень, который будет играть Деда Мороза. Дня три Васька только и говорил о девушке-Снегурочке.

Двадцать восьмого декабря мы — мои друзья-студенты, Васька и ещё два-три местных обитателя — собрались за праздничным столом. Отмечали два события: наш отъезд и новогодний вечер в общежитии. В какой-то момент Вася вышел из комнаты и долго не появлялся. Мы выпили всё, что было припасено на тот вечер, и пошли на праздник. Жили мы на седьмом этаже, а кабинеты коменданта и воспитателя располагались на третьем. Проходя мимо, я услышал громкие возмущённые голоса, чей-то плач... Из любопытства завернул туда. Увидев меня, воспитатель — приятная женщина средних лет — набросилась на меня с упрёками:

— Я вашего Громова посажу, он доиграется. Весь праздник испортил! Мы столько готовились.

Оказывается, Васька, покинув комнату, направился прямым ходом объясняться в любви Снегурочке. Разумеется, был отвергнут: во-первых, выпивший, во-вторых, как-то не к месту. За Снегурочку вступился Дед

Мороз... Закончилось тем, что Дед Мороз был избит, а Снегурочка в слезах ушла и отказалась участвовать в празднике. Что делать?

Пытаясь как-то сгладить Васькину вину, я вдруг предложил:

— А давайте я буду Дедом Морозом.

К моему удивлению, и воспитатель, и комендант тут же согласились.

Мне приладили бороду, как водится, из ваты... Надели на меня красный халат, который Васька немного порвал, когда разбирался с Дедом Морозом. На голову взгромоздили красную шапку и в руки дали опять-таки красный мешок с подарками, довольно увесистый. Моя задача заключалась в следующем: воспитатель, она же ведущая, проводит конкурсы, я выдаю победителям подарки. Разумеется, мне предстояло призвать всех участников праздника громко крикнуть: «Ёлочка, зажгись!» Это оказалось очень простым делом: народ, разгорячённый спиртным, гаркнул так, что мне тут же захотелось домой.

Но дальше всё пошло ещё проще. Пришедшие на праздник охотно участвовали в конкурсах, я выдавал подарки, это были либо тюбик с зубной пастой, либо блокнот, либо апельсин, ещё что-то — я сейчас уже не помню. Чего я не ожидал, так это внимания к своей персоне: меня периодически подзывала какая-нибудь компания и предлагала с ними выпить, отказ не принимался, а мне всего восемнадцать лет. В общем, набрался я в тот вечер изрядно, чего уж там... Мешок с подарками я потерял, но его нашла воспитатель; она с испугом смотрела на меня и, думаю, уже жалела, что взяла меня на эту роль. Как закончился вечер, я не помню. Но утром, когда мы уезжали, комендант мне пожал руку и сказал, что все были очень довольны Дедом Морозом. Ну хоть так.

С Василием проститься не удалось, утром он спал мертвецки пьяным на полу, я так и не смог его разбудить.

Что с ним стало в дальнейшем? Приближались лихие девяностые. Пропал, наверное. Но лучше — чтобы жил.

ЗИНАИДА КУЗНЕЦОВА

Зеленогорск, Красноярского края

Зинаида Никифоровна Кузнецова, член союза российских писателей. Пишет стихи, прозу. Автор шести поэтических сборников и четырёх книги прозы.

ЧУЖОЙ КАРАВАЙ

... Ну, опять завелась, с утра пораньше. Еле дождался выходного, хотел отоспаться... Пашешь-пашешь неделю, одна надежда на выходной. Что ей надо-то, думал Виталий, проваливаясь в сладкий сон... Ага! Так тебе и дадут поспать, вон как посудой гремит, уронила что-то, специально, наверное... Стерва! А ведь какая девчонка была! Как он её любил, как добивался! Добился!

Жена на кухне минут десять громко размешивала чай в стакане. Его это даже рассмешило: ну, интересно, сколько она ещё будет ложечкой о стенки стакана греметь? Ну, пришел вчера из бани поздно, что он, первый что ли? Посидели с мужиками, пивка по паре кружек выпили... Весь кайф испортила – разоралась вчера. Он пошел спать, а она долго ещё бушевала, хлопала дверцами шкафа. "Хлопай, хлопай, - с усмешкой думал он сквозь подступающий сон, - может, вещички надумаешь собрать. Вот бы хорошо-то!" Он уже давно не любил её, как и она его. Привыкли, живут, двое детей. Она женщина видная, красивая, правда, и он не урод, фигуру сохранил, мускулы – Шварценеггер позавидует. Конечно, многие так живут, но в последнее время она совсем озверела. Спит в другой комнате. Может, завёлся кто? А что, все может быть... Надо присмотреться, иначе с чего бы она так лютовала! Все ей не так, все не эдак...

Вскоре раздался его храп. Храпит, скотина, думала со злостью Настя, до того надоел - убила бы. Уйти? Куда? Сейчас одной остаться – это надо быть беспросветной дурой – на что жить? Зарабатывает хорошо – хоть это утешает. Как он ей надоел, глаза бы не глядели. На работе вспомнишь, что скоро домой идти – ноги не идут. Хотя с другой стороны, он вроде и не такой плохой, ну выпьет когда, не скандалит... Да надоело быть и за бабу и за мужика в доме. В школе ни разу не был, не знает, наверное, в какой школе дети учатся. Она зло смахнула наворачнувшиеся слёзы. Сама виновата. Влюбилась как кошка. А что толку от его красоты. По улице пройтись, под завистливыми взглядами женщин? Этого давно уже мало. Что же делать, что делать? Влюбиться в кого-нибудь? В кого?! На работе

мужики ещё почище моего, б-р-р... Господи, как все хорошо начиналось! Счастливая была – сама себе завидовала... Сглазила, наверно. И чего не хватает, чего не хватает-то? Все есть в доме, работа, хорошая притом. Муж, дети... Или стареть начала, психи разные старческие...

В голове – унылые мысли, а руки привычно делают дело: котлеты готовы, салат в холодильник, компот на балкон. Швабру в руки и вперед!.. Села. Огляделась в квартире – красота, чистота, уют. Любит она свой дом, когда-то мечтали построить коттедж, чтобы лужайка была, бассейн... Мечты, мечты, где ваша сладость?

- Вставай, сладость, двенадцать часов уже, - она растолкала мужа, вполне миролюбиво поинтересовалась: - Обедать будешь?

"Что это с ней? – он, было, хотел притянуть её к себе, но она пресекла его поползновения.

Пообедали вполне мирно. Но она в последнее время как порох – раз, и вспыхнула. Ни с того, ни с сего! Опять минут тридцать пришлось выслушивать её тирады.

- Пойду, машину возьму, съездить надо кое-куда.

- Куда, - взвилась жена. – Никуда не поедешь.

- Да надоело лежать, хоть проветрюсь...

- Пойдем, проветримся вместе! Погода какая, к тому же праздник.

- Какой?

- Не знаю! Праздник и все. Лето. За все лето никуда не вышла. Или я уж такая, что со мною выйти стыдно, - опять завелась жена.

- О господи! Пошли, собирайся.

- Тебе легко говорить: собирайся, а мне одеть нечего.

Он хмыкнул. Все шкафы забиты тряпками, одеть ей нечего...

На улице была прекрасная погода, много гуляющих, работали аттракционы.

- Пошли по Набережной погуляем, предложил он. Согласилась. Когда-то они любили здесь гулять, вся их любовь здесь начиналась, они и познакомились там же в один из прекрасных вечеров. Тогда прекрасных...

- Помнишь? - он многозначительно кивнул на скамейку, почти скрытую от посторонних глаз кустами сирени. Здесь они в первый раз поцеловались, здесь он признался ей в любви. На него нахлынули воспоминания. Она в ответ только неодобрительно фыркнула.

- Настя, давай поговорим, все-таки. Что происходит. Ну, не хочешь жить со мной, давай разбежимся.

- Разбежимся! – взвизгнула она. – Ишь ты! Я с детьми, а ты свободный как орел! - Она вся кипела, от нее, казалось, исходили волны злобы.

- Да я могу детей взять. Раз они тебе мешают. Тебе же надо жизнь устраивать. Нашла, уже наверно кого-нибудь.

- Ах ты, свинья! Свинья ты, настоящая, - зашлась жена.

Утопить её, что ли, со злобой думает Виталий, глядя на быстрый поток воды в устье малой реки. Народу много кругом. А хорошо бы... Он представил, как она исчезает в бурунах грязной воды. И содрогнулся. Как же мы дожили до этого? И что делать? Нет, надо разбежаться, заботливо поддерживая ее под руку, подумал он. А так до беды недалеко.

Из проходящего автобуса на них смотрел человек. Гуляют, счастливые, думал он. Ему очень нравилась Настя, красивая женщина. Они работали в одном учреждении. Она, всегда хорошо, со вкусом одетая, улыбочивая, приветливая со всеми, казалась ему недосыгаемой. Да куда ему! У нее муж вон какой красавец. Он скосил глаза, глядя на свое отражение в стекле. М-да... Не Ален Делон, и даже не... Автобус тряхнуло, он больно стукнулся носом о стекло, аж слезы выступили. Пара исчезла из виду. Он загрустил... Кому-то достается такое счастье! У него самого жена неплохая, но какая-то приземленная, домашняя – гордиться нечем. Похвастаться, так сказать, перед приятелями... Кормит его, как на убой, у него вон уже животик свисает над ремнем, и щеки скоро со спины будет видно. Одна забота – накормить-напоить. Никакой романтики... А эта женщина, она как из другого мира. Не для нас! Не для нас, увы! Он опять ощутил острое чувство зависти и жалости к себе.

- Анастасия Васильевна, - насмелился заговорить он с ней утром, столкнувшись в коридоре учреждения, - а я вас вчера видел. Вы так мило гуляли с мужем по Набережной! Я даже, извините, позавидовал. И... – он покраснел, покрылся мелкими бусинками пота, но все же вымолвил: - У меня даже было желание выйти из автобуса и подойти к вам, поздороваться. Еле удержал себя...

- Ну, что же вы, надо было подойти, - мило улыбнулась она и пошла вперед – стройная, улыбочивая и гордая...

ВАСИЛИЙ ИВАНОВ

Красноярск

С 2014 года публикует рассказы и стихи в литературном альманахе «Новый Енисейский литератор». Лауреат альманаха за 2018 год, дипломант в номинации «Проза» за 2015 год. Победитель конкурса «Рассказ года – 2016».

В ОГОРОДЕ

- Сынок, пойдем, лук уберем, пока сухо.

Лето уже на исходе, конец августа. Начало сбора урожая и завершение летних огородных трудов. Денек сегодня погожий, солнечный, золотистый. Дует легкий ветерок, такой туч не нагоняет, но хорошо подсушивает землю, изгоняя влагу из уже промокшей земли превращая ее поверхность в хрупкую корочку.

Мы выходим в огород через скрипучую калитку и оказываемся на небольшой полянке, шагов шести шириной, густо заросшей гусиной лапкой, клевером и прочей мелкой травой. Пред нами открывается панорама огорода, большую часть которого занимает картошка, а меньшую, грядки с разнообразной огородной порослью. Кое-где торчат подсолнухи самосевки, оживляя пространство свисающими круглыми дисками голов.

- Ну ладно, давай-ка сынок, посидим немного, подумаем, с какого конца начнем.

Эту фразу она говорит всякий раз, перед началом любого, даже небольшого дела. Мама садится на лавку, поправляет неизменный ситцевый платок, подвязанный под подбородком. Свои обветренные и натруженные ладони положила на колени. Смотрю на ее узловатые пальцы, на ногти с узкой полоской траура под ногтями. Я знаю, если перевернуть кисти ее рук ладонями вверх, то будут видны плотные мозоли на подушечках. Только зимой сойдут с рук следы ежедневных крестьянских огородных хлопот. На ступнях резиновые калоши в шерстяных носках. Так теплее и удобней.

- Давай посидим немного.

Я тоже усаживаюсь на низенький стульчик, здесь же у ее ног и осматриваю луковые грядки. Лук уже, в общем-то, созрел. Его полотелые стебельки-перья, когда-то зеленые, пожелтели, пожухли, переломились и упали. Первый признак зрелости.

Время пролетело быстро. Совсем недавно было нетерпеливое ожидание всходов. Ах, эта первая луковая зелень в начале лета! Первые

зеленые перышки длиной с палец и меньше, темно-изумрудного цвета нацелились остриями верхушек в небо, к солнцу, грозя уколоть его! Проходя мимо грядки, наклоняюсь и незаметно, как мне кажется, отщипываю зеленые стебельки и кладу в рот. Луковый запах и острый, с едва заметной сладчинкой вкус, наполняет рот тягучей слюной. Это завораживающее ощущение заставляет срывать зеленцы еще и еще раз...

- Сынок, рано еще лук щипать, пусть подрастет!

Да, где там, разве удержит мамин оклик? Тем более что вон, сколько зеленцов проклюнулось из земли. Ряды ровные, завораживающе ритмичные какие-то. Маме каким-то образом, на глазок удается удержать идеальную линию рядов и расстояния между луковицами. Край грядки, где я приложил руку к погружению луковиц в весеннюю теплую землю, ряд всегда бывает немного не ровный. За своей долей посаженного мной лука я присматривал особенно внимательно, пропалывал даже едва заметные былинки сорняков. Впрочем, это ни мало не увеличивало урожайность.

Подрастая, лук покрывает поверхность грядок своими острыми полыми зелеными стеблями и возвышается почти на аршин. В это же самое время, под землей набирают объем, наливаются жгучим соком луковицы. Если это севок, то каждая луковица растет сама по себе, если их целое гнездо, то это конечно семейный лук.

Луковые головки, по мере своего роста начинают выпячиваться, все больше выступая из земли, демонстрируют свои могучие зеленые ирокезы. Вместе с этим событием происходит эпизодическое выдергивание луковиц. Его всю используют ежедневно, не дожидаясь зрелости и большой величины луковых головок. Этому способствует всегда избыточная посадка, с запасом. Молодой лук хрусток, ядерен, душист и сладок! Зеленая часть тоже не пропадает, также идет в дело, то есть на стол.

К августу зелень лука постепенно бледнеют, острые верхушки начинают желтеть, крайние стебли падают, переламываясь у основания. Зато луковицы увеличиваются до своего максимального размера и замирают. Приближается пора извлечь их из земли, рассортировать по величине, цвету, по очередности отправки на стол, отделить семенной фонд.

Всю эту нехитрую крестьянскую науку я усваивал, находясь рядом с мамой, постепенно пропитываясь смыслом цикличности огорода - посадка, созревание, увядание ботвы и новое возрождение лука.

Что-то я все о луке, да о луке. Надо бы помнить, что на соседней грядке растет и ждет своей очереди чеснок, чуть далее морковь, еще дальше свекла, потом идет черная редька, брюква, большая головастая капуста и еще разные и очень нужные огородины.

Но всему свое время!

И тогда я снова услышу:

- Сынок, пойдем сегодня морковку убирать или редьку с брюквой или...

Ну, а пока мы заняты только уборкой лука. Головки луковиц блестят чешуей и из земли вынимаются легко. На небольшом мочковатом корне прилипли комки земли, которые легко отлетают при встряхивании. Укладываю пучки лука на край грядки. Пусть посохнут с часик-другой. Потом пожухлая зелень будет оторвана, оставлены лишь небольшие хвостики. При посредстве этих хвостиков лук будет заплетен в плетенку и подвешен на гвоздь на кухне, что бы лук был всегда под рукой.

Мама знает, что я люблю лук. Вот и сейчас я выбираю луковицу, покрупней, такую, что бы в ладонь вошла, и пальцы не сомкнулись. Очищаю ее от «ста одежек, которые все без застежек». Затем нарезаю на кружки, кладу на кусок хлеба, солю, прижмуриваюсь и откусываю! Получаю удовольствие от всего сразу – от острого вкуса лука, от хлеба, от воздуха, от запаха земли, от солнца!

- Я когда тобой сынок ходила, лука много ела, хотимчик такой был. Вот теперь ты и любишь лук. Ну-ка, сынок и мне дай кусочек хлеба с лучком.

Мы запиваем наш импровизированный перекус холодной водой из старой эмалированной кружки, смягчая луковую остроту и охлаждая наши желудки.

Потом сидим на старой лавке, рядом, близко, плечо к плечу. Я ощущаю ее тепло, как в детстве. Дум и мыслей нет, просто тепло, воздух звонко прозрачен и ветерок стих.

Вот она благодать Божья, которая заключена даже в простом луке тоже.

Лука хватит на всю долгую зиму.

АНАТОЛИЙ ЛЕВЕНЕЦ

Лесосибирск

Лауреат «Нового Енисейского литератора» за 2016 год. Лауреат конкурсов короткого рассказа за 2013 и 2014 годы.

И НЕТ ЕГО СТРАШНЕЕ, или НЕЗАКОНЧЕННЫЙ РАССКАЗ...

Аркадий вышел из машины и с наслаждением вдохнул неповторимый аромат степного воздуха, искренне считая, что такой бывает только в хакасской степи. Ветер донёс запах полыни...

Он пошёл к камням, стоящим в отдалении от дороги. Ему всегда было интересно: камни в степи — это могилы древних воинов или что-то ещё? В любом случае это память о далёком прошлом. Как ни странно, но, постояв у этих камней, он всегда получает вдохновение для творчества.

Возвращаясь к машине, он заметил почти скрытый травой памятник. Это память уже о совсем недалёком прошлом. Сколько их вдоль дорог стоит как напоминание о том, что вся наша жизнь — дорога. Вот только когда она закончится и куда приведёт, это знает один Бог. Дорога — хранитель, страж, судья и палач. Но она тоже заставляет переоценивать все жизненные ценности. Аркадий вспомнил, как чудом остался жив тогда, больше четверти века назад, за тысячи километров отсюда. Наверное, и ему стоял бы такой же памятник, с выцветшими цветами, серыми от пыли...

Память перенесла его в тот далёкий октябрь. Даже на жаре ему вдруг стало зябко...

Очнувшись, он понял, что промёрз до косточки. Он не мог пошевелиться, всё тело занемело. Он с ужасом понял, что сердце отсчитывает последние удары. В это время по дороге прошёл гружёный лесовоз. От вибрации Аркадий покатился по склону. Наверное, это и спасло ему жизнь. Он с трудом поднялся на ноги, силясь вспомнить, что произошло. Он помнил, что ехал домой из соседнего посёлка, помнил, что сзади шёл ЗИЛ... А теперь он стоит недалеко от дороги, правая рука висит как плеть, мотоцикл стоит в стороне, зажигание выключено, на коляске вмятина, ветровых стёкол нет...

Аркадий не чувствовал боли в руке. Зато безлунной октябрьской ночью видел всё, до хвоинки, отчётливо, как днём. И звёзды сквозь

небольшую дымку облаков светят невероятно ярко. Да ещё свет от проходящей по дороге машины нестерпимо яркий.

Мотоцикл завёлся легко. Дальше начались проблемы: правая рука не работала, руль пришлось держать левой. И не просто держать, а с правой стороны. «Хорошо, что „Юпитер-5“ снабжён автоматом сцепления», — подумал Аркадий. Но, вырулив на дорогу, понял, что дальше ехать не сможет, в глазах потемнело от боли, вот теперь он её стал чувствовать, да ещё сказалась потеря крови. Он пытался остановить проходившие машины, но без толку. По дороге медленно полз «жигулёнок», Аркадий узнал машину дальнего родственника. Но родственник, отвернувшись, проехал мимо. То же произошло и с хорошим знакомым. Вдруг навалилась мысль: «Может, я погиб и меня не видят?..»

К нему подъехал мотоцикл «Урал».

— Слышь, мужик, что случилось? — спросил один из подъехавших.

— Не помню, — ответил Аркадий.

— У тебя вся рука в крови.

— Я ехал к себе, очнулся на обочине.

— Мы тебя домой отвезём.

— Я покажу, это рядом, три километра.

— Да знаем мы, где живёшь.

Один из парней сел за руль его мотоцикла. Аркадий всю дорогу держал повреждённую руку и мысленно благодарил, что парень едет тихо.

Аркадий знал этих парней, многие называли их «никчёмными людишками» за то, что они частенько выпивали. Но тогда дорога переоценила для него это понятие. Те, кто считал себя людьми, да ещё с претензией на благородство, после того как ударили грузовиком по мотоциклу — пусть не нарочно, но ударили, — откатали мотоцикл от дороги, а его оттащили и бросили на землю. Бросили умирать от холода и потери крови. Нет, не приняли за мёртвого, а, боясь ответственности, спрятали с глаз, живого, но без сознания. Другие, не желая разговаривать со следователем, проехали мимо. И только те, кого считали «никчёмными», проявили благородства больше, чем те, кто бросил и кто мимо проехал, вместе взятые. Часто так бывает, что человечности больше в тех, кого другие меньше всего считают людьми. С тех пор он судит о людях по реальным поступкам, а не по чьему-либо мнению.

Когда его привезли домой и сказали родственникам, что подобрали Аркадия на дороге, им вынесли бутылку спирта из запасов «на всякий случай».

Парни стали отказываться:

— Да мы же от души, со всяким может случиться.

— Берите, — сказал Аркадий, — это тоже от души, этого вам на троих хватит, только за руль не садитесь, я трезвый ехал и то влип...

Следовательно он сказал, что не знает тех, кто привёз его домой, чтоб не беспокоили парней.

Тот случай разбудил в нём ненависть к тем, кто сбил его и бросил, к тем, кто проехал мимо. Ненависть к следователю, который не хотел доводить до конца поиск сбившего его водителя только потому, что Аркадий ехал трезвый. Тогда следователь пытался надавить, несмотря на характерные вмятины на коляске мотоцикла, настаивая на том, что Аркадий сам не справился с управлением...

Эта ненависть разъедала ему душу, как ржавчина. Вспомнился случай из школьных лет.

— Зверёныш, твой папа не русский,— кричали мальчишки, избивая одного.

У Аркадия всё перевернулось внутри. Как так — толпой на одного? Он смело подошёл и начал защищать незнакомого мальчика. Схватка была неравной, но ватага мальчишек пустилась наутёк от его натиска. Бил он без разбора, куда придётся. Костяшки пальцев разбил в кровь. Мать того самого мальчика, за которого он вступился, бинтуя ему руки, спросила, почему он заступился за её сына. Аркадий ответил:

— Совсем озверели — толпой на одного.

В это время в комнату вошёл дед; Аркадию показалось, что ему не меньше ста лет.

— Они моего правнука «зверёнышем» кличут, потому что папка у него уроженец другой республики. А по мне, так главное — совет да любовь, остальное — предрассудки,— сказал дед и добавил: — Гляжу, парень, ты сам обозлился не на шутку, когда в драку полез.

— Не люблю, когда толпой на одного; хочешь помериться силой — выходи один на один, на равных,— ответил Аркадий.

— Знаешь, парень, такие, как ты, справедливые и бесстрашные, могут многое и никого не боятся. Но не знаете вы, кто страшнее всего на свете.

— Кто? — не удержался от вопроса Аркадий.

— Зверь,— в глазах деда блеснул какой-то странный огонёк.

— Медведь или волк?

— Человек.

— ?!!

— Да, зверь, который сидит внутри человека, и у него много имён. Думаешь, эта ватага сорванцов сама догадалась до такого? Нет, это идёт от старшего поколения. Кто-то позавидовал счастью других, кто-то достатку, а кто и просто от злобы. Зверь спит в человеке, но когда человек поддаётся какому-нибудь искушению, он просыпается. В них проснулся зверь по имени Зависть. Не разбуди в себе зверя, парень. Ведь нет его страшнее,

ибо он пожирает душу человека. Он подумал о том, что тогда проснулся в нём зверь по имени Ненависть.

Ему пришлось научиться всё делать левой рукой, было несколько операций. Он считал, что ему было за что ненавидеть...

После полутора лет лечения ему пришлось снова учиться делать всё правой рукой — держать ложку, авторучку, бритву и ещё много чего. А ненависть и жажда мщения всё жили в нём. Он не знал, как избавиться от этого чувства, пока не попало в руки Евангелие...

Тогда он, ещё не крещённый, почти ничего не знавший о христианстве, понял, как бороться с ненавистью. Надо просто простить тех, кого ненавидел, а простив, отпустить от себя всю злобу. Это получилось не сразу, но получилось, он перестал думать о мести. Да и вообще забыл о них всех...

Аркадий потёр виски руками: не время для воспоминаний, пора продолжать путь.

Дорога плавно текла под колёса, она всегда успокаивает его душу. Он иногда думал о том, что, дожив до тех лет, когда не сможет водить машину, ему будет не хватать этих дорог.

2.

Остановившись в придорожном кафе, он снова набрал её номер. Она ему не отвечала. Сначала всё было хорошо, в общении с ней он черпал вдохновение, она была его Музой. А потом отношения стали заходить намного дальше. И вдруг она затаилась, замолчала. Он долго не мог понять, почему она молчит, не берёт трубку и на смс-ки не отвечает.

Молчание — это так же страшно для него, как останавливается сердце. Как во время одной из операций...

Память опять сыграла с ним злую шутку.

Не было ни света в конце тоннеля, ни хора ангелов, он не видел, как врачи что-то делают с его телом,— просто опустилась чёрная непроницаемая «шторка» с безжалостностью гильотины. Была только всепоглощающая чернота — липкая, холодная и безвкусная. Он хотел вдохнуть, но воздуха не было, вместо него внутрь вошла всё та же чернота. И тишина, жуткая, где нет даже намёка или воспоминания о звуках. Непонятное чувство того, что ты падаешь вверх, и отчётливое осознание того, что ты умер - и тебя больше нет. Потом он услышал, как застучало его собственное сердце или кровь в жилах, затем голоса врачей. А уже после — свет, показавшийся ярко-красным через закрытые веки. И ещё некоторое время сознание путалось — на том он свете или всё ещё на этом...

И в аварию попал по дурацки своей: ему, видите ли, сказали, когда друга не застал дома, что он испугался сестры друга. Он и поехал сказать,

что не испугался девчонки, что не ворует чужих невест; ведь не надо было ехать, но проснулся в нём зверь по имени Гордыня...

После очередной смс-ки она ему сама позвонила. Откуда в такой милой девушке столько злости? Яд обильно лился из трубки. Он слушал, не перебивая, и вдруг отчётливо понял, что она просто испугалась разницы в возрасте, проснулся в ней зверь по имени Страх.

После этого разговора опять забилась внутри мысль: зачем, зачем я гремлю своими ржавыми доспехами в этом Богом забытом времени? Моё племя рыцарей и поэтов вымерло ещё в средние века. Что я здесь делаю, где всё подчинено логике, информатике и психологии, а любовь, романтика и нежность — лишь рудименты? Люди перестали совершать подвиги ради любви, перепутали любовь с телесной близостью, забыв о том, что любовь — это откровение божественной сути. Расстояние в сто километров им кажется непреодолимой преградой.

А любовь — она как лампада: если доливать в неё нежность, ласку, взаимопонимание, она светит ровным огоньком счастья; но если в неё налить грязи, она зачадит и погаснет...

А ночью ему приснилась первая любовь. Ему снилось, что девушка взяла его за руку и повела вверх по лестнице. А наверху он увидел звёздное небо. Только Ангел-хранитель мог прийти ему в таком образе, это он помог подняться Аркадию на несколько ступеней ближе к Богу.

Утром он продолжил путь. Немного погодя остановился возле кургана. Задумался о том, что будет дальше. Ничего не придумалось. Но он понял, что вся скорбь уходит под курган, под землю, в глубину, и остаётся там навсегда.

Добравшись домой, он вернулся к творчеству.

Творчество не даст пойти ко дну и предаться унынию, ведь уныние — это грех.

О несбывшемся остаётся лишь лёгкая грустинка, этакая рябиновая горечь, сначала нестерпимая, потом приятная на вкус, — и идёшь дальше...

А потом понимаешь, что это не было истинной любовью, это был зверь по имени Страсть. И опять надо что-то переоценивать в жизни.

В сознании настойчиво стучала мысль: «Жизнь прожить — не поле перейти...»

Всё правильно: жизнь — это путь по тонкому льду над бездонной пропастью. Надо идти с определённой скоростью, твёрдо веря, что лёд выдержит. Нельзя остановиться или вернуться, нельзя замедлить шаг и ускорить нельзя. Даже тогда, когда лёд прогибается или предательски трещит, надо идти и не бояться зверя, который сидит внутри нас, ведь сколько бы ни было у него обликов и имён, рядом с каждым из нас есть Ангел-хранитель. Он поможет одолеть зверя и пройти этот путь...

Всегда в самые трудные моменты ему снилась та, которую он любил с самой юности, и всегда он понимал, что это Ангел-хранитель его поддерживает в жизни.

И вот Господь явил чудо: его Ангел-хранитель, та, которую он любит и любил все эти годы, сам того не осознавая, согласилась стать его женой... Вернулась истинная любовь, засветился огонёчек счастья, и ушёл зверь...

МАРИНА ПАНФИЛОВА

Железногорск

Член Союза писателей России. Дипломант конкурсов одного стихотворения.

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Снег в сентябре... Зачем так рано?

Ещё зелёная листва
Осколком нашего романа
Под гнётом снега всё жива.

Как ранний снег — твоя измена.
Прощай, любимый, и прости.
Уже из ледяного плена
Былого счастья не спасти,

Не отогреть дыханьем руки.
А с болью справлюсь я сама,
Как с первым вестником разлуки,
Что напророчила зима.

Снег в сентябре... Какая жалость!
Ликует лишь вороний хор.
А от любви что нам осталось?
Снег в сентябре... Немой укор.

ЛЮДМИЛА СОСНИНА

Усть-Абакан

Победитель конкурсов одного стихотворения 2018 и 2020 годов.

Лауреат конкурса

им. С. Ставера

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Закрыла книгу. Погасила свет.
И дождь вошёл — лохматый, свежий, мокрый.
— Так это ты в мои стучался стёкла?
Я зачиталась, извини. Привет!
Прочь шторы, прочь! Все окна — распахнуть!
Чтоб между нами не было препятствий!
И руки протянуть: любимый, здравствуй!
И полной грудью свежести вдохнуть.
Мой ветреный, мой тёмный дождь ночной!
Плещи, хлещи по горкам и по ямкам,
И выверни деревья наизнанку,
И мир заполни радостью немой,
Восторгом первобытных тёмных сил,
Наивною уверенностью в праве
Лупить по переполненной канаве,
Топить траву и спящий мир бесить.
Возьми меня, мой своевольный дождь!
Пусть липнет платье мокрое к коленям,
Пусть пахнут одуревшие сирени,
Пусть тело бьёт восторженная дрожь!
Что — вольным нам — шипящий шум молвы?
Сожми меня в объятьях! Пусть деревья
Беснуются и мечутся, белея
На черноте изнанкою листвы!
Что ДО тебя, что БЕЗ тебя — всё ложь!
Есть только ночь и мы — от сотворенья.
Смотри, во мне растёт стихотворенье,
И ты один ему виновник, дождь.

ВЛАДИМИР ВАРЛАМОВ

Сызрань

Родился 9 января 1946 года в селе Радищево Ульяновской области. С 1953 года живёт в городе Сызрани. Окончил Сызранский строительный техникум и Ташкентский институт железнодорожного транспорта. Руководитель Городского клуба авторской песни, поэт, пародист, создатель городского фестиваля «Слёт друзей Грушинского фестиваля». Один из основателей радищевского литературного клуба, где выпускает литературно-поэтический альманах «Прикосновение». Лауреат городской премии «Признание» в номинации «Культурно-просветительская деятельность». Печатался в журналах «Литературный Ульяновск», «Карамзинский сад», «Симбирск», «Енисейский литератор». Коллективных сборниках «Поэзия радищевского края», «Седьмое небо вдохновения», антологии «Ульяновская словесность». Автор книг: Стихи и пародии. - «Не пиши, не пиши, не пиши», «Привет от дилетанта», «Тепло осеннего костра», «Я время тороплю». Член Сызранской городской писательской организации.

НИЧЕГО У МЕНЯ НЕ ПРОПАЛО

Ничего у меня не пропало,
Не исчезло за давностью лет.
Мне, как прежде, тебя не хватало
В дни ненастья и личных побед.

Телефон был единственной вещью,
Две судьбы завязавшей узлом.
Не бывает на свете чудесней,
Чем с тобой говорить вечером.

Словно рядом с тобой на диване,
Обсуждаем круг местных проблем.
И хоть ты на работе устанешь,
Для общения много есть тем.

И польётся беседа рекою,
И минуты стремглав полетят.
Но не думай, что я успокоюсь –
Встречи жду я два года подряд.

Ничего у меня не пропало,
Мало мне телефонных речей.
Я мечтаю начать всё сначала.
Обещаю любить горячей.

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

В старом альбоме листы пожелтели –
Годы на них отпечатали след.
С матовых фото улыбки летели,
Только в живых никого уже нет.

Близкие люди, знакомые лица...
В юность вернул меня этот альбом.
Сколько же лет он безмолвно пылится,
Сколько же тайн он хранит о былом!

Время безжалостно правит Вселенной.
Чужды ему темы зла и добра.
Но никогда я не буду смиренно
Ждать, когда мне оно скажет «Пора».

Мысли тревожные в сердце кольнули:
Памяти мало улыбок и слов.
Что-нибудь людям оставить смогу ли,
Кроме поблёклых альбомных листов?

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Март – это значит начало весны.
Взгляды добреют, улыбки на лицах.
Полнится лес ароматом сосны,
Снег потемнел, возвращаются птицы.

Празднику света, любви, красоты
Дарят они свои нежные гимны.
Ищут мужчины на рынке цветы,
Чтобы поздравить сегодня любимых.

Март эту дату не зря посвятил
Самым изящным твореньям планеты.
Те, в чьей душе огонёк не остыл,
Утром восьмого шагает с букетом.

Эта традиция очень важна.
Если она сохранится навечно,
Значит России беда не страшна,
Знать не утрачена в нас человечность.

С праздником, женщины нашей мечты,
Нет на земле вас милей и прекрасней.
Пусть же мужчины вручают цветы,
Солнце приносит любовь вам и счастье.

ПАРИЖСКАЯ ЗЕЛЕНЬ

В эту зиму сильнее, чем всегда,
О весне моё сердце страдало.
Может быть, оттого, что беда
Слишком часто у двери стояла.

Выбираю я тёплый денёк,
Чтоб умчаться к поляне рассветной
И найти молодой тополёк,
Удивительно пахнувший летом.

Там потрогать хочу наяву
Мать-и-мачехи жёлтые звёзды,
И упасть в молодую траву,
Забывая крутые невзгоды.

Живописцы парижской зовут
Эту раннюю сочную зелень.
Видно, связан душевный уют,
С изумрудных тонов акварелью.

Созерцанье травы доктора
Называют лекарственным средством.
Потому мне нужна пастораль
Деревенского милого детства.

ВДВОЁМ

Хочу признаться, что вдвойне
Я встрече рад предновогодней.
Уж очень вовремя сегодня
Ковры укладывает снег.

В душе моей, как на дворе,
Так долго властвовала осень.
И вдруг ко мне явилась гостья
В блестящем зимнем серебре.

Оно растает, ну и пусть.
Пока колье ещё искрится,
Я счастья трепетную птицу
Боюсь нечаянно испугнуть.

Снежок пушистый за окном
Летит фатой к земле-невесте.
Ему мы радуемся вместе,
Вдвоём за праздничным столом.

КОСОЙ ДОЖДЬ

*...Над родною страной пройду стороной,
Как проходит косой дождь.
Владимир Маяковский*

В этот праздничный день часто был вдалеке
И в стихах предавался мечтам.
Чувства в каждой строке излагал на листке,
Но прочесть я хотел это сам.

Чтоб в разгар торжества без смущения встать,
И, недоброй молвы не страшась,
Поздравление взять и при всех прочитать -
Ликовала б от счастья душа.

Хоть мечты не сбылись, всё равно я с тобой,
Как незримый, таинственный гость.
Значит крест это мой – проходить стороной,
Как проходит косой дождь.

МИЛОЙ ЛАСТОЧКЕ

Милой ласточке шлю я весточку
Сквозь десяток вёрст, сквозь туман ночной.
Не тетрадный лист с мелкой клеточкой,
А влюблённой души позывной.

Ты живёшь в другом измерении,
В тёмном небе там вместо звёзд цветы.
Разошлись в пространстве и времени
Наши судьбы и наши мечты.

Не войду в страну Зазеркалию,
Подобрать ключи не могу никак.

Годы долгие нас состарили,
Но не сблизилась мы ни на шаг.

Вот поэтому шлю я весточку
Тихой полночью, глядя вслед луне.
Далеко ты! Что ж, вербной веточкой
Постою у тебя на окне.

ИЗЛОМ

Не поставят меня на колени,
Хоть порой загоняют в тупик.
Я пришёл из того поколенья,
Чей упорный характер не сник.

Тот закал неурядицам жизни
Отыскать мне поможет ответ
В смутном времени нашей Отчизны,
В череде перестроечных лет.

На крутом судьбоносном изломе
Вышла нечисть из мира теней,
И обещанных благ не дало нам
Воплощенье их новых идей.

Передел наших прежних устоев
Подкосил, словно молох войны.
Покатилась арба с нищетою
По ухабам родной стороны.

Но к России любовь не убита,
Вера в мудрость её не умрёт,
И в душе за державу обида
Уголок для себя не найдёт.

ГОВОРИТЕ ПРАВДУ ГРАФОМАНАМ

Говорите правду графomanам,
Пусть она сурова и горька.
Сколько можно тешить их обманом:
Славно, но орехи есть пока.

Дело не в орехах и не сбоях,
Здесь безграмотность, гордыня, лень.

Выделиться, слава беспокоит,
Манит её призрачная тень.

Две строки в Союзе обсуждали:
«Маша ела кашу» - весь пассаж.
«Ах, талантами, – сказали в зале,-
Не скудеет, значит, город наш».

Так плодятся бескультурье, серость.
Жалко, мол, исчезнет искра там.
Кто последний может стать и первым,
Вот таким благодаря «друзьям».

Евтушенко радовался в Братске –
Пол России может рифмовать,
А зачем? Ведь можно только в сказке
Из гнилой соломы дом создать.

Большинство тех слабых строк стихами
И с натяжкой нельзя назвать.
Как писать, ребята не слышали,
И никто не мог им подсказать.

Впрочем, авторы не очень и хотели
Опыт классиков хоть малость изучить.
Начеркали что-то, накопели
И скорее в сеть всю гадость слить.

И висят на сайтах интернета
Миллионы хлама, не стихов,
Очерняя звание поэта -
Место пушкинских великих слов.

Чтоб стихи слагались без изъяна,
Не спешите радовать хвальбой.
Говорите правду графоманам,
И спадёт пена сама собой.

ГОРДЫНЯ

Гордыня – худший из пороков,
Опасней всех других грехов.
Не зря вещали нам пророки

О ней с до памятных веков.

Прекрасен стал бы мир и счастлив,
Приняв советы мудрецов, -
Гордыня скрыла божьей пастве
Великой Истины лицо.

Нашлись и те, кто Люцифера
Себе в кумиры записал.
Хотелось славы им безмерно:
Атилла, Цезарь, Александр...

Но все, кто к злату рвался, к власти,
Кто в мир нёс войны, смерть и тьму,
Кто тешил низменные страсти,
Пришли в итоге к одному:

Их нет давно уже в помине,
Песок надгробья их скрыл,
Чего не скажешь о гордыне –
Живёт она в расцвете сил.

Во всей красе у нас открылось
Гордыни подлое нутро,
Когда отчизны мы лишились,
Взращённой Грозным и Петром.

Нас обирала волчья стая,
Не признавая за людей.
Напрасно заповедь святая
Увещевала богачей.

Гордыня души людям гложет,
И в каждом ищет уголок:
Пролез во власть – уже вельможа,
На местном уровне царёк.

Её повсюду светят лики:
Черкнёт ничтожный две строки –
И он поэт уже великий,
Подать лавровые венки!

Провидцы вскрыли суть гордыни,
Назвав её плодом гнилым.
Неужто зря? Ведь и поныне
Грешим мы, смертные, грешим.

Гордыня злобна и когтиста.
Блаженный, кто её сильнее!
Я был бы твёрдым атеистом,
Когда б не Истина о ней.

РУАЙАН

Художнику Евгению Штырову

Таинственный гул от воды и песок,
Обласканный мягкой волною.
На берег французский судьбы колесо
Швырнуло нас ранней весною.

Диковинных устриц сверкал перламутр,
На отмели чайки сидели.
Держал океан, как реликтовый спрут,
В объятьях залив онемелый.

Он спал от мятежного ветра устав,
Небесной лазурью покрытый,
Ему безразлична была суета,
Что связана с нашим визитом.

Когда он проснётся, то смех и следы
Исчезнут с песков Руайана.
Но вдруг ты разделся у самой воды
И прыгнул в купель океана.

А я не решился, и зависть порой
Моё самолюбие колет.
Ведь мог бы везти не ракушки домой,
А вкус атлантической соли.

В ЧАС ПИК

Бабушка еле живая
С клюшкой и поводырём,

Утренний пик заклиная,
Едет к врачу на приём.

Хвори в конец одолели,
Свет от них бабке не мил.
Что ж её гонит с постели
С каплей оставшихся сил?

Возраст старушки немалый,
Впору заняться душой.
Может быть, время настало
В церкви стоять со свечой?

Но ведь не в церковь стремится
Наш одуванчик с утра.
Едет не в храм, а в больницу,
Верит она докторам.

Видимо, ей утешенья
Рано у бога просить,
Вот и проходит лечение,
Чтобы подольше пожить.

Цель есть и воля – в итоге
К жизни завидная страсть.
С бабушки этой убогой
Многим пример надо брать.

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Две стены ярко-жёлтого цвета
Вдоль дороги. Нигде не свернуть.
Где-то в прошлом горячее лето,
Прямо в осень - единственный путь.

Мне кострами её не согреться,
Каждый год она шлёт мне беду.
Не с любовью, а с грустью на сердце
Ей навстречу машину веду.
Вижу, как мне раскрыла объятия,
Путь ковром устилая цветным.
Осень жизни в сатиновом платье
Ждёт меня за туманом седым.

Я лоскутное рву покрывало,
Только клочья слетают в кювет.
Зря грущу, ведь не так уж и мало
Я достиг в этой жизни побед.

В дымке вечности след мой исчезнет,
Вмиг покроет листва колею,
Всё по-блоковски будет, как прежде:
Лес, дорога, осенний уют.

Мысли тайные всё еще нежат:
Может кто-то сквозь пласт забытья
Вспомнит песню, мой символ надежды,
Добрим словом вспомянет меня.

СВЕТЛАНА МЕДВЕДЕВА родилась в городе Сызрань. Стихи начала писать в зрелом возрасте. Работает на АО "СНПЗ" оператором диспетчерской службы. Стаж работы там 33 года. Публиковалась в альманахе "Сызранская излучина". Автор сборника стихов "Моему городу Сызрань", и сборника стихов и песен " На этом свете всё не зря..." В 2019 году совместно с Мариной Лысюк, написавшей музыку, вышел сборник детских песен " Пойте с нами, пойте лучше нас!". Автор стихотворений, рассказов, сказок, загадок, поговорок, песен, которые звучат в разных городах и сёлах России.

РУСЬ МОЯ

Там, где на рассвете сонный ветер
Пьёт росу в некошенных лугах,
Есть одна из лучших стран на свете -
Русь моя, воспетая в веках.

Здесь у нас весеннею порою
Яблонь милых белоснежный цвет.
Журавлиным клином над землёю
Счастья безграничного привет.

Летом знойным иль зимою снежной
Здесь закат целует горизонт
И сияют в небесах безбрежных
Купола под колокольный звон.

Русская природа так прекрасна!
Так прекрасна Родина моя!
И всегда пусть будет небо ясным
Над тобой, родимая земля!

ОСЕННИЙ ЭТЮД

А в Сызрани опять гуляет осень,
И вновь поёт душа от встречи с ней.
Ещё тепло, ещё на небе просинь
Целует клин летящих журавлей.

А осени до них и дела нету.
Рисует, щедро брызгая кармин
На зелень сочную бывшего лета,
На гроздья сочно-спелые рябин.

Ах, осень, снова паутинкой тонкой
Мелькнёшь среди берёзовых ветвей
И к декабрю обиженной девчонкой
Скользнёшь за горизонт под шум дождей.

ИВУ СОННУЮ ЦЕЛУЕТ ВЕТЕР

Где-то за селом поёт гармонь
В сумерках вечернего заката.
Зацепились за верхушки крон
Звёздочки ночного звездопада.

Дремлет в небе под гармонь луна,
Потихоньку к западу сползая.
Стелется туманов пелена,
Край родимый крепко обнимая.

А в селе у чистого ручья
Иву сонную целует ветер.
Кружит, кружит, жарко ей шепча,
Что она прекрасней всех на свете.

ЗИМНИЕ НАПЕВЫ

Пришла в Россию Зимушка-Зима.
Отрадой души людям наполняет.
Укрыла белым снегом терема,
В полях бескрайних вьюгами гуляет.

Среди берёз в овражке у ручья
Позёмкой пробежалась невесомой.
Снега сверкают в солнечных лучах,
И серебрятся зимней ночью тёмной.

Хрустальным звоном к самым небесам,
В морозы льются Зимушки напевы
На радость красногрудым снегирям,
Вспорхнувшим где-то на краю деревни.

РАЗБУДИТ ЭТОТ МИР ЗАРЯ

Застыл рассвет над поймою реки.
Ещё не слышно трелей свиристелей.
В ложбинке между тоненьких раки
Седой туман свои перины стелет.

В полях бескрайних дремлет тишина.

Всего мгновенье и, умыв росой,
Заря разбудит этот мир от сна,
Разлившись щедро над родной землёю.

Её встречая, запоют скворцы -
Ту песню их подхватит ветер властный,
И разнесёт, трубя во все концы,
Что этот мир пронзительно прекрасный.

ГОРОДУ СЫЗРАНИ

Я горжусь своим районом.
Я горжусь своей землёй.
Всё до боли здесь знакомо,
Сызрань – город мой родной.

Здесь когда-то жили деды,
И отцы средь нас живут.
Уважаем их заветы,
Те, что славят честь и труд.

Вносишь вклад неоценимый
В планы, главные в стране,
Край, навеки мной любимый.
Ты судьбой дарован мне!

ОЛЕГ КОРНИЕНКО родился 6 февраля 1954 года в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище с золотой медалью. Около 28 лет отдал Сызранскому высшему военному авиационному училищу летчиков, воевал в Республике Афганистан. Награждён пятнадцатью медалями, в т.ч., «За боевые заслуги». Печатался в ведущих изданиях России, в журналах «Новый Свет» (Канада), «Простор» (Казахстан), «Приветик!» (Латвия), «Склянка Часу» (Украина) и др. Член Академии «Русский слог». Член редколлегии литературных журналов «Волга – XXI-й век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск). Лауреат городской премии «Признание», лауреат Международной литературной премии им. Э.Хемингуэя (Канада). Автор шести книг прозы для детей и взрослых. Член Союза писателей России.

КОЛЯДКИ

Утром мама поставила в прихожей табурет, на него тарелку со сладостями, и сказала Тимке:

- Сегодня Рождество, будешь помогать мне. Когда придут колядники, дашь каждому по три конфеты и по прянику.

- А когда они придут? – спросил Тимка.- Я хотел пойти погулять...

- Раздашь всё и можешь идти.

И она ушла на кухню, где что-то шипело.

- Ничего себе! - посмотрел Тимка на полную тарелку.- Здесь человек на сто. Пока раздашь и день кончится.

Тимка включил телевизор и стал ждать колядников. Но сколько он не прислушивался, в дверь никто не звонил.

«Так и день пропадёт», - подумал Тимка и позвонил другу Валерику.

- К вам приходили колядники?

- Кто - кто?- переспросил Валерик.

- Колядовать приходили, глухомань?

- Приходили две какие-то малявки. А к вам?

- К нам ещё нет. Быстрее дуй ко мне, а то меня на улицу не пускают.

Через несколько минут Валерик был у Тимки.

- Что случилось? – спросил он, расстёгивая куртку.

Тимка молча показал на тарелку.

- С Рождеством, Валерик! – услышал вдруг Тимка мамин голос. - Какой молодец! Колядовать пришел? – спросила мама.

Не успел Валерик открыть рот, как в дверь позвонили.

На площадке с пакетом в руке стояла Светка - толстушка Светка из соседнего подъезда.

Ангел к нам с небес спустился

И сказал: «Христос родился!».

**Мы пришли Христа восславить,
А вас с праздником поздравить,** – прочитала с выражением Светка.

Она читала так, точно стояла на сцене.

- Учитесь! - похвалила Светку мама и протянула ей конфеты и пряник.

- А чё тут учиться? Так и мы можем, - переглянулись ребята.

- Ну что ж, начинайте, а мы слушаем.

Но кроме первой строчки ребята ничего не вспомнили.

Мама улыбнулась и сказала:

- Светка, забирай этих ангелов колядовать, пусть тренируются.

- А как же конфеты, колядники?- спросил Тимка.

- Сама как-нибудь справлюсь.

На улице Светка спросила:

- Куда идём?

- Не знаю, - пожал плечами Тимка. – Я что-то сомневаюсь, что нас где-то ждут.

- Ты что! – воскликнула Светка.- Сегодня большой праздник - родился Иисус Христос! Нам будут рады не только в нашем городке, но и во всём мире!

- Давайте так: каждый берёт по дому и колядуем. А потом – меняемся, - предложил Валерик.

- Тогда уж лучше - по улице: больше конфет выйдет, - усмехнулась Светка и скомандовала: - Начинаем все вместе с первого подъезда. Колядку помните?

- Помним, - буркнули Тимка с Валериком и поплелись следом.

На каждом этаже Светка начинала колядку, Тимка с Валериком, фальшивя, подхватывали её.

В одной квартире им долго не открывали. Ребята собрались уже уходить, но тут дверь открыла бабушка. Она была худенькая, маленькая, и казалось, не понимала, что нужно ребятам. Светка, Тимка и Валерик дружно спели свою колядку и стали ждать.

- И вас с Рождеством, миленькие, - виновато улыбнулась бабушка. – А мне и угостить вас нечем. Приболела я малость, не было сил в магазин сходить. Может, вы позднее заглянете?

- Мы завтра придём, - еле слышно сказал Валерик, но увидел строгие глаза Светки и замолчал.

Спускаясь по лестнице, ребята некоторое время думали про бабушку. Но потом новые квартиры, новые гостинцы и новые впечатления затмили эту рядовую встречу.

Пакеты становились все тяжелее, и они начали фантазировать:

- На неделю конфет хватит.

- На какую неделю – месяц! – сказала Светка. - Ну, что, возвращаемся? Всех конфет всё равно не соберёшь.

И ребята то ли с грустью, то ли с радостью посмотрели на последние дома военного городка.

- А ведь нас там, наверняка, ждут, - вздохнул Валерик.

- Тебя бабушка ждёт, - похлопал его по плечу Тимка.

- Не меня, а нас, - Валерик в ответ тоже хлопнул товарища по плечу.

– Она просила нас зайти попозже.

- Ребята! Давайте, действительно, зайдём к бабушке и занесём ей один пакет с

гостинцами, - предложила Светка.

Валерик от неожиданности чуть не шлёпнулся на тротуар:

- Интересно: и чей же?

Светка остановилась возле подъезда, где жила бабушка.

- У нас есть три пакета, у бабушки – ни одного. А Господь призывал всех делиться. Не будем мелочиться и считать конфеты, а просто подарим ей один пакет, - рассудила она.

- А два остальные разделим на троих, - посмотрел на Валерика Тимка.

- А я чё? Я ничё! – ответил Валерик.

...Порог Тимкиной квартиры ребята переступили уставшие и взволнованные.

- Теперь бабушка быстрее поправится, - раздеваясь, размышлял вслух Валерик.

- От твоих конфет, что ли? – хмыкнул Тимка.

- Не от моих, а - наших, - поправил Валерик. - Мы же договорились, что это *наш* совместный подарок.

- Как говорит мой папа - врач, - вмешалась Светка, - чтобы быстрее поправиться, надо есть что-то существенное.

- Значит, завтра бабушку нужно обязательно навестить, - сказал Тимка. – В магазин, если нужно, сходить.

– Прекрасная идея! - согласилась Светка и неожиданно поцеловала мальчика в щеку: - С Рождеством, Тимка!

- Ты что - о? - Тимка удивлённо вытаращил глаза и, покраснев как рак, бросился на кухню ставить чайник.

ВАЛЕНТИНА ЮДИНА

село Обшаровка

Член Союза писателей России. Родилась в 1949 году в селе Обшаровка Приволжского района Куйбышевской области. Окончила физико-математический факультет Куйбышевского педагогического института и Московский народный университет искусств. Наряду с математикой много лет преподает в школе музыку. Отличник народного просвещения. Стихи и песни публиковались в районной и городских газетах, в коллективном сборнике «Серебряные родники», журналах «Наш современник», «Начальная школа», «Веселая нотка», «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки», «Сызранская излучина». Автор книг: Стихи. - «Бессонница»; Литературно-музыкальный сборник. - «Альпинистка».

ЯГОДА МАЛИНА

Незабвенной тётке моей Клавдии Тимофеевне посвящается

Осень в этом году задержалась. Лето неохотно отдавало дни. Становясь короче и короче, они ещё радовали солнышком, теплынью и пряным запахом опавшей листвы. Клавдия каждый день бегала на дачу. Убирала мусор, жгла старые ветки, перекапывала землю, готовя сад к зиме. На даче, в тишине, под шелест листьев и щебет птиц, как-то легко думалось о жизни, детях, работе.

Незаметно, подобралась первые заморозки, холодные морозящие осенние дожди, а с ними - слякоть, пронизывающие ветра и тоска по ушедшему лету. Осталась последняя полоска земли вдоль старого забора, державшегося, как на честном слове, на молодом вишеннике.

Лопата легко входила в землю и Клавдия, работая, думала о том, что хорошо бы перенести ей парник в другое место и вырубить остатки разросшейся колючей ежевики. Вспомнила, как привезла она её из леса. Это было лет пятнадцать назад. Возвращаясь с коллегами из командировки в областной город, остановились в лесу, устроили маленький пикничок. Клавдия, спросив у водителя лопату, выкопала несколько кустиков лесной ежевики, с терпкой, крупной лилово – сизой ягодой. На что водитель автобуса восхищённо пропел: «Ну, ты, Клашка, даёшь! Зачем это тебе?» Тогда, как бы оправдываясь, она стала перечислять, что растёт на её даче. И, действительно, чего здесь только не было, начиная с разных плодовых деревьев и кустарников и кончая всевозможными цветами, которые с ранней весны и до поздней осени радовали глаз.

Устав от работы, Клавдия воткнула в землю лопату и оглянулась. У забора, там, где стояла большая старая берёза, придерживающая небольшой навес от дождя, разросся малинник. Уголок этот был сильно запущен и до него пока не доходили руки. Каждой весной в первую очередь Клавдия вырезала старую малину, оставляя молодые побеги, срезая их верхушки. После такой обрезки малинник становился прозрачно-сиреневым, каким-то радостным и воздушным, как бы увеличивая дачу в объёме.

Малины этим дождливым летом было не так уж много, да и кислая она была, водянистая. Клавдия подошла к берёзе и вдруг замерла. Не может быть! Что это? Малина стояла зелёная-зелёная. На каждой ветке огонёчками горели сочные спелые ягоды, за ними твёрдые, незрелые, а на концах веточек красовались нежные цветы, едва схваченные морозцем. Осторожно потянула в рот ягодку, спелую и холодную. «Как мороженое фруктовое», - отметила про себя Клавдия. Или затянувшееся лето обмануло природу, или природа решила обмануть лето. Вот и ягодка опять... Баба – ягодка опять.

...Когда-то не было среди сверстников девчушки симпатичней Клашки. Всё при ней: и фигура, и стать, и красота. Парни бегали за ней, а сватать не сватали, - беднее, наверное, не было в селе семьи. Клашкин отец ушёл из семьи к Полухе, молодой и весёлой мордовке, оставив жену в положении, да с восемью детьми. Клавдия, как самая старшая, пошла работать нянечкой в детский сад. Детей она любила, и они, чувствуя это, отвечали ей доверием и послушанием. В двадцать пять сосватала заведующая Клавдю за своего брата - инвалида, высокого и кудрявого Михаила. Так уж вышло, что Клавдя не женой ему была всю жизнь, а нянькой. Ну, да что об этом вспоминать. Никогда и не любил он её. Лишь только в первый год семейной жизни, когда они ждали своего первенца. Родилась дочка. Михаил как-то сразу поскучнел. Детский крик для него был невыносим. Он стал выпивать и, часто подшучивал над Клавдией, заставляя её произносить своё имя. «Квава», - говорила она, с детства не выговаривая букву «Л». Да, давно уже спит её Михаил на погосте, а дети, дочь и сын, разъехались кто куда. Столько лет прошло с тех пор, а вот вспомнилось. Баба — ягодка...

Степан появился в её жизни года два назад. Подруга позвала на свой юбилей. Вот там и пригласил Клавдию на вальс невысокий коренастый мужчина. Он так стремительно закружил её, что она с ужасом подумала: - Господи, ведь упадём на виду у всех.

Но этого не произошло, успел он каким-то образом вывернуться и остановиться. Силища невероятная была в его руках. Светлые глаза глядели доверчиво и с пониманием.

- Испугались? Извините! Благодарю за танец, - переводя дух и виновато улыбаясь, представился, - Степан.

На первое свидание Степан пригласил её в соседний городок ранней весной. Она пришла на автовокзал заранее, чтобы успеть взять билет на нужный рейс. Очередь к кассе на Луганск была длиннющей. Поговаривали, что вообще все рейсы отменят из-за метели.

- Ну, значит не судьба,- думала Клавдия, поглядывая на крупные хлопья снега за окном и на застывшую, словно от мороза, совсем не двигающуюся очередь.

- Кому билет до Луганска? – негромко спросил молодой паренёк с большой спортивной сумкой, подошедший к очереди в кассу.

- Мне, - торопливо сказала Клавдия, протягивая пареньку деньги.

- А, может, действительно это судьба?

Всю дорогу она смотрела в окно и думала о том, что скажет Степану. Снег бился в стекло автобуса и тонкими извилистыми струйками воды стекал вниз. Да, весна пришла так незаметно. Степан ждал на вокзале. Стоял в распахнутой дублёнке без шапки.

- Здравствуй, ласточка моя! Вот и весну с собой захватила, - волнуясь, говорил он, целуя её в щеку.

Они долго сидели в маленьком кафе, пили красное вино, закусывая его каким-то деликатесом с мясом и грибами из аккуратных горшочков, танцевали медленный танец под песенку про дождь и всё время говорили, и говорили, словно никак не могли наговориться. Бродили по ночному городу и, наконец, оказались в маленькой комнатке коммунальной квартиры, которую предложил Степану его друг, уехавший куда-то по случаю.

Случилось всё и просто, и не просто.

- Какая же ты у меня ладненькая, - шептал Степан, обнимая её своими широкими и тёплыми ладонями, как будто хотел оградить от всяческих бед. В его объятиях, крепких и нежных, было как-то спокойно и надёжно. Огоньки проезжающих машин скользили по шторам, создавая ощущение вечного движения. От его длинных поцелуев кружилась голова. Такого сильного чувства Клавдия не испытывала с Михаилом никогда. В какое-то мгновение показалось ей, что она летит высоко-высоко и, как бы оттуда, с высоты, видит не женщину – осень, а молодую длинноногую девчонку, весёлую, счастливую. Блаженство заполнило всё её существо. Хотелось,

чтобы мгновения этого невыносимо – сладостного восторга никогда не кончались.

- Ласточка! Солнышко! Радость моя! - За всю свою жизнь она не слышала столько добрых слов о себе. И непросто было смириться с тем, что прожила она свою жизнь, как ей казалось, правильно и достойно, но как-то безрадостно и безнадежно. Да, разве это была жизнь?

Провожая утром на вокзал, Степан шутил:

- Ласточка, когда прилетишь?

Только больше той весной они не встретились. Лишь в самом разгаре лета Степан пригласил её на выходные за реку, куда курсировал дважды в день старенький паром, перевозя в основном дачников и рыбаков. Паром заполнялся пассажирами и транспортом, а она стояла у причала, ожидая Степана.

Он появился неожиданно. Клавдия его сначала и не узнала. Как заядлый турист, в штормовке, с рюкзаком и рыболовецкими снастями, приближался он, отыскивая её взглядом.

- Я здесь! – помахала Клавдия рукой.

- Здравствуй, радость моя! Давно ждёшь? – спросил Степан, стараясь не показать нахлынувшие чувства волнения и радости.

- Не очень, - так же сдержанно ответила она.

- Понимаешь, задержался на работе. Прости! Ты взяла что-нибудь тёплое, чтобы не замёрзнуть?

- Да, свитер, – тихо проговорила Клавдия, прислушиваясь к знакомому, немного хриловатому голосу.

- У тебя всё в порядке?

- Как всегда. Давай-ка, поторопимся.

Паром сразу же ожил, как будто ждал только их. Развернулся и направился к другому берегу.

Они долго шли вдоль реки по протоптанной дорожке, петляли по лесу, пока тропка не привела их к большому озеру с островком посередине. Засучив брюки до колен, по едва заметному броду. Степан перетащил на островок вещи, а затем и Клавдию.

- Ну, вот мы и дома. Знаешь, это место мне хорошо знакомо с детства. Мы сюда частенько с друзьями приезжали на рыбалку. Прошло столько лет, а оно почти совсем не изменилось. Лишь только островок стал каким-то маленьким. А, может, просто это я вырос?

Клавдия, конечно, тут же обследовала этот островок. Несколько берёзок окаймляли небольшую полянку. Вдоль берега кучками разрослась ветла. Здесь, недалеко от воды, они поставили палатку. Степан, взяв удочки, поспешил на берег и вскоре несколько уклеек, карасей и окуньков

плескались

в

котелке.

- Ну, хозяйюшка, принимайся за уху, - сказал Степан, разводя костерок.

Незаметно наступили сумерки. Пока сидели за ущицей, совсем стемнело. Звёзды казались такими близкими и крупными. Природа жила своей жизнью. Она как бы отдыхала от прошедшего дня, наполняя окружающее пространство негромким журчанием струящейся воды, тихим шорохом и шелестом камыша и листьев, пением птиц. Потом они сами плавали в этой ночной реке, то, теряя, то, находя друг друга, ловили ладонями качающиеся в воде звёзды, загадывая наперебой желания. Сушились у костра, пили чай со сгущёнкой, высасывая губами молоко из маленькой дырочки в банке. Попробовали спеть дуэтом ту самую песню, под которую они танцевали весной в маленьком кафе. Два негромких голоса, сливаясь, уплывали по воде, где-то там, вдали, отражаясь эхом.

Всю ночь шёл дождь, шёл дождь.

Стучал негромко в моё окошко.

Шёл дождь, шёл дождь, напоминая тебя немножко.

Капли дождя, в землю скользя, с небом прощались.

Где-то в дальнем - далеке

Под дождём с тобой мы, рука в руке.

Где-то в прошлом, далеко,

По тёплым лужам бежали босиком,

И целовались!

Наконец, угомонились в палатке, где особенно остро пахло разнотравьем. И опять была бессонная, полная любви и признаний ночь.

- Как мне не хватало тебя всё это время, - негромко говорил Степан, - этих чутких и нежных рук, этих понимающих глаз.

- Мне тоже. Знаешь, я часто ловлю себя на мысли, что постоянно думаю о тебе.

- Странно, но мне кажется, я всегда чувствую, когда ты обо мне думаешь. Я так к тебе прикипел, что не мыслю без тебя своей жизни, — продолжал он, - но ведь ты понимаешь, я не могу оставить семью.

- Я понимаю, милый. Молчи. Я люблю тебя!

- Я люблю тебя! С тобой мне так хорошо. Ты меня понимаешь, как никто другой. Только думай обо мне хоть иногда.

- Да, да! Я постараюсь. Понимаешь, мне легче жить и знать, что у меня есть ты.

- Благодарю тебя, любовь моя...

Рано утром заморосил дождь, заторопил на паром, расходясь всё сильнее и сильнее. Клавдия часто вспоминала потом, как они со Степаном

бежали под проливным дождём, то и дело, останавливаясь, чтобы поцеловаться. Они бежали и целовались, целовались и бежали...

На пристани они расстались как чужие. Степан встретил знакомого сослуживца, и Клавдия сразу почувствовала, что взгляд его стал каким-то холодным и равнодушным. Она, конечно, понимала, почему появилась эта отчуждённость, отчасти прощая его. Он был известным человеком в городе, всегда на виду, среди людей. Возможно, ему не нужны были лишние разговоры, сплетни. Но внезапное острое чувство горечи захлестнуло Клавдию. Она остановилась, как бы наткнувшись на непреодолимую бесконечную стену отчаяния, одиночества и незащитности.

- Господи! Больно – то как! – смахивая нахлынувшие вдруг слёзы, шептала Клавдия.

- За что это мне?

Сворачивая со своим знакомым в переулок, Степан, как бы невзначай обернулся и, приглаживая волосы, слегка взмахнул рукой, прощаясь, но она не хотела даже смотреть в его сторону.

Иногда он звонил ей, каким-то напряжённым голосом спрашивал о здоровье, детях, делах, предлагал встретиться и побыть вдвоём, но Клавдия медлила с ответом, ссылаясь на занятость. Однажды задержалась на даче допоздна, собирая малину в ведёрко. Хотелось порадовать внучат малиновым вареньем. Соловьи-то распелись, совсем рядом. Заслушалась, замечталась. Вдруг показалось ей, что кто-то смотрит на неё пристально. Резко обернулась, опрокинув ведёрко с ягодами, увидела Степана. Он стоял совсем близко и как-то внимательно, как будто хотел запомнить её всю, поглядывал на Клавдию. Оба одновременно резко наклонились к ягодам, столкнувшись головами.

- Вот и породнились, - грустно улыбаясь, сказал он.

- Прости меня, пожалуйста, за всё, прости. Я виноват перед тобой. До сих пор казню себя за то расставание на пристани. Старый упрямый осёл, иначе меня и не назовёшь. Смалодушничал. Прости, если сможешь.

И время вдруг замедлило бег. Остановилось вместе с заходящим солнцем, вечерней прохладой, с запахом спелой малины, такой сладкой и мягкой, как эти настойчивые и такие желанные губы.

- Ягодка ты моя, спелая, вкусная, – повторял Степан, складывая аккуратно ягоды в ведёрко...

Противоречивые чувства не давали покоя, постоянно лезли в голову. Таким хрупким было это нереальное счастье, что она боялась потерять его даже в мыслях своих. Она не обманывала себя, понимая, что никогда не быть им вместе. Ведь он не свободен, но, продолжала ждать телефонных

звонков или стука в дверь её одинокой, уставшей, как и она, ждать, квартиры. Наверное, потому и плакала по ночам от какой-то безысходности. Для себя Клавдия давно уже решила: пусть будет всё, как будет.

Да, нет уже Степана в её жизни. Уехал далеко – далеко, туда, где климат благоприятнее и полезнее для больной жены.

Но ведь не выдумала же она всё это? Ведь всё это было! Было!

Листая в памяти, как фотографии в старом альбоме, эти щемящие, пронизанные любовью и горечью разлуки, редкие встречи, Клавдия благодарила судьбу за светлые мгновенья, перевернувшие всю её жизнь.

И надо же такому случиться!

Вот и солнечный лучик, пробился через свинцовые тучи, озарил и обновил уже поблекшие краски осени, высветил опустевший сад и эту позднюю ягоду. Высветил самое сокровенное: не угасающую надежду на простое человеческое счастье.

ДМИТРИЙ АНИКИН

Москва

Родился в 1972 году в Москве. Живу в Москве. Математик. Предприниматель.

Публиковался в следующих изданиях: цикл стихотворений (написанный в соавторстве с В. Романовым) в журнале Magazine в 90-х годах, циклы стихов в журналах и альманахах «Prosodia», «Нишний Новгород», «7 искусств», «Русский колокол», «Русский альбион», «Современные записки», «Золотое Руно», «Новая Литература», «Зарубежные задворки», «Великоросс», «Камертон», «Тропы», «Новый енисейский литератор», «Фантастическая среда», «Айсберги подсознания», «Русское вымя», «Фабрика Литературы», «Точка зрения», «9 муз», «Арина», «Littera-Online», «Поэтоград», «Вторник». Автор книги «Разные сказки»

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

1.

Пусть вещей холод будет навсегда
и тленье прекратится – таково
бессмертие...
Я понимаю эту
синь между звезд, вселенский чистый свет,
как будто я оттуда...
Как сюда?

А этот мальчик... Есть в нем что-то. В малом
быту их он сумел увидеть смысл
моих узоров...
И пытливый ум
сквозь суету привычную познал,
почувствовал лед-холод – соответствий,
гармонии.
А дорогого стоит!

2.

А того, кто показывает нам правду,
мы называем страшным троллем
или похуже придумываем ему клички:
анчутка беспятый, вообще нечистый.

А зеркало было тончайшей работы,
ангельского, как они умеют, качества,
и кто виноват, что честная амальгама
противится нашим благим намерениям?

И разлетелись кто куда, ошарашенные получившимся.
Лишь один, увидев себя, согласился: ну тролль так тролль.
«Мы еще посмотрим, что есть страшнее в небе высоком!»
Надо ли троллю притворяться ангелом перед зеркалом и вообще!

Как оно работает:

Станет явно то, что знал,
что в себе предполагал:
где какие шанкры, язвы –
удивительные разве?

Встанешь молод и пригож,
а по амальгаме дрожь:
самого себя увидел
сивый, жирный храпоидол.

Был такой, умен и смел,
уберечься не сумел –
отражение мелькнуло,
гордости твои сглотнуло.

Видит дождь – пуста вода,
видит снег – одна беда,
видит ветер над землею
путь над бездной огневою.

Видит время прошлый час!
Видим мы и видят нас!
Видит мир – подобье Богу
соблюдается не строго.

4.

И он подумал все грехи земли
собрать в одно виденье, отраженье,
чтобы, увидев...
Кто? И что?
Не знает,
но мысль его преследует. Пить-есть
мысль не дает.
Летучие созданья
всей стаей хлопотливой облепляют,
глаза зажмурив, зеркало.

«Давайте!
Ну, поднатужьтесь!»
И пошло светить,
играть великим светом...

5.

Несли быстроскрылые силы
над буйной, цветущей землей
то зеркало – все отразило,
запомнило гладью, собой:

тут Каин за Авелем скромным,
тут Лот по содомским делам,
тут Хам насмехается темный,
и кто-то повесился там!

Еще и еще повторялись
людские грехи и дела,
по зеркалу распространялись,
калили его добела...

Кривилось стекло, трепетало,
держалось на чем еще, вдруг –
дзынь, блеск и как будто начала
творения вещей испуг.

6.

Маленький город, милая кутерьма
торговли и плутовства, стыда, привычки,
еще там была река и очень тесно дома,
жизнь была ничего не страшной и к смерти обычной.

И умудрялись даже помнить о красоте,
розы растить, – ну нельзя же совсем, безо всякой
души, на одном прагматизме, – и те
цветы приживались, чьи были пошлее знаки!

7.

Но зеркало
не бесследно исчезло,
разлетевшись в куски.
Людям жуть и полезно
чуть прозреть от тоски!
Это зеркало столько
помнит боли и зла,

что и в малом осколке
сила, чтобы дотла –
старое зренье!

То, что раньше пугало,
то, что было нельзя
видеть, – ясным предстало,
в умозренье сквозя.
И личины отпали,
и понятно теперь
по ухмылке, оскалу,
кто какой хищный зверь!

Почувствуешь,
как стекло попадает
в сердце или глаза,
истина начинает
с первой буквы, с аза,
с тех, кто рядом, кто ближний,
и во всем естестве
неприятном книжник
видит пошлость в родстве.

Они удивляются: что это он?

И разводит с народом,
со страной этот взгляд,
всем им будешь уродом,
и убить захотят,
но опасней другие:
тянут руки к лицу,
к сердцу – мысли благие
мир вернуть простецу!

А нам не надо обратно!

8.

Не эти розы чайные!
Но чтоб
увидеть красоту – проникни сквозь
муть, суть всегдашней пошлости.
Есть то,
что в зеркале увидишь, – первый правды

покров, в него взглядишь, к нему привыкни,
его отринь.

За грязным покрывалом
Изиды есть другое – мир прекрасный,
мир чисел, формул, вечных соответствий,
идей.

И мальчик видит, он напуган,
он зол на ближних, кто не понимает,
смеется.

Мальчик, есть опасный путь!

9.

Игры сверстников ему неприятны,
он ищет свободы и одиночества.
Он ищет ощущения риска и скорости,
когда никто они догнать не смогут.

Он привязывает свои салазки к моим саням,
это здорово – лететь по городу, качая вывески,
заметая снегом прохожих, ну а в чистом поле
хорошо задремать, на кочках, сугробах слегка покачиваясь!

10.

Сани едут, путь далек,
холод жизни одинок;
оглянись – уже за нами
легкое сиянье-пламя,
северный великий свет
запылал, и горя нет...

Горе было, да отстало,
до конца не совладало,
уничтожить не смогло,
а теперь как сквозь стекло:
зуб неймет, и видит око
темно, смутно, недалёко.

11.

Вот мой дворец. Сияет лед высОко,
до неба.

Тоже, знаешь, отражает.
Но не простую правду бытия,
постыдную и нижнюю, но то,
что было изначально, в день творенья.

Второе строим зеркало большое.

12.

Труд великий, труд благой,
сложим мы узор живой,
и кристаллы ледяные
засияют – рай в пустыне!

Ночь уходит в свою тьму –
место свету и уму!
Труд упорствует и строит,
злое сердце успокоит!

Время кончится твое,
время кончится мое,
только вечность ледяная
будет светами играя.

13.

Но за тобой идут. О, как легко
поддаться теплым ласкам, ускользнуть
из вечности...

Она приходит,
раскрасневшаяся, с мороза;
когда она смеется,
смеется вся пошлость мира!

Что ей красота,
такой миловидной и нежной,
что ей вершины духа,
такой доброй, душевной.

Смотрит на весь наш дворец,
на всю нашу работу
с явным неодобрением!

Вспоминает свои пошлые розочки!
«Где же вы, красотульки-листочки красненькие!»

14.

Достаточно душа заледенела?
окрепла? теплой мути расхотела?
Изъяли смерть и похоть вон из тела?

Кристалл блестит, кристаллом отраженный,
творишь, как бог, трудом замороженный,
ты, зрением двойным вооруженный.

Узнал ее – и не затрепетало.
Она прошла и даже не узнала:
их зрение неверно, видит мало.

Их жизни суета и мельтешенье,
твой труд, неперемное движенье
друг другу даже ведь не отраженья,
а НИ-ЧЕ-ГО!

СЕРГЕЙ БЕЛАЯ

Печатался на страницах газет, журналов, альманахов, антологий и сборников Беларуси, России, Польши, США и Украины. Автор сборника фантастических рассказов «Щит Персея» (2018) и сборника научно-фантастических рассказов «Расследаванні інспектара Сарвы» (2018). Лауреат Брестского областного конкурса «Мы рождены для вдохновения», литературного конкурса фантастических рассказов издательства «Новая реальность», конкурса рассказов газеты «Звезда», литературной премии Брестского областного исполнительного комитета имени Владимира Колесника, литературного конкурса мистики, фэнтези и хоррора сайта «Юг-слово», республиканского конкурса фантастического рассказа, организованного секцией приключенческой и детективной литературы ОО «Союз писателей Беларуси», конкурса фантастического рассказа «Удивительное рядом, но...» Новокузнецкого городского клуба любителей фантастики «Контакт», VI открытого республиканского литературного конкурса «Крымское приключение 2021», конкурса остросюжетного рассказа, организованного секцией приключенческой и детективной литературы ОО «Союз писателей Беларуси».

МАМА

Научно-фантастический рассказ

- Послушай, Ула, а у тебя никогда не появлялось ощущения того, что всё устроено неправильно? – мужчины отошли в сторону, чтобы не мешать коллегам, которые, делаясь впечатлениями от лекции специалиста по истории Тёмных веков, выходили из конференц-зала.

- Ты о чём, Руберт? – Берглунд опасно взглянул на камеру видеонаблюдения.

- Наше общество, - уточнил Линд. – Тебе не кажется, что это совсем не тот идеал, о котором следовало бы мечтать?

- Ты что такое говоришь? – Берглунд отшатнулся. Испуганный взгляд заметался по лицам коллег. Не слышал ли кто? – Мы живём в самом лучшем мире, который только можно себе представить. Без изъянов, грязи и невозможности проявить себя.

- И без женщин.

Берглунд подозрительно посмотрел на Линда, а затем ещё и потрогал ему лоб. Не горячий. В следующих вопросах прозвучало беспокойство:

- Съел за коллективным завтраком что-то не то? Или сок попался несвежий?

- Я ел и пил то же, что и ты, Ула. Со мной всё в порядке. Просто я подумал, а было ли так необходимо отказываться от женщин?

- Ты точно заболел, Руберт. Мы же только что с лекции. Или ты не слушал?

- Слушал, - кивнул Линд. – Могу слово в слово повторить всё, что сказал историк. Что по умственному развитию женщины сильно отставали от мужчин. Что их творческое начало не шло ни в какое сравнение с мужским. Что женщины руководствовались в своих действиях исключительно эмоциями. Что женщины не могли достичь совершенства даже при всём желании... Но ведь изначально мир был создан двуполом.

- Природа не застрахована от ошибок. И наше общество, ко всеобщему счастью, исправило их. Идеальное общество может быть только мужским.

- Всё так, но...

- Мне не нравятся твои сомнения, Руберт, - Берглунд заслонил партнёра так, чтобы надзирающий искин не мог прочитать по губам. – Попахивает нарушением Закона.

- Сомнение не должно быть преступлением.

- Немедленно прекрати! – Берглунд побледнел и всем телом прижался к партнёру. Пусть коллеги думают, что полыхнула страсть. Это приветствуется. А вот за крамольные разговоры одним лишь понижением гражданского статуса можно было и не обойтись.

При мысли о психокоррекции Берглунд содрогнулся.

- Я ничего такого не сказал, Ула.

- Служба Сохранения Социального Равновесия может посчитать иначе... Я не хочу потерять тебя. Тем более сейчас, когда Отцовский совет позволил нам завести ребёнка.

- Раньше для этого была нужна женщина. Мать.

Берглунда передёрнуло. Все эти женские физиологические жидкости. Огромное неэстетичное брюхо. Складки жира по всему телу. И постоянные перемены настроения... Другое дело сейчас – искусственное возвращение. Стерильность и генетический контроль.

- Не сделали ли мы ошибку, отказавшись от материнства?

- Тебе нужно срочно показаться врачу, Руберт. Ты явно подхватил какую-то заразу, - Берглунд инстинктивно отстранился. – Всё отжившее свой век отправляется на свалку. Женщины – зло, и их полное уничтожение пошло лишь на благо. Проклятые Тёмные века закончились... А теперь улыбнись и поцелуй меня.

Линд обозначил улыбку и мягко коснулся губами губ партнёра, которого назначил ему Отцовский совет.

- Это совсем не то, что я ожидал от тебя, - изобразил недовольство Берглунд. – Куда подевалась твоя страсть?

- Прости, любимый... - Линд мотнул головой, как собака воду сбрасывая дурные мысли. На этот раз поцелуй вышел страстным. Настолько, что партнёры почувствовали необходимость уединиться в кабинке любви.

После коитуса вернулись к работе. Какое-то время Линд мог выполнять служебные обязанности, после чего сомнения вновь полезли в голову. Поначалу – единичные, однако с каждой минутой еретическая течь становилась всё сильнее. Линд даже испугался, когда в мозгу полыхнул вопрос – не поторопились ли Отцы с выводами?

- Руберт, ты должен показаться врачу, - оторвался от монитора Берглунд. – На тебе совсем лица нет.

- Возможно, ты и прав, Ула... - Линд откинулся на спинку компьютерного кресла и помассировал пальцами виски. От тяжёлых мыслей стало тяжело в голове. – Не понимаю, что со мной.

- Ты слишком много работаешь.

- Я же не женщина, чтобы бездельничать, - повторил один из тезисов Парадигмы Линд. – Во благо Общества подлинного благоденствия и умереть не страшно.

- Узнаю тебя прежнего, Руберт, - Берглунд наградил партнёра жгучим поцелуем, но до повторного коитуса не дошло: на пульт поступил экстренный сигнал. – Вот тебе шанс развеяться.

- Никогда бы не подумал, что в Репродуктивном центре что-то может пойти не так, - озвучил удивление Линд. – Там же собраны все самые передовые технологии. И за всем этим следит искусственный интеллект. Там ничего не может сломаться априори.

- Всё когда-нибудь случается в первый раз, - напомнил Берглунд. – Езжай. Баллы к гражданскому статусу лишними не будут точно. Проветришься заодно.

Линд захватил инструментальный чемоданчик и взял служебный электрокар. Ехать было десять кварталов. Недалеко, но вполне достаточно для того, чтобы переключиться на предстоящий ремонт.

Репродуктивный центр поражал своими размерами и архитектурным стилем – создать нечто подобное женщинам было не по силам. Здание усиленно оберегали – люди в броне, вооружённые до зубов, несли службу бок о бок со всевозможными охранными механизмами. Армия не прорвётся.

Линда подвергли самой тщательной проверке – само существование нового мира зависело от нормального функционирования Репродуктивных центров: мужчины не могли вынашивать потомство. Что раньше радовало.

- С вами всё в порядке? – уточнил офицер Службы безопасности, сканируя лицо Линда.

- Небольшое переутомление, - заверил Линд и неожиданно поймал себя на вопросе – а не потеряло ли общество нечто базовое? Ценность которого нельзя описать словами?

- Мы можем пригласить другого мастера.

- Я справлюсь.

В Репродуктивный центр Линд, получивший одноразовый пластиковый пропуск и герметичный комбинезон, вошёл сам. Его встретили яркий холодный свет, стерильность операционной и тотальный видеоконтроль. Двигаться предлагали по электронной стреле, загорающейся на полу через каждые три метра.

Центр управления Репродуктивным центром напоминал джунгли – различного оборудования и всевозможных кабелей оказалось столько, что между ними даже не всегда можно было протиснуться.

Линд открыл инструментальный чемоданчик, выудил необходимые гаджеты и при помощи нейтрошунта подключился к искину. На то, чтобы найти ошибку, потребовалось время. Зато в течение всего этого периода голова полностью освободилась от сомнений. Линду нравилось иметь дело с цифрами. Они были такими мужскими.

Закончив, довольный Линд запустил программу проверки. Тестирование обычно продолжалось в течение нескольких минут – в зависимости от объёма задействованного информационного пласта. В течение этого времени инженер будет предоставлен самому себе.

Неожиданно Линду захотелось заглянуть в святая святых – в Инкубатор. О том, как рождается новая жизнь, Линд, как и подавляющее большинство остальных граждан, знал лишь понаслышке. Информация о биоинженерном генезисе не распространялась. Служба Сохранения Социального Равновесия строго следила за этим.

Другого шанса может и не представиться.

Подчиняясь импульсу, Линд коснулся сенсорной клавиатуры. Программа защиты искина была типовой, с незначительной модификацией. Если знать алгоритм, трудностей не возникнет. Алгоритм Линд знал. В его обязанности входила, в том числе, и разработка этих самых алгоритмов.

Перво-наперво требовалось зациклить камеры видеонаблюдения внутри Центра управления. Затем разжать защитный контур и сделать так, чтобы искин воспринял нового пользователя как часть самого себя.

Тяжелее оказалось разобраться, что за что отвечает в позитронном мозгу. Линд справился – с его талантами было бы удивительно, если б искин поднял тревогу. Однако страх разоблачения всё-таки присутствовал – не каждый день идёшь против воли СССР.

Ожидавший увидеть нечто вроде био желе или белкового бульона Линд озадачился – ни цистерн с исходным строительным материалом, ни индивидуальных инкубационных камер не имелось. Основную часть здания занимал куб, который, подобно дикобразу, был утыкан трубами различного диаметра и всевозможной расцветки. Трубы заканчивались узловыми распределителями, у которых копошились андрюиды и многорукие роботоиды. Пневмотележки только разгружались.

На запрос о характере груза искин выдал длинный перечень элементов природного и искусственного происхождения. Линд не был химиком, однако кое-какие из них он знал – синтетика, абсолютно ненужная человеческому организму. И даже вредная.

Это разожгло в Линде любопытство. Он ни без усилий проник внутрь куба. И уже самые первые кадры шокировали инженера – залитое искусственным светом помещение наполняли человеческие тела. Безрукие и безногие. Единственно позволенного кофейного оттенка. С лишёнными волос головами.

Тела принадлежали взрослым особям. Но не синтетическим. Живым.

Линд ни сразу смог продолжить.

Каждое тело, зафиксированное гибкими держателями, подобно паутине, оплетали коннекторы. Тут были и нейрошунты, и отводники фекалий и мочи, и гибкие инъекторы, и импульсные контроллеры, и энерговоды, и водонаполнители, и термометры, и датчики состояния организма, и психокоррекционные накладки, и смесители, и терморегуляторы, и пневматические насосы, и аппараты принудительного вскармливания, и всевозможные зажимы, и ускорители кровообращения. Множество иных, о некоторых из которых Линд не имел представления.

Инженер зажмурился и медленно досчитал про себя до десяти. Открыл глаза, но жуткая картина никуда не делась. Ещё и дополнилась деталями: женщины были...

...беременными.

Никаких сомнений – безобразные, мячеподобные, под вислыми грудями, утробы на различных сроках показывали уже на первых лекциях по истории Тёмных веков. Линд почувствовал, как от паха начинает подниматься тошнотворное отвращение. До чего же уродливое зрелище – дугой живот...

Ясность сознания вернулась через вечность, организм перестал бунтовать. И Линд сумел различить и другие детали. Куб оказался поделен на три части, обозначенные как «Оплодотворение», «Вынашивание», «Конечный продукт». Эмбрионы изымались из тел и помещались в контейнеры, напоминавшие саркофаги. До полного созревания.

Линд облизал внезапно пересохшие губы. Остановиться бы, замести следы и снова жить прежней, полной удовольствий жизнью...

Дрожащие пальцы сами по себе ввели новую команду. На лбу каждой женщины вилась змейкой чёрный цифробуквенный код. Линд машинально коснулся точно такого же на своём левом предплечье. Идентификатор Репродуктивного центра и личный номер.

Мозг обожгло – выходит, всё это время Отцы обманывали собственных граждан?

Искин по-прежнему вёл себя так, как будто ничего не произошло. Производство не останавливалось ни на минуту.

Линд ввёл в строку поиска собственный цифробуквенный код. Сам не зная, зачем. Уже спустя мгновение телеметрия изменилась – со всех мониторов на инженера смотрела измотанная донельзя женщина. «Отработанность ресурса – 98,02 %», - значилось в памяти искина.

Имелась и ещё одна запись. Такая же бездушно чёрствая – машинная констатация факта.

«Подлежит утилизации».

Линд взял крупный план лица женщины. Даже сейчас оно продолжало сохранять красоту, присущую лишь тому, что создано живой природой. Руку Линда обожгло – он с удивлением осознал, что плачет. Из самых глубин подсознания всплыл самый дорогой для любого живого существа образ.

- Мама...

Линд и сам не заметил, как стал смотреть на мир совершенно другими глазами.

Отцы, как ни старались, так и не смогли вытравить из сознания базовый код бытия. Не имело значения, какими мотивами они руководствовались. Важно было только то, что праздновать победу они поспешили.

Линд провёл рукой по щеке женщины. Та, словно почувствовав касание, дёрнулась и посмотрела прямо в объектив камеры видеонаблюдения. Ожидавший увидеть в глазах женщины тягость и невыносимую боль, Линд удивился искренней радости, наполнявшей инкубатор.

«Мать», - немедленно поправил себя инженер. Только извращённый ум мог назвать женщину инкубатором. И бессовестно врать, утверждая, будто часть лучше целого. Линд видел, что безымянной женщине нравится быть матерью. И даже жёсткий суррогат этого самого материнства не мог заставить её пойти против собственного естества.

Кольнуло напоминание о том, что Линд не может оставаться в Центре управления без конца – рано или поздно инженера хватятся. Сделает это искусственный интеллект или живые люди, не имело ни малейшего значения. Линд расстанется с матерью. Потеряет её навсегда...

Линд совсем не удивился, когда поймал себя на мысли, что не хочет возвращаться. Инженера повергала в ужас ни вероятность расставания с привычным миром, ни мысль о психокоррекции, после которой от его теперешней личности не останется даже отметки в архиве Службы Сохранения Социального Равновесия, ни сама вездесущая СССР. Инженер боялся остаться подделкой. Обесчеловеченным гомункулом.

Искусственного прикосновения в искусственном мире было недостаточно. Однако проникнуть в куб Линду не суждено – периметр оказался герметичным, а размер труб не позволял проползти по ним даже ребёнку. К тому же в трубах, несомненно, установлены фильтры...

Порой из ситуации есть всего лишь один выход. Линд столкнулся именно с таким случаем.

- Прости меня, мама, - инженер тяжело вздохнул и набрал на сенсорной клавиатуре новую команду.

ИГОРЬ МИШЕНКОВ

Тверь

Родился в 1971 году в городе Сызрани Куйбышевской области. Военную службу проходил в Группе советских войск в Германии. Стихи пишет с 2016 года. Печатался в журнале «Сызранская излучина», электронном литературно-художественном альманахе прозы и поэзии «Новый российский писатель». Автор поэтических сборников "Пусть любовь украшает ваш дом" (2019), "Лабиринт" (2021), "Узы дружбы" (2022). Ресторатор. Инструктор по каратэ-до.

УЗЫ ДРУЖБЫ

Я на жалость давить не умею,
Мне поблажек просить не с руки.
Но с годами всё чаще жалею
О словах, что бросал вопреки.

О поступках, что были с горячки,
О сужденьях, что были за миг,
За беспамятство в будничной скачке,
И десятки подобных улик.

Торопя золотые мгновенья,
Я куда-то стремился успеть,
Обрекая на тлен отношенья,
Узы дружбы бросая на смерть.

За маяк принимая пустое,
Часто, каюсь, я плыл в никуда...
Лишь теперь понимаю, что стоят
Больше золота дружбы года.

ПОЛЕ-ПОЛЮШКО

Вновь по каше снегов подтаявших
В вечер поздний пойду я на поле,
Чтобы встретить своих товарищей,
Свою долю поведать за полночь.

Долю быть на людях, да издали
Наблюдать, как те люди маются,
Как то грязными, а то чистыми
За надежду руками цепляются.

Вот осина моя, осинушка,
Что свечой восковою дыбится, -
Как и я, не покажет вѣдушка,
Ни поплачется, да не улыбнется.

А вот тополик мой, тополишка,
Обмер, родный, да ждет январика, -
Как и мне, ему снится волюшка,
Да грустит от морозца, старенький.
А березка? Мила, что девица,
И без листьев краса красивая, -
Как и мне, ей совсем не верится,
Что бывают ветра ревнивые.

Так со всеми своими друзьями
Разговаривать я наловченный;
Лето - к ним поскочу меж лужами,
В осень - тропкой иду золоченной.

И ни слякоть, ни молний зарево
Не вертают меня, упрямого,
И на поле бреду к товарищам,
Что мне близкого ближе самого.

СКВОРЦЫ

Трещать о дружбе, что скворец,
Среди мужчин заведено.
И каждый - ишь - в том деле спец,
Хотя на деле всё одно:

Чем глубже лозунг - мельче суть,
И чуть пора приходит дел,
Тот «друг», что бил недавно в грудь,
Глядишь - плевать на всё хотел.

А часто ровно пустячок
Всего-то нужен - добрый взгляд,
Совет иль сущий пяточок.
Но тут «дружок» сдаёт назад.

И нет его, как не ищи,
В минуту нужную с тобой.

Вот так, увы, среди мужчин
«Скворцы» встречаются порой.

Но как же за́годя узнать
Тех, настоящих, среди «скворцов»?
Ни лоск речей, ни тела стать,
Увы, не тест на хитрецов.

Словам не верь, а будет срок -
«Скворец» себя проявит сам.
Кто друг, а кто - тряпья кусок,
Узнаешь только по делам.

НЕНАВИДЬТЕ МЕНЯ ГРОМКО

Ненавидьте меня громко!
Чтоб я знал, когда ждать удара.
Не бросая намёков тонких,
В лоб скажите: мол, так и так.

Я из вашей исчезнуть жизни
Поспешу, как пиджак старый,
Не юлите - юлить низко,
Я пойму, я, увы, не дурак.

Не ищите со мной дружбы!
Пусть придёт всё само собою;
Коль друг с другом нам быть нужно -
Встреча эта произойдёт.

А дружить предложу первым -
Обойдите меня стороною,
Если в тягость мой нрав нервный,
Если я не такой иль не тот.

Помогите мне стать лучше!
Те, кто в жизни нашёл счастье,
Те, кому довелось в гуще
Быть событий, оставшись собой, -

Вас прошу я: совет дайте,
Проявите во мне участие.

Вы нужны очень мне, знайте,
Я лишь вашим примером живой.

ЛИМИТ

Не молчи, если больно и эта боль
Из породы, что трудно стерпеть;
Если сердце грызёт, словно рану - соль,
Если мук неносима плеть;
Если тронешь - гагарой кричишь, и стон
Тело-душу куёт в тиски;
Если болью наполнены явь и сон -
Молча гибнуть, мой друг, не с руки.

Но бывает и так: за такую беду,
Что Христом норовит распять,
Принимаем мы малых бед череду,
И спешим всем и вся сказать.

Чуть кольнёт - и в слезу, а ещё - мы в крик,
Не пытаясь понять сперва:
Надлежит по-мужски снести той боли рык,
Иль не стоит спустя рукава?

Я из тех, кто за словом в карман не лез,
Кто плечо подставлял не раз.
Коль с мольбою глядит человек, я в лес
Не беглец, я - к нему в сей час.

Ты зови, если боль, словно бур, сверлит,
Лишь прошу: не расходуй вмиг
Нам подаренных Небом друзей лимит,
Что придут, лишь окликнешь их.

ВДОХНОВЕНИЕ

Меня спрашивали друзья,
Уж не болен ли часом я?
«За сезон ни полстрочки, ни слова,
И гитара молчит твоя».

Меня спрашивали друзья:
«Заблудилась где Муза твоя?»

Иль совсем, чтоб ей так-раста́к,
Разлюбила тебя, змея?».

Отвечал я друзьям: ну да,
Есть такая во мне ерунда,
Раз иль пару в году - придут,
Чтоб их так, в мою жизнь холода,

И тогда не идут на ум
Мне ни солнце, ни моря шум,
Звуки молкнут в душе моей,
И земля мне - что судна трюм.

Отвечали друзья: «Ты пой,
Или на́черт ты нам такой,
Что молчит, словно рыба на льду.
Нам молчанье твоё на кой?..».

Что сказать мне ещё друзьям?
Разве то, что не рад я сам,
Что случилась со мною вновь
Эта чёрная полоса.

Не пою я, но что с того?
В дружбе нашей важней всего
Разве это?.. Так будем ждать
Вдохновения моего.

ПРОСТИТЕ, ДРУЗЬЯ!

Я у друзей своих просить спешу прощенья
За всё, чем их, такой негодный, обделил;
За беспокойство обо мне, за треволненья,
Что им своей натурой странной причинил.

Я вам, друзья мои, обязан тем покоем,
Что душу греет, когда холод на Земле;
Мне дружба ваша, как радушное застолье
И самовар гостеприимный на столе.

В пылу баталий, что на кухне иль работе,
В часы душевных мук иль в радостном хмелю

Мне сладкий мёд - одна лишь мысль, что вы живёте;
И я о здравьи вашем Господа молю.

Нещаден рок, иных из вас уж нет на свете,
Но тем, кто жив, и кто свой дарит взор с Небес,
Отдать хочу - в закат ли, ночью, на рассвете ль -
Признанья в дружбе и в мольбах о здравье крест.

ПРОШУ НАЧИСТОТУ

Попрошу у друзей без заискиваний
 Мне о дружбе своей говорить.
 Хватит лести и взглядов неискренних,
 Слов довольно кувшинами лить.

Попрошу называть меня недругом,
 Коль во многом со мною вразрез;
 Так честнее, чем почести щедрые,
 Мне чужой не сподобится крест.

Попрошу поздравленья дежурные
 Тем, другим, но не мне, присылать;
 Ближе мне - пусть порой бескультурные -
 Рукописные строки читать.

Пусть останется добрая дюжина
 Тех, кому я по-прежнему люб;
 Быть хочу в годы зрелые нужным я
 Тем, кто в дружбе на честность не скуп.

КИТЕЛЬ

Эта ночь не для сна. Этой ночью опять -
 И всё чаще с годами - не спится.
 Вспоминаю, как мне довелось примерять
 Китель с пушками в чёрных петлицах.

Открываю альбом. Нэспир, Колька, Карась -
 Пацанов моих добрые лица.
 Нас навек породнил, сделал братьями нас
 Китель с пушками в чёрных петлицах.

Руслик, Маха, Макар, Жора, Лёшка, Авдей...
Память мечет имён вереницы.
Я тебе благодарен за верных друзей,
Китель с пушками в чёрных петлицах!

Рассветает. Коньяк недопитый - в графин.
Чашка крепкого кофе с корицей.
Я люблю эту жизнь, и одна из причин -
Китель с пушками в чёрных петлицах.

СЛУЖАКИ

В артбригаде служить мне, друзья, довелось -
Память лет этих душу греет.
Зной и стужу прошёл я, и мок насквозь
С пацанами моей батареи.

Плац в тумане рассветном, чеканя шаг,
Сотни раз рассекали рьяно,
И команду равнение взять на флаг
Отдавал нам комбат Шабанов.

Время медленно, словно сквозь пальцы вода,
Утекает рекой в бесконечность.
А я снова и вновь возвращаюсь туда,
Где сменил на мундир беспечность.

И, пытаясь найти сослуживцев след,
Соцсетей тереблю страницы;
Кто-то здесь, а кого-то, к несчастью, нет -
Так ищу пацанов по крупичам.

Их немного, увы, - тех, чей лик родной
Вижу я на экране смартфона,
Кто как прежде своим «Игоряныч, спой!»
Освещает дисплей телефонный.

Их немного, всё верно, но каждый из них
В моей жизни чего-то значит.
И я пел и пою для друзей моих,
Своих чувств и тепла не пряча!

ОЛЕГ КОРНИЕНКО родился 6 февраля 1954 года в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище с золотой медалью. Около 28 лет отдал Сызранскому высшему военному авиационному училищу летчиков, воевал в Республике Афганистан. Награждён пятнадцатью медалями, в т.ч., «За боевые заслуги». Печатался в ведущих изданиях России, в журналах «Новый Свет» (Канада), «Простор» (Казахстан), «Приветик!» (Латвия), «Склянка Часу» (Украина) и др. Член Академии «Русский слог». Член редколлегии литературных журналов «Волга – XXI-й век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск). Лауреат городской премии «Признание», лауреат Международной литературной премии им. Э.Хемингуэя (Канада). Автор шести книг прозы для детей и взрослых. Член Союза писателей России.

ЛАЗЕРНАЯ УКАЗКА

Это, конечно, был Юрка, Юрка Сивков, с которым Тимка и Федька когда-то ходили в детсад. Теперь они встречались с Юркой только летом, когда он приезжал на каникулы к бабушке с бабушкой с Дальнего Востока.

- Привет дальневосточникам! – крикнул Тимка.

- Привет волжанам! – ответил Юрка.

Отец у Юрки – капитан дальнего плавания. А потому у Юрки был настоящий кортик, а на боку сегодня болтался коричневый продолговатый футляр, который Юрка придерживал точно кортик.

- Бинобль?- поинтересовался Федька.

- Фонарик, - Юрка важно похлопал по футляру.

- А фонарик зачем?- спросил удивленно Тимка.

- Точнее это не фонарик, а секретное оружие: лазерная указка, - почти шепотом объяснил Юрка.

Ребята уже слышали по телевизору о лазерных указках, лучи которых хулиганы наводили на садящиеся самолеты. Но ведь Юрка не хулиган, а сын моряка, капитана дальнего плавания.

- Он что угодно может остановить, хоть на земле, хоть в воздухе, - похвастался Юрка, доставая из футляра фонарик: блестящий, с зелёным стеклом.

- Ври больше! Ты что - Терминатор? - засомневались друзья.

- Когда стемнеет, выходите на улицу - сами убедитесь.

Когда солнце наконец спряталось за горизонт, ребята встретились у подъезда и решительно зашагали к небольшому парку, мимо которого проходила автомобильная дорога.

Они спрятались за кустами, и Юрка достал фонарик. Ждать пришлось недолго. Впереди показались огни машины.

- К бою! – скомандовал Юрка, и включил фонарик. Тимка и Федька увидели как тонкий зеленый луч метнулся навстречу машине и, ослепляя водителя, замер на лобовом стекле. Машина завиляла из стороны в сторону, завизжали тормоза, и она, съехав с дороги, залетела в кусты. Из кабины, ругаясь, выскочил водитель:

- Эх, я сейчас кому-то уши надеру!

- Атас! Смываемся! – скомандовал Юрка, и первый показал ребятам спину. Тимка и Федька бросились за ним.

– Держись левее - там гаражи, - крикнул Тимка.

Через несколько минут, тяжело дыша, ребята остановились возле гаражей.

- Ну, как? – спросил Юрка и прислушался.

- Кажется, оторвались, - ответил Федька.

- Хорошо, что мы не уши, - заметил Тимка. – Может хватит на сегодня приключений?

- Вам виднее, - пряча фонарик в футляр, важно заметил Юрка. - Один – ноль в мою пользу.

Дома их уже потеряли.

- Вы куда пропали?- спросила мама Юрки, и подозрительно посмотрела на ребят.

Те испуганно переглянулись, но тут вмешался отец Юрки:

- Новости дадите спокойно посмотреть?

Мальчишки тоже механически уставились на экран телевизора. Там показывали какой-то аэропорт и много самолётов.

- В некоторых регионах России участились случаи хулиганства при помощи «лазерных указок», - сказала диктор, и Тимке показалось, что она уставилась на него. - Так, в Махачкале и Самаре лазером пытались ослепить экипажи пассажирских самолетов. Президент Чечни Рамзан Кадыров приказал запретить продажу «лазерных указок» на территории республики.

Тимка с Федькой переглянулись и посмотрели на Юрку. Глаза его восторженно блестели.

- Видели? – спросил Юрка и достал фонарик. - Направляешь на самолет, и он как миленький садится, где тебе нужно.

Тимка вспомнил вдруг про отца, который ушёл сегодня на ночные полёты, и сказал:

- Да, сильная штука. Дай посмотрю.

- А я что говорю, – захихикал Юрка и протянул фонарик Тимке. – Если

хорошенько потренироваться, можно и спутниками на орбите управлять.

- Ой! - вскрикнул вдруг Тимка.

Фонарик, сверкнув ненавистным зелёным стеклом, полетел на пол.

Первым почувствовал неладное Юрка.

- Эх ты, балда! – захныкал он, поднимая фонарик.

Фонарик был целым, только что не светил, сколько Юрка не дергал кнопку рычажок.

- Я ведь пошутил, - признался вдруг он. – Никакой это не лазер, а обычный фонарик. Только стекло зелёное.

- Доморгался, - радостно заметил Тимка и, точно обезвреженную гранату подкинул на ладони мертвый фонарик. И загадочно добавил: - Один – один – ничья!

НАТАЛЬЯ БОНДАРЕНКО

Сызрань

Кандидат в члены СПР. Окончила Саратовский госуниверситет им. Н. Чернышевского по специальности «биолог-химик», московскую школу развития образной памяти «Эйдетика», курсы стенографии и скорочтения. Литературным творчеством занимается с 1997 года. Выпустила книги: роман в рассказах для детей «Артёмкины истории и мамины сказки», двухтомник «Россия в судьбах...», «Тамарочка». Произведения Н. Бондаренко представляли журналы «Наш современник» (М.), «Русское эхо» (С.), «Сызранская излучина», саратовский «Волга – XXI век», «Бульвар», «Город мастеров», «Квартира», «Костёр» (С-П), «Муравейник», «Детская роман-газета». А также газеты «АиФ-Самара», «Самарские известия», «Трудовая Самара», «Наша гильдия», «Волжские вести», «Литературная Сызрань», «Красное Приволжье». Дипломант Международных литературных конкурсов имени В. Крапивина и «Центр Европы». Обладатель диплома Международного литературного Германского конкурса «Лучшая книга года» - «За глубину и проникновенность прозы». Лауреат Международного литературного конкурса «Созвездие духовности» и городских конкурсов «Женщина – года» и «Признание» (в номинации «Литература и журналистика»).

КОГДА МАМЫ С ПАПОЙ НЕТ ДОМА

Когда мамы с папой нет дома, мы с Алькой так хозяйничаем, та-ак хозяйничаем!.. Пол – блестит, посуда – как новенькая! Повсюду расписные бумажные салфетки понатыканы. В квартире – шик да блеск! А ещё для уюта Алинка опускает на окна жалюзи и задёргивает шторы – получается полумрак – как в ресторане.

- А почему сидите в темноте? – первым делом спрашивает нас мама, придя с работы. И, не дожидаясь ответа, быстро расшторивает окна и замечает всю нашу красоту. И хвалит нас за старание. Мне в этот момент хочется горы свернуть.

Однажды мы с Алей не только убрались, но методом проб и ошибок испекли печенье. А я в придачу ещё и ужин приготовил. Вот!

- Наконец наши дети прошли кулинарные «университеты»! – сказал маме папа довольным голосом.

Это означает, я так понял: мы с сестрицей настоящие теперь повара.

Как ими стали? Да просто! Это пустячное дело!

Известно, девочки чуть ли не с пелёнок приступают к кухонным делам. Если говорить про Альку, то она специализировалась, по рассказам мамы, на тесте. Запускала ладошки в муку, горох, горчицу, крахмал – и всё смешивала. Затем заливала водой, а иногда тем, что подвернётся под руку – компотом, например. И начинала делать тесто.

Но до выпекания дело не доходило. Вот почему. Выпустив случайно малышку из виду, наша бдительная мама вовремя спохватывалась: «А где

у нас Алечка?» – «На кухне посмотри», – отзывался папа, отрываясь от газеты. Мама вихрем неслась по указанному адресу и немедленно сворачивала Алькин эксперимент. Думаете, она ругала проворную повариху? Ничего подобного! Лишь вздыхала. А папка, как водится, удовлетворённо восклицал, глядя на перепачканную дочу: «Нормальный будет экземпляр жены!»

Я вырос и стал помогать сестрице.

Как-то раз остались мы одни, без маминого неусыпного внимания, и решили испечь печенье. Если у Алинки кулинарный талант, подумалось мне, то почему бы не сделать маме с папой съедобный сюрприз? Я предложил, а Алька, радостная такая, подхватила. Целиком и полностью я, естественно, положился на её опыт: кулинарный стаж у неё, как уже сказал, – с рождения. Представив, как родители вернутся с работы и увидят на столе нашу чудо-выпечку, я возликовал в душе. От фантазий у меня за спиной выросли крылья. Алюха тоже засуетилась. Схватила старинную поваренную книгу. В ней – всё о цветах, выкройки, гигиена, рукоделие – многовековой опыт женских дел. Стала листать. Перевернув раздел «Мать и дитя», наткнулась на рецепт домашнего печенья. Прочла вслух.

- Фигня! – сказал я.

- Легкотня! – сказала Алька. – Главное – замесить тесто.

Что-что, а с этим у Алюхи полный порядок! Для неё слепить тесто – это как два или три раза плюнуть. Понятно, что бразды правления отдал я ей, сам же решил быть на подхвате. Алёк не возражала, напротив – обрадовалась, что стала главной. Перечитав рецепт, заявила голосом главного кондитера, что печенье выйдет с гулькин нос: берётся всего-то три стакана муки, три яйца и стакан сахара.

- А не увеличить ли объём в восемь раз?.. – прикинул я вслух. – Получится по две порции каждому.

- Здорóвски придумал! – Алюська так и подпрыгнула. – А лучше – в десять раз: вдруг гости явятся.

В десять так в десять... мне-то что...

И мы приступили. Взяли огромный таз, Алинка бухнула в него аж двадцать четыре (!) стакана муки. Потом добавила ещё один – на случай непредвиденных гостей. Я – рядом, на подхвате. Затем она достала из холодильника яйца и, разбивая одно за другим, стала блюмкать их в муку. Я считал: второе, третье... двадцать четвёртое... тридцатое! Стоп, машина! Озеро из яиц расплылось по тазу солнечной глазурью – красотища!

- Неси сахар! – оторвала меня от созерцания яичного чуда Алюха.

Я слепо подчинился.

Сахара хватило еле-еле. Были ещё соль, сода, ванилин, масло... Мы всё делали согласно рецептуре. Но тесто, как на грех, не хотело слипаться. Мы

мяли белую вязкую гору в четыре руки, обливаясь потом, а она не слипалась. Мучная куча деревенела на глазах!

И вдруг Алинка стукнула себя по лбу: «Надо добавить воды! Муки слишком много, вот тесто и не склеивается». Получив моё согласие на воду, сестрица стала колдовать над тестом произвольно, на глазок. Мы заволокли таз в мойку. Аля открыла кран на полную, и тесто под струёй воды поплыло! На наших глазах оно превратилось в белый кисель. Мне сразу расхотелось с ним возиться. Закрыв с опозданием кран, Алька кинулась спасать то, что ещё минуту назад было тестом. Но у неё ничего не выходило. Я – рядом, на подхвате, смотрел и молча сожалел: зря старается. И тут Алюха смекнула: надо добавить муки – для густоты. Пришлось мне лететь в магазин: продукт кончился.

Как только нарисовался я в двери, Алинка, поджидавшая меня у входа, мигом выхватила из моих рук килограммовый куль и в две секунды бухнула его содержимое в таз. Над ним взлетело мучное облако, и изображение пропало. Не дожидаясь, пока мука осядет, Алинёнок принялась отчаянно месить. Сквозь белую пелену я видел, как мелькали руки-спицы, застревая по локоть в тесте. Как сестрица с трудом вытаскивала их, а потом ещё яростнее вонзала в липкую гипсовую массу. Она торопилась, ведь тесто стремительно густело – прямо как цементный раствор. Как опытный кулинар Алёк понимала, что месиво вот-вот закаменеет. И тогда пиши пропало – останутся родители без рассыпчатого печенья.

Я – тут как тут! – ежесекундно на подхвате. Алюха – всполошенная, лицо пунцовое – едва успевала отдавать распоряжения. В итоге, пришлось ещё лить воду: тесто не хотело слипаться. И опять лететь мне пулей в магазин за мукой: переборщили-таки с водой! Алинёнок была на пределе: чиркни спичку – взорвётся. А я – ничего – выполняю приказы на автомате. Мне мерещилось, будто я на камбузе, будто я – кок. Меня охватило беспокойство: хватит ли на всю команду моряков моего печенья? Алинка вернула меня к действительности, дёрнув за рукав: «Ты это чего?»

Мы перевернули тяжеленный таз и вывалили содержимое на стол. И Аля принялась обминать тесто по новой. На её беду, тесто не хотело отлепляться от крышки стола, сколько сестрица ни билась. И тут я вспомнил телепередачу, в которой готовили правильные пельмени. Тётя сначала посыпала стол мукой и только потом раскатывала тесто. Попробовали так же – получилось! Затем я прокручивал пластилиновую белую массу на бабулиной металлической мясорубке – такой, как в книге на картинке. Антикварный этот механизм добыли на антресолях. И теперь Алька была на подхвате: с ловкостью дипломированного кондитера срезала ножом мучных «червей», ползущих из решётки. Их она – на

противни и сковородки, коих катастрофически не хватало. В дело пошли и все мамины тарелки. А тесто – всё не кончалось!

Первая партия выпечки, вынутая из духовки, была на вид, по определению Альки: «Бе-э». Последующие порции тоже были «бе-э». У мамы печенье получается с виду аппетитным, на вкус – пальчики оближешь. Наши же синеватые коврижки сверху были ещё ничего, а если посмотреть снизу – чернее ночи. Алюха кинулась спасать печеньки – скрести сажу ножом. Я – на подхвате. Потом глянул на себя в зеркало: реально чертёнок!

- Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж, – промурлыкал я зеркалу и откусил у печенюшки бок.

Ничего себе!.. Чуть зуб не сломал! Достало это тесто!!!

Только Алюха отвлеклась, я отрезал от «глины» увесистый кусок, плюхнул его на поднос – и бегом – к мусоропроводу! Блюм тесто – в трубу.

Наконец всё было кончено. Печенья получилось – таз с верхом. И полная кастрюля. Откуда-то взялась грязная посуда – целая Останкинская башня, хотя мы не ели. И оказалось, что вместе с тестом я выбросил в мусоропровод мамин расписной подносик – папин подарок.

Что было дальше?

Алька не стала пробовать творенье наших рук. Было видно, что любовь к стряпне у неё улетучилась. Навеки. Она поплелась в комнату и рухнула на диван, как подрубленная пальма. «Завяли помидоры!» – хотел я приколоться, имея в виду угасшую любовь к кулинарии, но сдержался. Посуду пришлось мыть мне одному. Одолел «Останкинскую башню» за час двадцать.

«Э-э... что ещё вкусенького сварить бы?.. – стал думать. – Одного печенья для ужина маловато».

Я – к Алинке:

- А давай приготовим основное блюдо. Печеньем сыт ведь не будешь...

Она согласилась, но как-то вяло. Вымученным голосом сказала, чтобы я сам.

Са-ам?! Интересно... это как? И вообще...

И всё же я решился.

Достал из холодильника миску с тугими, как футбольные мячи, куриными желудками. Переложил их в кастрюлю, налил воды. Поставил кастрюлю на плиту, зажёл газ на полную. Скоро перламутровые желудки запрыгали в воде, как резвые зайцы. Подскакивали, состязались – кто выше, нороя выпрыгнуть. Толкались на поверхности, ныряли, вращались... Прикольные! Я смотрел на них и представлял, как сам накрою

на стол и накормлю всех офигенными зайцами, фу ты – желудками. А чаю – будьте любезны откусать! – подам наше печенье.

Вдруг мне показалось... Нет, было на самом деле. Запах... Бр-р! Пахло чем-то отвратительным. Или желудками? Ну конечно, в самом деле, когда их много собирается в одной кастрюле, то и пахнуть должны сильно! Как сразу не догадался?.. Ну и ладно, пусть пахнут себе на здоровье... А потом решил: зайцы без меня пока поскачут, а я с полчаса поиграю на компе.

Пришли родители. Мама с папой, значит. Пришли с работы. Ну, как обычно, – в шесть вечера. Папа – с завода, мама – с университета. Вместе появились в прихожей. Вдвоём. Довольные оба. Смеются. Прямо свалились мне на голову!

- А вот и мы! – сказала мама весело – и повела носом, стала позвериному обнюхивать всё подряд: меня, одежду на вешалке и прочее.

- Что это за запах?! – изменилась она в лице.

Ответить я не успел, заметил лишь, как мама зажала двумя пальцами, словно бельевой прищепкой, свой сморщенный нос.

Тут папа пришёл маме на помощь, наехал на меня:

- Откуда препаративный запах? Признавайся! И на лестничной клетке...

И, не дожидаясь ответа, потеряв ко мне всяческий интерес, папка кинулся искать источник запаха – то ли убитого динозавра, то ли взорвавшуюся биологическую бомбу.

Только открыл я рот – сказать, что динозавра и в помине нет, мама, забыв про нос, ракетой полетела в кухню, по дороге спешно распыляя дезодорант. Стартовала так, что даже реактивный перехватчик был не в силах остановить. Я – следом, на той же скорости. И в дыму с маху врезался в застывшую перед плитой мамину фигуру, выпучившуюся на бесформенную кастрюлю цвета сажи. Кастрюлю было не узнать! Её перекорёжило, как и мамино лицо.

- Артём! Это ты жарить неочищенные потроха? – взвизгнула мама (с визгом она редко разговаривает) и быстро выключила газ.

Вопрос застал меня врасплох.

- Потроха?! – Балбес балбесом, я не мог взять в толк, о чём это она, о зайцах, что ли?

- Ну да, неочищенные желудки, – прогудел мамин нос. (Он срочно был зажат.)

- Желудки?.. – проблеял я позорно. – Ах, желудки! – дошло до меня, и от радости, что сообразил, я часто-часто заморгал.

- А что же ещё?! – сгоряча отпустив нос, задыхаясь от смрада, разозлилась мама.

Она была готова укусить меня, но дым ей мешал.

И тут мама, яростно разгоняя руками дымовую завесу, отчеканила:

- Заруби себе на носу! (Как, каким это образом?) Желудки надо было потрошить. И запомни: после того, как кастрюля заканчивает варить, она начинает жарить!

- Потрошить?! Как курицу? – ляпнул я, уставившись на страдающий под «прищепкой» мамин нос – он спешно был зажат.

Странный диалог скоропалительно закончился. Я чуть не задохнулся от гари и тоже поскорее защепил шнобель. И тут мама, забыв про нос, кинулась открывать окно, стала усиленно хватать ртом уличный воздух. Прямо как рыба на берегу. Ну и мама...

- Самое смешное, – наглотавшись вволю кислорода, заговорила мама уже присмирившим голосом, – иногда желудки продают очищенными, а порой – нет. И давно их варишь?

- Не очень, мамульк. Часика три-четыре... Или больше... Я на часы не смотрел, забыл про время.

От чистойшей моей правды мамини глаза расширились, стали похожи на голубые с тёмной каёмкой два блюдечка – какие у нас в шкафу. Мама устало опустила передо мной на корточки и стала разглядывать меня, смотрела как на маленького, и глаза её смешно смеялись. Они хихикали надо мной, лопухом.

А когда дым вылетел на улицу, мамин взгляд упал на таз с печеньем – он громоздился на столе.

- Ой! – всплеснула мама руками.

В этот момент в дверном проёме появился папка, взъерошенный весь. Мгновение – и рот его открылся сам собою: папку таз потряс. Будто впервые увидел медный наш таз с жирной царapiной на боку – в нём мама каждое лето варит вкусное варенье. Даже очки протёр! А расплавленную кастрюлю на плите – ха-ха-ха! – не заметил.

Мама улыбнулась папе кривовато и, вытянув смешно губы, поцеловала меня в макушку несерьёзным громким поцелуем. Вот так: «Ммму!»

- Ух ты! Целый центнер печенья! – обрадовался вдруг папка. – На наш век точно хватит!

Он взял печеньку и сунул в рот.

Н-да-а... Давно он так не смеялся... Чуть не лопнул от хохота. Папка, как и я, едва зуб не сломал. А всё почему? Печенье оказалось ну о-очень прочным. Стальным. Ведь мы пекли на совесть. А когда весь смех вышел, хитро сощутив левый глаз, папка сказал:

- Так-так... Догадываюсь, ты, Тёмка, был подручным...

И, не договорив, опять взорвался смехом, аж зазвенели фужеры за стеклом. А когда совсем-совсем отгрохотался, смахнул слёзы, критически оглядел меня с ног до головы и хмыкнул:

- Хм-м... Вылитый трубочист! Эх ты... голова два уха...

Голова с ушами?! Поругал это меня, да?

А дальше... Стоит ли рассказывать?.. Папка ткнулся взглядом в ту самую однобокую помятую кастрюлю. И... ка-ак дёрнет его! Хуже чем током. Не владея собой, папка прогремел, аж мама изменилась в лице:

- Это что за космический объект?!

Я промямлил с опозданием:

- Не подручным был я, пап, а на побегушках. – И то ли похвастался, то ли пожаловался: – Аж два раза сгонял в магазин за мукой! Я молодец? – спросил.

- Ну-ну, – вяло похвалил папка меня и вопросительно глянул на маму.

Мама пожала плечами. Я ничего не уловил по её лицу, было не понять. А потом мама вышла из кухни. И в ту же минуту позвала нас.

- Тс-с, – приложила она палец к губам, когда мы с папой появились в гостиной. – Бедная наша девочка... Умница ты наша... Устала... – зашлась мама жалостливым шёпотом, укрывая пледом мертвецки спящую на диване Алинку. – Настоящая красotka! И даже во сне.

- Ой, взгляни на её руки! – кивнула мама папке, вволю налюбовавшись Алькой.

Я тоже посмотрел. И надо же! По самые локти Алюхины руки были в скафандре из засохшего теста. Первый раз в жизни видел я такие «перчатки». Они были... как у Гагарина. Как на той фотографии.

ВЯЧЕСЛАВ ХАРИТОНОВ родился в городе Сызрани Куйбышевской области в 1942 году. Окончил Сызранский трикотажный техникум и литфак Свердловского пединститута. Служил ракетчиком в МО ПВО, где впервые опубликовал стихи в окружной газете. Работал на ИТРОВских и рядовых должностях в лёгкой, пищевой и химической промышленности и в тяжёлом машиностроении в Сызрани и Семипалатинске, а также журналистом в городской, районной и заводской печати. Член Союзов писателей и журналистов России. Публиковался в газетах и журналах Москвы и Подмосковья, Поволжья, Урала и Сибири, в коллективных сборниках. Издал восемь поэтических книжек. Дважды лауреат городской премии «Признание», областной литературной премии имени Виктора Багрова и Всероссийской литературной премии «Мастер». Проживает в Сызрани, где на протяжении многих лет руководит городским литобъединением.

СЧАСТЛИВЫЕ МГНОВЕНИЯ

Бесподобные мгновенья:

Гирьки ходиков не раз,
Либо их цепочек звенья,
Возвращали в детство нас.

Жизнь – бездонная криница:

Дней иссякла череда,
А в душе ещё хранится
Меловых холмов гряда.

По-над нею бор сосновый
Пахнет солнцем и смолой,
Словно в небеса окно вы
Распахнули вдруг весной.

Впечатлений изобилье.
В ароматах – звуков взвесь.
Это птичья эскадрилья
Разместилась мирно здесь.

Всем по нраву этот щебет,
Бликов солнечных ли прыть...
Оттого и сердце щемит,
Что нельзя их повторить.

ЗВОН ПОДОЙНИКА

Хоть я и в городе рождён,
Но суть понятий веских,
Таких, как выгон и прогон,
Обрёл в пределах сельских.

Коров там с пастбища встречал
В числе друзей-мальчишек.
И на досуге не скучал:
Играл то в клеек, то в чижик...

Ну а любой из них мечтал
О городских кварталах,
Где этажи подобьем скал
В размерах небывалых,

А местной высоты предел –
Венец пожарной башни.
О том болтал я, как хотел,
Друзьям своим тогдашним.

Они же думали, что вру,
Коль города не знали.
И продолжать со мной игру
Хотели уж едва ли.

С тех пор – уж сколько ни живу –
Картинку ясно вижу,
Как на крылечке я сижу,
Подойника звон слышу.

ДЕТСТВА СОТОВЫЙ МЕДОК

Лица скрыты чёрной сеткой.
Поиграем дымарём,
Сохраняя рамки с деткой,
Соты с мёдом соберём.

Ровный рокот медогонки.
С мёдом ломтик огурца,
Самый сладкий, самый тонкий,
Душу радует мальчика.

Мне ль забыть картины детства,
Коль я накрепко учёл:
Тётя с дядей, как известно,
Содержали лучших пчёл.

Не проскочит переулком
Кто надушен иль нетрезв.
Я же стал пчелиным другом,
Сохранил к ним интерес.

Вот, к примеру, пас гусей я,
С наглых птиц сбивая спесь.
Прерывая их затеи
В огород чужой залезть.

Уставал за ними гнаться,
Коль вставали на крыло.
В небеса им не подняться,
Но летят сквозь всё село.

Если что и успокоит,
Коль догнать их всё же смог,
И пернатых строй расстроит,-
Это сотовый медок!

ПЫХТИТ ПАРОХОДИК...

Пыхтит пароходик и плицами шлёпает
По тусклой рассветной волне
Так, будто бы память иголкою штопает
И грусть обостряет во мне.

Бледнея, рожок запоздалого месяца .
Уже не сулит ничего.
Лишь в травах прибрежных росинками светятся
Холодные искры его.

Ресницы созвездий устало слипаются:
Постыл им небесный шатёр.
Но мир, очарован зарёй, просыпается,
Восток раздувает костёр.

И только плакучие ивы превысили

Лимиты печали земной.
И трогают сердце тревожными мыслями
С туманною их глубиной.

У ЛЕТА КРАСНОГО В ГОРСТИ

Едва цветущих вишен пена
В садах заброшенных сошла –
Освободилась постепенно
От грёз заблудшая душа.

Их до забот земных сужая,
Как ни наивна эта цель.
Ждать остаётся урожая
Под тополиную метель.

Ах, как желанны и любимы
Средь редких радостей-утех
Плодов застенчивых рубины,
Что разглядел ты раньше всех!

Заманит в глубь садов тропинка,
Тоске черешневой близка,
Чтоб ароматная кислинка
Слегка коснулась языка.

Волшебный вкус – какая прелесть! –
Мечтал не зря ты обрести,
Ведь эти ягодки согрелись
У лета красного в горсти.

МАЛИНА

Ах, малина! Проходит твой срок.
И продлять его силы не найдены.
Стоит тронуть случайно листок –
И посыплются алые градины.

Вот и девушка так хороша,
Будто самая спелая ягода.
И для чувства созрела душа.
И зарделась красавица загодя.

Мир навстречу надеждам открыт.

И на сердце тревожно и весело,
Коль в природе повсюду царит
Целомудрие и равновесие.

Но созревшей малины урок –
Промелькнувшая в памяти радуга –
Не пойдёт милой девушке впрок.
Да подобного ей и не надобно.

ИГРА СВЕТА

В осколках солнечного круга
Сгорят заката изразцы –
И ночка, осени подруга,
Прольёт свой мрак во все концы.

Лишь в небе вспыхнет звезд мерцанье,
А с ним луны ущербной серп.
Подарят нам они мечтанья
С извечной тайною для всех

Влюблённых или же поэтов,
Ночных ли пташек и зверья
В пространствах, мало кем воспетых,
Вдали от скучного жилья.

Кого-то осенит идея,
Но тут же свой утратит след.
Когда созвездья поредуют
И потускнеет лунный свет.

А на рассвете повторится
В тумане ива и ольха.
Лишь смысл навряд ли прояснится
В расцветке, в песне ль петуха.

ИГРА В ЗЕЛЕНЬ

Должно быть, годы обостряют зренье.
Любая мелочь, кажется, видна.
Вот вспомнилось: в безоблачное время
Была в ходу игра у нас одна.

Ах, как глаза лукавые блестели,

Когда на мыс песчаный за рекой
Вдруг прибежал приятель: «Ваша зелень?» –
И не было травинки под рукой.

Вдали поля от зноя сладко млели.
Ничто подвоха не могло таить.
Но если застигало «Ваша зелень?» -
Её обязан был я предъявить.

Былинку ли, листок ли с ветки вербной...
Мы молча разжимали кулачки.
Нет зелени – торжествовал соперник,
Ну а растяпа получал щелчки.

И неспроста поздней для подстраховки
Нашли мы выход все до одного,
И зелень под стекло вставляли, ловко
Прикручивая нитками его

К штанам, к рубашкам...
От мамаш влетало.
Но кто б сказал: игра не стоит свеч?
Пусть лет минуло с той поры немало –
Я многое сумел в душе сберечь.

И вот уж вечер мне часы пробили.
Привык я душу прошлым исцелять.
Ах, как в те годы зелены мы были!..
Не стоило и зелень предъявлять.

СВЕТ БЕРЁЗ

Молодых берёзок свечки,
Млея в храме бытия,
В небеса глядят из речки,
Где плескались ты и я.

В мире благодати исконной
Воду вспенит лишь весло,
Да проступит лик иконный
Сквозь вселенское стекло.

А когда, продрогнув где-то,

Листопад поманит в рай,
От берёзового света
Захлебнётся весь наш край.

ЗАУРЯДНАЯ КАРТИНА...

Заурядная картина –
А поэты ахали:
Бесконечная равнина,
Ветви в белом сахаре,

Розоватая берёста
По стволу расстелена,
А вершиною берёзка
В небеса нацелена.

Не стоит – висит как будто
Над сугробной замятью,
Воплощая хрупкость утра
С неизбывной памятью.

Вот и я подобно Фету,
Позабыв лишения,
В красоту влюбился эту
До изнеможения.

ДЫХАНЬЕ ТАЙНЫ

Густая сень твоих волос.
В неё вторгаться доводилось.
Но отчего, скажи на милость,
Дыханье тайны отдалилось,
Как будто в чём-то не сбылось?
Но продолжает в сердце тлеть...
Воспоминанье – та же попытка,
Неимоверная попытка
От чувств нахлынувших избытка
Преграду эту одолеть.
А что за ней? – ответ не нов:
Всё та же тайная морока –
Непостижимая до срока
Походка незнакомки Блока,
Мираж ли алых парусов.

ТОМИК БЛОКА

Поэзии всевидящее око.

Когда не выжить, кажется, уже,
Ах, как звучала «Незнакомка» Блока
В окопе ржавом либо в блиндаже

Под пологом древесного наката
Или небес прострелянных клочком
На фоне орудийного раската,
Когда пора б утешиться молчком

Губной гармошки простеньким мотивом,
Баяна ли разливом золотым.
А тут звучат стихи речитативом
И стойкость возвращают молодым.

Видать ,не зря карманный этот томик
Пронёс от Сталинграда командир,
Чтоб лишний раз фронтовикам напомнить,
Чем так прекрасен довоенный мир.

И пусть война, как смерть сама, жестока,
Душа летит в заветные края,
Где обитала незнакомка Блока,
Любимая ль – у каждого своя.

ПОЧАЩЕ ПАМЯТЬ ОСВЕЖАЙТЕ...

Почаще память освежайте,
Пока она ещё жива
С гусиной травкой на лужайке,
С потоком летнего тепла.

Парного утречка испейте,
Когда оно коснётся уст,
И вопреки всему сумеете
Навек его запомнить вкус,

Чтоб день, как сладкую резинку
Суметь предельно растянуть,
Сбежать к пруду крутой тропинкой
И в свежесть мутную нырнуть.

Потом податься в лес-березник
И ягод горсточку набрать...
Чем цепь событий интересней,
Тем всё сложнее их прервать.

Ах, чудо-память, божья сила,
Прибежище живой души,
Ты столько миражей слепила,
Что разрушать их не спеши!

В былое всматриваясь строже,
Когда тоска сжимает грудь,
И в жуткий час на смертном ложе
Дай их потоку промелькнуть!

НА ПРИКОЛЕ

В том ли, друг, моя судьба –
Быть утлой лодкой на приколе.
Не увлекала чтоб борьба
За дым полыни в чистом поле,

За уцелевший колосок,
Зерном налитый урожая,
Родной берёзы дивный сок,
Что не допил я, уезжая?

А в том ли впредь моя стезя,
Чтоб отлежаться на диване,
Куда подруги и друзья
Пилюли строф несут в кармане

С бутылкой доброго винца,
«Случайно купленной заранее»,
Чтоб с ней уважить хитреца
«Вестей» просмотром на экране?

А, может, время подошло,
Вглядевшись в прошлое построже,
Своё продолжить ремесло,
Острее понять: всего дороже

Земных событий соль и суть.

И, ощутивши их изнанку,
Вновь самому подкову гнуть,
Проснувшись утром спозаранку.

Но где ты, юной силы ген?
Давно твой чёлн сидит на рифе.
А капитан грустит о рифме,
Ещё не понятой ни кем.

ЧУВСТВА

Если чувства приземляешь
На пробитое крыло,
Значит в душу грех вселяешь
Ссылкой на «не повезло».

На иную ли причину –
Их у нас хоть пруд пруди –
Что заставила б мужчину
С курса сбиться и сойти.

И не знаешь, что играешь
В поддавки с самим собой,
Если чувства приземляешь
В ситуации любой.

А о том ли мы мечтали
При размахе юных крыл?..
Их заставь, чтоб трепетали,
Чтобы привкус риска был!

АВОСЬКА

Мудрено устроен мир –
Не напрасно сказано.
Вот авоська. Сколько дыр! –
Словно в дебрях разума.

Не портфель, не дипломат,
Кропотливо связана,
Средь людишек нарасхват,
Всем и вся обязана.

Изо всех её прорех

Вперемежку с буднями
Выпирают, как на грех,
Вечерами смутными

Хлеб, селёdochка, лучок...
Сверх того – бутылочка.
С ней сдружился мужичок.
На лице ухмылочка.

Дети с мамкою в притир
Ждут прихода отчего.
Только б не затеял пир
После дня рабочего.

БЛАГОДАТЬ

Много ль божьей благодати,
Если муж запил в гостях,
Дети лезут на полати,
А хозяйка на сносях

В пику мужнину похмелью
Жмётся с прялкою к окну,
Что расписано метелью
Без намёка на весну?

Много ль истинного счастья
В том, что солнышко палит,
Или в долгое ненастье
Мира в доме не сулит?..

Но в быту по всем законам
Без особенных прикрас
Лишь Господь в углу иконном
Вскрыть святое может в нас.

Чтоб делить заботы с мужем
И греха с детьми не знать,
Ей уют домашний нужен
И земная благодать.

ВНУЧКА

Едва затянет небо тучка,
Зайдёт ли вдруг о грустном речь –
Моей щеки коснётся внучка
Во время наших редких встреч.

Она так щедро ласку дарит
Котёнку, псу ли во дворе!
Я ей за это благодарен
В промозгло-стылом ноябре.

Нет у неё желанья, чтобы,
Обласканной со всех сторон,
Болтать о сложностях учёбы,
Кивать на строгий мамкин тон.

Зато опять в минуту эту,
В порыве искреннем чиста,
Она легко напомнит деду
Птенца, что выпал из гнезда.

ЕСЛИ УТРОМ НЕБО СЕРО...

Если утром небо серо,,
Мысли, образы ль вразброд,
Не спасут ни сон, ни вера
От забот и от невзгод.

Но, как видно, не случайно
По привычке вековой
Сыпану заварки в чайник,
Чтоб взбодрить рассудок свой,

Или в старой кофеварке,
Заболев, не в тон врачу
Вслед за чаркой доброй «Старки»
Кофейка накипячу.

Не заботясь в ходе суток:
Хлынет – нет ли дождь с небес,
Мозг, мудрее, чем желудок,
Намекнёт убрать чем стресс.

ГДЕ ТЫ, ВОБЛА, ГДЕ УХА?..

- Ну какая это вобла –
Краснопёрка да плотва? ..
Пару дней всего и сохла,
Присолённая едва.

Сквозь неё на солнце глянешь –
Обозначится скелет.
Для того её и вялишь,
Что в квартире кошек нет.

А была хотя бы Мурка –
В тот же день, скорей всего,
Не осталось бы и шкурки
От улова твоего.

Но соседи зря судачат,
Коль в котомке, посмотри:
Намекают на удачу
Золотые караси.

Нет покуда рыбы лучшей
И полезнее, а всё ж
Растопорщил в ней колючки
Царь любой ущицы = ёрш.

И подлещик, верю, клонет,
Чтобы воблой просиять.
А пока глотает слюни
Тот, кто любит повторять:

- Ну какая это вобла?
И уха пустым пуста.
Рыба всюду передохла:
Ни чешуйки, ни хвоста!

ПУСТЕЮТ ОБЩИЕ ДВОРЫ...

Пустеют общие дворы.
Былого остаются крохи.
Не ценит гвалта детворы
Апологет крутой эпохи.

У ребятни свои дела:
Любой смартфоном обеспечен.
Стук доминошного стола
Не созывает встретить вечер.

Ах, где ты, сердце, где, стрела?..
Ни струн гитарных, ни рояля.
Культура всё, что обрела,
Как будто вовсе растеряла.

Лишь под скамейкой ржавый гвоздь.
На нём всем нужная стакашка –
Пройдёт ли мимо пьяный гость
Или отпетая алкашка.

Закрыто намертво окно,
Где милый силуэт маячил,
И след остыл давным-давно,
Что в юных грёзах много значил.

ГЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

На планиду обижаться
Не приходится нам слишком,
Если можем пообщаться
С интернетом либо с книжкой.

Средь раздумий, пусть и бледных,
Тайн сердечных не скрывая,
Самый главный собеседник –
Это мысль твоя живая.

С ней и весело, и грустно
На рассвете и закате.
Ей подвластны наши чувства,
Неразгаданные кстати:

Чем глаза твои лучатся
В мире путаниц, бессмыслиц?..
Не спешите отключаться
От желанья поразмыслить.

И коротким пусть не будет

Столь желанное общенье.
Кто за суть его осудит,
Кто придаст ему значенье?..

Заблуждений дым итожа,
Пальцы рук сжимай до хруста:
Кто ещё тебе поможет,
Коль в обоях мозга пусто?!.

О ПЕЧАЛИ НА ПРИЧАЛЕ

Когда гнетут и гнут печали,
Что толку сравнивать меня
С уздечкой на ноздрях коня,
С худой ли лодкой на причале.

Ах, птицы, что ж вы не поёте
И мой напрасно стих затих
Под стон и звон дождей пустых,
Как старый аист на болоте,

Чей голос в сумраке утрачен.
Но тяга к творчеству остра.
В ночном безделье у костра
Мы посмеёмся и поплачем,

Но серый быт переиначим.
И вряд ли в чём я погрешу,
Когда с улыбкою скажу:
В своей судьбе мы много значим.

С любовной лодкой, как вначале,
Надёжный заключив союз,
Отчалить вновь не побоюсь,
Забыв печали на причале.

НА СТАРТЕ НОВОГО ПОЛЁТА

Верю: снова мы в полёте
И всё шире окоём,
Коль жива мечта в народе
О крутом житье своём.

Русь, напев родивши скромный

Под синичий пересвист,
Покачнула мир огромный,
Чтоб он в прошлом не завис.

И о чём ни пела б лира,
Ни печалился б родник –
Белый свет так жаждет мира,
Что несчастье всех роднит!

ЗРЯ ЛИ ПРО КОСТОЧКУ ПЕЛ ОКУДЖАВА?..

Если взглядеться в историю здраво,
Празднуя ль что-то, иль чуть загрузив,
Зря ли про косточку пел Окуджава,
В дымку романтики нас погрузив?

Дайте ж вина мне не боги, не черти!
Благословив на благие дела,
Полную чашу налей, виночерпий,
Чтобы земля наша вечно жила.

Чтобы влюблялась и чтобы рожала
Под снегопадом и юной листвой.
И чтоб о косточке пел Окуджава,
О виноградной, а не гробовой!

МЫ ЛЬ НА СВЕТЕ НЕ КОЛОСЬЯ?

Крепче сдружившись с поэзией пашен,
Каждое полюшко сделайте нашим,
Не допустив, чтоб оно стало ратным,
Мир укрепляйте трудом многократным.
Поле засейте и пестуйте всходы,
Чтоб насладиться плодами природы.
Впредь чтоб в проблемах земных разобраться,
Надо самим колосками казаться.
Чтобы во славу родному раздолью
Всех пригласить к мировому застолью!

АНДРЕЙ ПУЧКОВ

Сосновоборск

Родился 24 июля 1963г. в посёлке Хандальск, Абанского района, Красноярского края. В 1984г. после демобилизации из Советской Армии служил в МВД. В 2006 г. вышел в отставку с должности оперуполномоченного уголовного розыска. Рассказы публиковались в журналах: «Сибирские Огни», «День и Ночь», «Енисей», «Нижний Новгород», «Сура», «Новый Енисейский литератор», «Аргамак», «Северо-Муйские огни», «Белая скала», «Фанданго», а также в сборниках издательств: «АСТ», «Перископ-Волга», «Дикси Пресс», «Союз писателей», «Серебро слов» и др.

ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ...

За окном, во дворе школы, в аккурат посреди спортивного городка дрались мальчишки-первоклашки. Они, с азартом достойным лучшего применения, волтузили друг друга руками и ногами. Я с сожалением поморщился – жалко, что не слышно их воплей, из-за этого теряется значительная часть зрелища!

Однако, битве не суждено было перерасти в побоище. На ристалище заявила группа прекрасных дам в пионерских галстуках и одна из них, понаблюдав за безобразной дуэлью, одним ударом своего портфеля эффектно повергла обоих дуэлянтов на землю. Всё! Приплыли!

Но, как оказалось, что не всё. Девчонка, уничтожившая вояк, вдруг начала заботливо отряхивать их от пыли, а потом, вытащив из портфеля два свёртка, отдала их мальчишкам, и те начали с аппетитом что-то жевать. Вот теперь всё! Вражда забыта, желудок победил!

В принципе, я понимаю пацанов, поскольку сам был к еде очень даже не равнодушен. Да что там скромничать! Я её любил нежно и страстно, и всегда, в любое время дня и ночи готов был уделять ей самое пристальное внимание.

Мне порой кажется, что, когда родители меня в первый раз привели в детский сад, и на вопрос воспитателя: «Можно ли меня бить, чтобы заставить есть?» они дали своё убедительное согласие, подтвердив его подзатыльником. Как результат, в меня вбили любовь к всевозможным кашам, супам и, котлетам. О чём, кстати, я ни капельки не жалею.

Мальчишки, не переставая жевать, активно размахивая портфелями, покинули поле боя и потопали в сторону школы. Я с досадой вздохнул – почему-то всегда всё хорошее заканчивается быстро! Обидно. А до конца урока ещё...

Додумать грустную мысль не успел, так как получив в бочину от сидевшего со мной за одной партой приятеля, чуть не свалился со стула. Возмущаться не стал, поскольку услышал насмешливый голос исторички:

– Ну, Андрей, а что ты думаешь по этому поводу?

По правде говоря, я вообще ни о чём не думал, я даже не слышал, о чём речь то шла. Поэтому, покосившись на начавшего сосредоточенно рыться в учебнике друга, встал и привычно прислушавшись к его шёпоту, приготовился излагать за ним мудрость учебника истории.

Свой совместный и осмысленный жизненный путь мы с Санькой начали ещё в детском саду, откуда и попали в один класс, совершенно этому не удивившись. Так было принято – группа из детского сада полностью образовывала первый класс в школе. Таким образом, вот уж как десятый год мы с ним тянем лямку, пребывая за одной партой. Срок вполне себе солидный, он и позволил нам поднатореть в таком хитром деле как подсказывание.

Ну что же, поехали! Я коротко выдохнул и, состроив серьёзную физиономию, начал слово в слово повторять за приятелем, полностью полагаясь на его профессионализм.

Класс хохотал! Дружно, с удовольствием, растягивая это приятное действие как можно дольше, исходя из золотого правила – чем бы ты на уроке ни занимался, время продолжает идти в твою пользу.

– Я тебе это припомню! – прошипел я и потихоньку, чтобы не увидела Катя (наша класска, она же учитель истории), показал приятелю кулак. Он, совершенно по-хамски подставил меня, подсказав неправильно. Вернее, поначалу подсказывал-то он правильно, но в самом конце добавил к революционной ситуации свои мысли, которые я, не задумываясь, машинально и озвучил на весь класс.

– Оригинально! – улыбнулась Катя и, посмотрев на меня поверх очков, спросила:

– Ты это что, сам придумал? Идея, конечно, разума не лишена, но, насколько я помню, в учебнике этого нет.

– Сам, – пробормотал я и покосился на бившегося в истерике от смеха приятеля.

– Садись, Андрей! – махнула мне учительница и, повысив голос, потребовала тишины в классе.

Ещё бы это не было оригинальным! Если бы мятущиеся революционные души кинулись захватывать не оружейные арсеналы, узлы связи и другие стратегические объекты, а ликёро-водочные заводы, трактиры, кабаки и прочие питейные заведения, то я сомневаюсь, что у них что-то путное бы получилось. Уже к вечеру жёсткие революционеры стали бы мягкими и пушистыми обояшками, любящими не только весь буржуазный мир, но и царя-батюшку к нему в придачу!

Я сел и, пообещав приятелю обрушить на его голову все кары небесные, начал собирать папку, благо, что звонок уже прозвенел.

– Ты вообще, что ли, рехнулся?! – набросился я на него, когда Катя вышла из класса. – Нафига так подставлять-то?

– Да ладно ты!.. Успокойся!.. – хихикнул Санька. – Ничего ведь страшного не случилось, пятак она тебе всё равно поставила, да и время классно провели.

Это правда. Несмотря на явный прокол, «отлично» я заработал, что, в общем-то, меня не удивило. Мы были у Кати любимчиками. А как же, рост у меня был сто девяносто, Саня, правда, чуть пониже, но всё равно, верста та ещё получается. Благодаря этому, мы оба играли за школьную команду в волейбол и ручной мяч и ещё ни разу не проигрывали на регулярно проходящих районных соревнованиях среди школ. Но в первую очередь, конечно, художественная самодеятельность – мы с ним были участниками школьного ВИА, выступая в составе которого на различных творческих конкурсах, зарабатывали славу не только школе, но и себе популярность среди девчонок.

– Ладно, пошли в буфет, – проворчал я и подтолкнул приятеля к выходу из класса, – пирожками грех свой замаливать будешь! Я, знаешь ли, люблю повеселиться, особенно пожрать.

– Чё после уроков делать будем? – спросил я и, откусив сразу полпирожка, начал энергично жевать, поглядывая из окна на улицу, где по школьному двору неторопливо шла молодая девушка.

– О! Маринка идёт! – обрадовался Санька и, открыв окно, несмотря на категорический приказ завуча не делать этого, заорал во всё горло:

– Привет, Марин! Как жизнь?!

Девушка в ответ кричать не стала, заметив нас, она помахала в ответ ладошкой и, улыбнувшись, продолжила свою неспешную прогулку.

– Классная девчонка! – сказал Санька, закрывая окно. – Даже жалко, что школу уже окончила.

– Это точно, – поддакнул я и, вздохнув, добавил:

– Классная!.. И в волейбол шикарно играла...

К слову сказать, она не только в волейбол хорошо играла, Маринка была первой девушкой, с которой я поцеловался! Вернее, я целоваться тогда не умел вообще, не довелось к тому времени научиться. Она, собственно, и научила.

Я только-только перешёл в девятый класс, когда мы встретились возле дома культуры, куда я в первый раз пришёл на танцы. За лето я вырос на добрый десяток сантиметров, был высокий, нескладный, но поглядывал на всех свысока, в прямом смысле этого слова. Маринка школу окончила в этом же году.

В танцевальном зале было душно, и я вышел на улицу отдышаться после энергичных телодвижений.

– Андрей, иди сюда! – вдруг услышал я знакомый голос и увидел, как на аллее, прилегающей к входу в дом культуры, стоит Маринка и машет мне рукой.

– Привет, Марин! Ты чего одна? – удивлённо спросил я и осмотрелся. – А где твой...

– Да ну его!.. Поругались!.. – перебила меня девушка и, задумчиво осмотрев меня с ног до головы, спросила:

– У тебя подруга есть?

– Не-е-е-т!.. – удивлённо протянул я и поспешно добавил:

– За мной тут бегают некоторые...

– А-а-а-а!.. Ну-ну!.. Бегают за ним!.. – улыбнулась Маринка и, подойдя ко мне почти вплотную, вдруг попросила:

– Ты... можешь меня поцеловать?

– В смысле, поцеловать?.. Как это поцеловать?.. За-зачем целовать... тебя?.. Это что?..

– Ничего. Просто поцелуй, – сказала Маринка и, подняв голову, заглянула мне в глаза.

Она была очень даже ничего себе! Хорошенькая. Мне она нравилась, хоть и была старше на два года, что по нашим меркам было чересчур много.

– Ну? Чего же ты ждёшь? Боишься, что ли?

Пацана на слабо легко купить.

Вот и сейчас я, как перед прыжком в воду, судорожно втянул в себя воздух и, нагнувшись к лицу девушки, просто прижался к её губам своими губами, чувствуя, как буквально «вспыхнула» моя собственная физиономия. Мне было понятно, что надо как-то не так, как-то по-другому надо бы!.. Но по-другому я не умел...

– Подожди! – улыбнулась Маринка и, отстранившись от меня, сказала:

– Это делается не так!..

Она взяла в свои ладони моё лицо и, приподнявшись на цыпочки, сама прижалась к моим губам.

«Господи!.. Это ведь оказывается так просто! Как я-сам-то не додумался, что надо делать именно так?! А как приятно-то!..»

Теперь я знал, как всё это происходит, и впился в губы девушки, прижавшись к ней всем телом.

– Тихо, тихо!.. Не торопись!.. Разогнался!.. – вывернулась из моих рук Маринка и, отойдя от меня на пару шагов, улыбнувшись, добавила:

– Не надо так усердствовать! Губы могут опухнуть! И тогда девочке может быть неловко оттого, что по её губам будет заметно, чем она занималась. А сейчас сядь вон на лавочку, посиди и успокойся. Поверь, тебе это надо... – и она, послав мне воздушный поцелуй, пошла в танцевальный зал.

Я вдохнул полной грудью прохладный воздух и сел на одну из скамеек, расставленных вдоль аллейки. Прошло, наверное, уже минут пять, а я всё сидел и, как дурачок, улыбаясь, вспоминал Маринкины губы. Улыбался до тех пор, пока не понял, почему она предложила мне сесть на скамейку и успокоиться.

«Ё-моё!.. Обалдеть!.. Точно же!.. Она же стояла ко мне вплотную, прижималась всем телом! А значит, не могла не почувствовать, как у меня!.. Как я!.. Она почувствовала!.. Она ведь всё поняла! Поэтому и сказала, чтобы я сел и успокоился!.. Вот чёрт! Стыдно-то как, а! Как же я ей в глаза-то смотреть буду?!»

Воровато оглядевшись, я встал и потёр ладонями лицо, словно пытаюсь стереть с него краску. Постоял немного, а потом, опять вспомнив губы и упругое тело девушки, сел. Стоять, а тем более ходить, в таком состоянии было неудобно. В этот день я больше не танцевал.

Через пару дней встретил Маринку в парке, она, как ни в чём не бывало, шла под ручку со своим парнем.

Я долго не мог забыть этот свой первый поцелуй. Через пару месяцев не выдержал и, несмотря на неловкость, всё же спросил у Маринки, зачем она тогда меня поцеловала? И нет ли у неё желания повторить?

Маринка, помню, засмеялась и сказала, что я хороший парень и нравлюсь ей, но целовалась она со мной назло своему парню, с которым тогда рассорилась. Честно говоря, я ей не поверил. Целоваться назло – это, по-моему, глупость какая-то!

– Так чем займёмся после уроков-то? – опять спросил я, когда Маринка скрылась за углом школы.

– К Любке пойдём. Сегодня день по-всякому свободный – ни тренировок, ни репетиции. Делать всё равно нечего! Кстати! – вдруг спохватился он. – Угадай с трёх раз, кто у неё в гостях будет?

– А чего тут гадать-то, – хмыкнул я, – Ольга к ней придёт...

– Точно, придёт, – не удивившись моей сообразительности, подтвердил приятель и опять спросил:

– А знаешь, кем Ольга недавно интересовалась?

– Сань! Не нервируй ты меня глупыми вопросами! – возмутился я. – Всё-таки я с ней уже целый месяц встречаюсь! Как, по-твоему, про кого она могла ещё тебя спрашивать? Про завхоза дядю Колю?

– Да ну тебя! – отмахнулся приятель. – Скучный ты человек, мог бы и удивиться ради приличия, порадоваться такому событию, другу, понимаешь ли, подыграть, доставить ему радость.

– Во сколько? – не дал я ему растечься дурными мыслями.

– Как обычно, в шесть, – пожал Санька плечами и, встав с подоконника, добавил:

– Приходи сначала ко мне, вместе к девчонкам рванём.

Любкина мама работала учительницей младших классов в нашей школе. Здравомысленно рассудив, что будет гораздо лучше, если подрастающие детки будут под её присмотром, чем начнут болтаться где-то, она разрешила нам пользоваться не только пространством, прилегающим к её дому, но и самим домом. Наша банда на это с радостью согласилась и, как говорится, с молодых ногтей начала обживать предложенную территорию. Со временем мы, конечно, разобрались в коварстве Любкиной мамы, но оставили всё по-прежнему, продолжив собираться в насиженном месте. Привычка, знаете ли, сильная штука.

Саня дружил с Любкой. Любка и Ольга учились в одном классе, опять же, в нашей школе. Нам, можно сказать, повезло, далеко к девчонкам бегать не надо было, да и жили они практически рядом друг с другом.

А то был у меня уже опыт сайгака.

Познакомился как-то возле кинотеатра с одной... Неделю ходил её провожать домой за пять километров. Посёлок большой, а она, как назло, жила на самом краю. Пять туда, пять обратно – десятка получается! Сомнительное удовольствие. И когда мы из-за какого-то пустяка поругались, я, откровенно говоря, порадовался этому вроде бы грустному событию.

Девчонки были уже на месте, сидели на лавочке, которая удобно пристроилась рядом с палисадником возле Любкиного дома, и о чём-то увлечённо разговаривали с Райкой, нашей общей знакомой. Я чертыхнулся и, затолкнув Саньку за угол дома, пока нас не заметили, пробормотал:

– Вот чёрт! Она-то что тут делает?

– Что? – ехидно осведомился приятель. – Со своей бывшей подружкой встречаться не хочешь? Чего это вдруг?

– Заткнись! – рыкнул я и под прикрытием разросшейся в палисаднике черёмухи трусливо перебрался на соседнюю улицу. Санька пошёл к девчонкам, пообещав, что как только Райка смотается, он даст мне знать.

Райка училась в другой школе, и, если откровенно, то она мне не нравилась. Вроде бы обычная девчонка, невысокая, плотно сбитая, про таких говорят – широкая кость. Но дело даже не в этом. Опущенные уголки губ придавали ей вид, как будто она всё время чем-то недовольна. И ещё её голос, нудный и плаксивый. Однако, наслушавшись от пацанов, что она, якобы, даёт всем подряд, я попросил, чтобы и меня с ней познакомили. Надо же попробовать, в конце концов, что же это такое!.. К тому же эти балбесы меня заверили, что вариант стопроцентный, и они уже сами с ней не по одному разу кувыркались.

Представили нас друг другу на танцах, и я весь вечер не отходил от неё ни на шаг, а когда понял, что она не против прогуляться со мной по парку, обрадовался. Дурак!

Сначала вроде бы всё было как обычно, мы сидели на лавочке в парке и целовались, к слову, целуется она довольно неплохо, даже не ожидал этого. Наконец, набравшись смелости, я положил руку ей на грудь и погладил её. Возражений против этого не последовало, тогда, решившись, расстегнул несколько пуговиц на кофточке и запустил под неё руку.

Но не тут-то было. Возникло ещё одно препятствие. На ней был лифчик. Как его снимать, я не имел ни малейшего представления, поэтому просто зацепил его пальцами и сдвинул вверх, к шее. Не переставая целоваться, провёл пальцами по груди девушки и вдруг почувствовал, как она затряслась, а потом фыркнула мне прямо в рот. От неожиданности я резко отстранился и удивлённо посмотрел на неё. Она смеялась. И не просто смеялась, а хихикала, как будто застучала, как я занимаюсь каким-то непотребством. Стало обидно.

– Ты чего? – удивился я и осмотрелся. Не просто так же она смеётся в такой момент. Может, знает, что за нами подсматривают? Мы с пацанами в грязнопузом детстве частенько за парочками подглядывали.

– Ничего, – снова прыснула Райка, – просто щекотно!

Несколько секунд я ошарашенно пялился на неё, а потом, решив, что ничего страшного, так, наверное, бывает, опять прижался к её губам и, засунув руку под кофточку, сжал в ладони её грудь. Она опять затряслась и, снова фыркнув мне в рот, засмеялась, на этот раз даже не пытаясь сдержать смех.

Сказать, что я был взбешён, значит, ничего не сказать! Я смотрел на ставшее совсем уж неприятным Райкино лицо и вдруг с ужасом поймал себя на мысли, что мне хочется её ударить. Чтобы не доводить до греха, молча поднялся и быстро пошёл к выходу из парка, стараясь как можно быстрее оказаться от неё подальше.

Не знаю, что на меня в то время нашло. Может, надо было перетерпеть и сдержаться? Тогда, может быть, у меня с ней что-нибудь и получилось бы? Пацаны же рассказывали, что тоже с ней на лавочке... Но перешагнуть через себя я не мог.

Я уже не хотел быть с ней. После всех этих смешков мне не хотелось даже прикасаться к ней, не говоря уж о чём-то большем. У меня засело в голове, что она смеялась надо мной, над моей неуклюжестью, нерешительностью и незнанием того, что и как надо делать в таких ситуациях.

Почему это произошло, мне было понятно. Что бы о ней ни говорили, я относился к ней как к человеку, который должен стать для меня неким открытием. Я ожидал чего-то другого. Я не знал, что это будет и как это

произойдёт, но это должно было быть неким таинством, пусть даже и на простой скамейке, но таинством. А она посмеялась над этим. Может, конечно, и не над этим, скорее всего, я опять что-то делал не так, и ей действительно было щекотно. Не знаю. Но тогда меня это очень зацепило. Хотя я тоже хорош, наслушался этих идиотов, распустил слюни и полез к ней со своими желаниями, совершенно не интересуясь, а она-то хочет быть со мной?! Она-то хочет этого? Но, несмотря ни на что, я всё равно был ей благодарен. Она стала первой девушкой, к груди которой я прикоснулся.

Через пару дней я встретился с этими чёртовыми свахами и, проклиная себя за малодушие, делано-равнодушно рассказал, как развлекался с Райкой на лавочке, всем своим видом показывая – мол, не она первая, не она последняя, таких девах, как она, у меня пруд пруди. Мне уже было понятно, что они, по всей вероятности, насочиняли про неё, потому и слушали мою брехню, открыв рот.

Саньке рассказал правду. Всю. До мельчайших подробностей. Рассказал даже о том, как мне стало неприятно от Райкиного хихиканья. Он слушал молча, ни разу не перебил, а когда я закончил своё грустное повествование, явно сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, спросил:

– Ну, ладно, с этим всё понятно! Всё, знаешь ли, можно понять. Мне не ясно только одно! Ты нафига её щекотать начал, вместо того чтобы...

– Да это ты иди нафиг! – выверился я. – Посмотрел бы я на тебя, когда ты щупаешь девчонку, а она вдруг начинает ржать как конь!

– Не-не-не!.. – еле выговорил от рвущегося наружу смеха Санька. – Не как конь! Скорее уж, как лошадь! К твоему сведению, если ты не заметил, она девочка. И он, махнув на меня рукой, согнувшись в три погибели, уже не сдерживаясь, захохотал, время от времени вытирая глаза рукой. Ну вот что можно с друга взять? Ничего. Разве что пинка дать.

Когда Райка ушла, я пришёл сам, не дожидаясь сигнала. Потихоньку пробрался назад и подсматривал из-за палисадника, а когда она скрылась в переулке, радостно улыбаясь, вышел на дорогу, представ перед всей честной компанией.

Друг не был бы другом, если бы не захотел мне подгадить.

– А здесь, к твоему сведению, Раиса побывала, – как бы между делом сказал Санька и, выразительно на меня посмотрев, добавил:

– И она, между прочим, о тебе спрашивала.

Я в ужасе уставился на Ольгу и, как рыба, открывал и закрывал рот, не зная, что сказать.

– Да не слушай ты его! – фыркнула Любка и треснула его по затылку. – Врёт он всё, ни про кого она не спрашивала! Она документы принесла. Её попросили в нашу школу через маму передать.

Я облегчённо вздохнул и, усевшись рядом с подругой, по-хозяйски положил ей руку на плечи.

Ольга была красивая, очень красивая: большие серые глаза, маленький носик, красивые губы. Всё это, вместе взятое, складывалось в приятную картинку, а короткая, почти мальчишеская стрижка, вопреки ожиданиям, делала её старше и добавляла женственности.

Я знал её уже давно, всё-таки в одной школе учились, но внимания на неё не обращал, подумаешь, какая-то девчонка, таких много. Заметил я её, когда малышню в пионеры принимали. Нас всех согнали в коридор второго этажа, где стоял бюст Ленина, и началось волнительное для будущих пионеров действо. Другими словами, перед молодым поколением выступили по очереди ветераны войны, гости из РОНО и другие уважаемые люди.

Наконец грянула пионерская нетленка – «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионеры – дети рабочих...», и я, глядя на взволнованных третьеклашек, которые гордо держали перед собой согнутую в локте руку с висящим на ней красным галстуком, улыбнулся. Вспомнилось, как сам переживал, будучи октябрёнком, по поводу того, что мои родители были врачами. Боялся, что меня не примут в пионеры, которые, согласно песни, должны быть детьми рабочих.

От детских воспоминаний меня отвлекла стоящая передо мной девчонка, которая постоянно приподнималась на цыпочки, стараясь разглядеть, как повязывают галстуки будущим строителям коммунизма. Когда мне надоели её постоянные подпрыгивания, я взял стоящую возле окна скамейку, которые были расставлены во всех коридорах, и подтащил её к строю учеников. Встал на неё сам, а потом, взяв за руку мельтешившую девчонку, затащил её к себе на лавку. И только тут я понял, кто это! Понял и обалдел! Эта была Ольга! Но это была уже не та Ольга, которую я знал и видел почти каждый день, а совершенно другая, красивая и незнакомая. Я молча смотрел на неё, с досадой осознавая, что не могу подобрать подходящих к этому случаю слов. Ольга же, мило улыбнувшись, негромко сказала:

– Спасибо!.. Там моего брата в пионеры принимают, а я в классе задержалась и ничего из-за спин уже не вижу.

Я в ответ и сказать-то ничего не мог, только тупо кивал головой, не в силах отвести взгляда от её лица.

Два дня ходил как пришибленный, недоумевая, как же я её до этого-то не замечал?! Где были мои глаза? На третий день, поняв, что больше так не могу, встретил её после уроков и, ни слова не говоря, пошёл рядом с ней, предварительно шуганув какого-то парня, который увивался возле неё. Она была не против.

– Чего это ты вдруг? – удивился Санька, когда я ему рассказал, что стал встречаться с Ольгой. – Раньше-то чем думал? Мог бы сказать, давно бы вас свели, она, как-никак, Любкина подруга.

Я только развёл руками. Как это объяснить? Мне и самому-то было непонятно, почему я вдруг со страшной силой упёрся в неё! Как будто обухом по головушке приложили. Бац – и готов!

С Ольгой всё было по-другому. Если раньше к другим девчонкам я лез целоваться при первой же встрече, не расстраиваясь, если в этом приятном процессе мне отказывали, то Ольгу за руку осмелился взять только дня через четыре, и то, воспользовавшись тем, что она захотела пройти по бревну, лежащему вдоль тротуара. Я подал руку, чтобы ей легче было удерживать равновесие. Когда бревно закончилось, её ладошку из своей руки я уже не выпустил.

Наш первый поцелуй с Ольгой не совсем получился. Поначалу она отворачивалась, не давая себя поцеловать, а потом, когда, по всей вероятности, решила и подставила мне губы, я понял, что она целоваться не умела! Совсем не умела, как и я когда-то. Но когда её губы неумело шевельнулись в ответ на моё прикосновение к ним, мне это так понравилось, что аж дыхание перехватило от нахлынувшей вдруг нежности. Её мягкие губы, закрытые глаза, теплое дыхание – все это вдруг стало для меня откровением, моим личным откровением. Никогда ни с одной девчонкой такого не было! Стоит ли говорить о том, что мне понравилось быть наставником в этом нехитром деле? Думаю, что нет!

В моей недолгой жизни было множество радостных и счастливых моментов, начиная с того, как я первый раз в детском садике сел в большую pedalную машину и поехал, и заканчивая тем, когда мой старший брат уехал жить в город и оставил мне свой мотоцикл «Минск». Но это всё было не то! Всё не то. Моё счастье, моё настоящее счастье – вот оно, спрятало свои пальчики в моей ладони и сидит на скамейке рядом со мной, смущённо улыбаясь. Вы знаете, что такое счастье, перемешанное с гордостью? Я знаю!

Это когда ты, одетый в расклешённые брюки из модной «восточки» и, приталенную, в крупные цветы рубашку с большим отложным воротником, идёшь по центральной улице. Идёшь, конечно же, не один! Рядом с тобой ОНА, и ты, приобняв подругу за талию, чувствуешь, как взрослость буквально выплёскивается из тебя во все стороны. Ты изо всех сил стараешься выглядеть спокойным и расслабленным, но, это плохо получается, потому что твоя физиономия сама собой расплывается глупой улыбкой. Тебе кажется, что все на тебя смотрят и обсуждают. Не меня обсуждают, нет, а её, её красоту, и то, что она идёт не с кем-то другим, а почему-то именно с тобой.

Несмотря на то, что мы сидели на последней парте, нас это не спасло.

– И чем же это у нас занимаются два великовозрастных господина? – послышался ехидный голос математички, и я, увидев скорым шагом направляющуюся к нам учительницу, чертыхнулся.

– Вот ведь зараза! Засекла!.. – прошипел Санька, поспешно прикрыв тетрадкой две маленькие клюшки и вырезанную из резинки шайбу.

Вместо того чтобы постигать мудрость математической науки и готовиться к выпускным экзаменам, мы с ним азартно играли на столешнице в хоккей.

– Ну! Так чем же вы занимаетесь? – никак не могла уняться учительница и, подойдя к нашему столу, выразительно на меня уставилась.

– В хоккее играли, – честно ответил я, поднимаясь, – и, между прочим, я мог бы выиграть, но Вы помешали моему триумфу!

В классе послышались смешки. У математички лицо пошло красными пятнами, но она сдержалась и срывающимся голосом спросила:

– В смысле в хоккее?! В какой ещё хоккее?

– А вот в этот, – влез вдруг приятель и, отложив в сторонку тетрадь, взяв клюшку, показал, как надо бить по маленькой шайбе.

– А можно ещё вот так, – добавил он, и от усердия высунув язык, снова взмахнул клюшкой.

– Оба вон из класса!.. – проскрипела математичка и указала рукой на дверь.

– Как скажете, – развёл я руками, – мы этого, правда, не хотели, – и, обойдя учителя сторонкой, направился в сторону двери, но, уже взявшись за дверную ручку, добавил:

– Не хотели в том смысле, чтобы Вы нас выгоняли. Доиграть-то мы не успели...

– Так, давай-ка это сюда! – услышал я за спиной требовательный голос математички и, обернувшись, увидел, как приятель прячет наш спортивный инвентарь в карман.

– К сожалению, не могу, – уставился он преданными глазами на учительницу, – это не моё!

– Вот как? А чьё же это?

– А вон его, – кивнул он головой в мою сторону и, тоже стороной обойдя математичку, быстро пошёл на выход из класса.

– Сань, а ты-то чего за мной подался? Тебя-то кто просил клюшкой у неё перед носом размахивать? – спросил я, когда мы, празднуя изгнание, сидели в столовой и ели свежее испечённые булочки.

– Как это чего? – удивился он. – Ты, значит, будешь сидеть тут и хомячить пирожки в одну пасть, а я, значит, сяду там и слушаю её противный голос?..

– Ну да! – засмеялся я. – Это аргумент железобетонный! Преимущество пирожных в этом случае неоспоримо!..

В отличие от Кати, математичка меня недолюбливала, и мне было известно за что. Всё дело было в том, что одевался я не так как все. Другими словами, вместо тёмно-синей школьной формы, с нашитым на рукаве изображением стилизованной книги, я ходил в школу в светлом, расцветенным мелкой коричнево-зелёной клеткой пиджаке. Если ещё добавить сюда светлую же, в коричневую полосу рубашку, коричневый галстук, и длинные, до плеч волосы, смесь получалась убойная! Не знаю, как другим, но сам себе я жутко нравился, и, кстати, не только сам себе! Уж в чём, в чём, а в этом я был уверен сто пудово! Санька, кстати, тоже был одет не в форму, но, в отличие от меня, у него не было старшего брата, от которого ему могли перейти по наследству модные вещи. Он ходил в простом тёмно-сером костюме

Я хоть и расплевался с математикой ещё в младших классах, но были ребятки, которые не знали её вообще. Однако к ним математичка относилась вполне лояльно. Меня же постоянно поднимала и с каким-то необъяснимым удовольствием тыкала мне в нос моими же невеликими познаниями, даже если я отвечал правильно.

В конце концов, мне это надоело, и теперь, когда она пыталась заставить меня отвечать, я говорил, что не знаю. Она успокаивалась и, поставив мне двойку, продолжала урок. Но иногда на неё «накатывало»: вызвав меня к доске, она предлагала записать условие какой-нибудь задачи, а потом, с маниакальным упорством, заставляла меня её решать. Свои принуждения она сопровождала язвительными комментариями, на которые, впрочем, я не реагировал, как бы она ни старалась. Стоял, смотрел на неё, моргал и, повторив пару раз, что не знаю способа решения, умолкал до тех пор, пока не получал разрешения вернуться на место.

К слову сказать, легкий кураж со стороны недорослей вроде нас допускался, и не нес катастрофических последствий, всё-таки в демократической стране живём. Максимум что за это полагалось – громогласное выдворение из класса. Но, не более того! Тут стоит добавить, что эта мера наказания давно уже перестала нас пугать.

По-другому было никак, с самых малых лет нам внушали, что пререкаться со взрослыми, тем более с учителями, нельзя, а уж перечить им – это вообще запредельное кощунство. Нам вбивали в голову, что учителя, как бы мы к ним ни относились, умнее нас. Учитель передаёт нам свои знания, поэтому он прав в любом случае, нравится нам это или нет. В принципе, я согласен с тем, что преподаватели умнее меня, против этого не попрёшь! Если бы математичка была дурнее или хотя бы на моём уровне, она сама бы «резалась» с нами в хоккей на задней парте! На победителя,

конечно. Но вот с тем, что учитель всегда прав, я бы поспорил, если бы, конечно, была такая возможность.

Взять хотя бы ту же форму! Когда я первого сентября заявился в таком виде в девятый класс, меня администрация школы мужественно вытерпела до конца линейки, а потом, завуч объявила, что в таком виде меня больше в школу не пустят. Нет, так нет, я человек покладистый и исполнительный. На следующий день я пришёл в спортивной форме. И начались разборки! Визг стоял до тех пор, пока в школу не пришла моя мама, и не предложила директору найти школьную форму на рост сто девяносто сантиметров. Тут надо добавить, что это пиджачное дело дошло до ушей первого секретаря райкома партии. Который, по слухам, безапелляционно заявил, что если нет возможности обеспечить детей формой, то хотя бы пускай не мешают ходить в том, что есть. Сане повезло, у него родственники жили в прибалтике, где можно было купить костюмы любой расцветки, и на любой рост.

– Ладно, хорош жрать! – довольно проговорил Саня и, слизнув с пальцев повидло, поднялся из-за стола.

– В инструменталку подадимся? – спросил я и тоже встал.

– В неё родимую, а куда же ещё? Если мы с тобой здесь задержимся, детишкам жрать нечего будет!.. – хмыкнул приятель и потопал на выход из столовой.

Далеко уйти от столовой не успели. Как только вышли в коридор, послышался приглушённый голос директора школы.

– О-о-о-о!.. Слышишь?.. Кажись, САМ урок ведёт! – встрепенулся Санька, подняв вверх указательный палец, призывая меня прислушаться.

– А то ты не знал! – делано удивился я. – Он, между прочим, историк, а кабинет истории тоже в той стороне, куда мы с тобой и направляемся.

Дверь в кабинет истории была чуть приоткрыта, и пройти мимо, не заглянув в щёлку хотя бы одним глазком, было выше наших сил. Выше моих, уж точно! К двери я успел первый. Пристроился сбоку и осторожненько заглянул в класс.

В классе стояла тишина, что меня не очень-то и удивило, директор всё-таки – особо не забалуешь! Ученики что-то записывали в свои тетрадки, время от времени поглядывая на доску. Сам же директор стоял возле своего стола и усердно протирал тряпочкой очки, полностью погрузившись в это незатейливое занятие.

– Дай и мне глянуть... чё ты всё место занял! Меня пусти!.. Я тоже хочу посмотреть, – начал шипеть Санька и стал оттеснять меня от двери.

Я поупирался для вида, а потом отработал в сторонку. Ну а что, пускай посмотрит, мне для друга ничего не жалко. К тому же за ним должок за «ликёро-водочный» завод висит.

Санька устроился с удобствами: согнулся, упёрся в колени руками и, прищулив один глаз, уставился в щель. Не знаю, что он хотел там рассмотреть, я же, оглядевшись и не обнаружив возможных свидетелей, рывком распахнул дверь и сорвался бежать.

Когда я на ходу обернулся, Санька так и стоял, согнувшись в три погибели, перед открытыми дверями класса. Я притормозил, но, увидев, что он, наконец-то выйдя из ступора, уже несётся ко мне, злобно ощерившись и выпучив глаза, добавил ходу. На этот раз благоразумие меня не подвело, посоветовав держаться от своего друга подальше. По крайней мере, временно.

– Да ладно ты, успокойся! – утешал я приятеля, когда он немного остыл и уже не жаждал моей крови.

– Ага!.. Успокойся!.. Он же меня видел!.. Я раскоряченный прямо перед ним торчал!

– Конечно, видел, – охотно согласился я с ним, – он тебя просто не мог не увидеть с такого-то расстояния!

Но, заметив, что у него опять от ужаса глаза на лоб полезли, поспешно добавил:

– На этот счёт можешь не переживать. Сам же знаешь, что он без очков слепой как крот.

– А если он... – сделал ещё одну мазохистскую попытку Санька.

– Никаких *если* быть не может! – перебил я его. – Сам же сказал, что свалил до того, как он успел напялить очки. Значит, он смог разглядеть только то, что кто-то стоял в дверях, а кто именно, железно не рассмотрел.

– Ну-у-у!.. Похоже, что так, – наконец-то согласился со мной Санька и, вдруг подозрительно уставившись на меня, добавил:

– Если, конечно, кое-кто не сдаст меня потом с потрохами.

– Не переживай! – самодовольно заявил я. – Я теперь отмщён по полной программе! Твой «ликёро-водочный» с моим «директором» и рядом не стоял! Если, конечно, ты сам, как говорится, не наберёшься мужества и...

– Ну уж нет! – хохотнул Санька, видимо, вспомнив, как учителя, в своё время, воодушевлённо призывали нас быть честными, мужественными людьми и признаться, кто разбил окно в классе. Мы же, шмыгая сопливыми носами, искренне считали, что это не мужество, а чистойшей воды идиотизм.

– Так, ладно, конец урока скоро, – спохватился я, взглянув на часы, и, встав из-за ударных, добавил:

– Пошли девчонок встретим, что ли!

Я стоял возле окна и терпеливо ждал, буквально физически чувствуя, как мучительно медленно тащатся оставшиеся до конца урока минуты.

Наконец дурниной взревел звонок, и я, вздрогнув от неожиданности, уставился на двери класса, за которыми волной поднимался гул голосов. Достигнув своего апогея, эта звуковая волна врезалась в двери и, распахнув их настежь, вынесла в коридор довольно орущую толпу учеников. Ольги нигде видно не было, но я не переживал, знаю уже, что она никогда не ломится на выход в первых рядах. Она всегда выходит последней, неторопливо и степенно, словно преподносит себя, мол, смотрите, вот она какая я. И все смотрят. И я смотрю...

Она идёт ко мне! И все об этом знают! И учителя, собравшиеся важной кучкой в коридоре, и её одноклассники, и визгливая малышня, и вообще весь мир об этом знает. Ей не приходится проталкиваться через толпу, нет, перед ней расступаются. И мне это чертовски нравится!..

По огромной стране, всем своим видом демонстрируя торжество развитого социализма, лениво и сыто катился 1979 год. Он, окутав население мягкой рутиной, нашёптывал беззаботным людям о том, что всё будет хорошо. Всё и всегда будет хорошо! И мы с радостью верили ему, верили и были довольны своей удачно сложившейся жизнью. И мне казалось, что так будет вечно! По-другому просто не может быть, так как даже само время любило нашу жизнь.

В следующем году я оканчивал школу, но это меня пока не волновало. До этого было ещё так далеко! В данный момент меня волнует только вот эта девчонка, которая стоит рядом со мной и молча смотрит в окно...

АЛЕКСАНДР МИШЕНКОВ

Сызрань

Родился 22 августа 1949 года в городе Сызрань Куйбышевской области. До армии работал токарем на заводах «Сызраньсельмаш», «Тяжмаш». 28 календарных лет прослужил в военном оркестре СВВАУЛ в качестве заместителя военного дирижера. Поэт. Композитор. Аранжировщик. Член Союза российских писателей. Заместитель председателя правления писательской организации Литературного города России Сызрань. Дважды лауреат городской премии «Признание». Награждён нагрудным знаком «За заслуги перед городом» 2 степени (Сызрань) и медалью «За заслуги в патриотическом воспитании молодёжи» (Москва). Дипломант конкурса короткого рассказа-2022 альманаха «Новый енисейский литератор». Автор четырёх поэтических сборников - «Откровенья утра моего», «Иначе жить я не могу», «Когда зажигаются звёзды», «Навстречу ветру и судьбе», сборника стихов для самых маленьких «Любознательный галчонок» и книги рассказов для детей школьного возраста «Новенькая». Печатался в журналах «Русское эхо» (Самара), «Сызранская излучина», «Отчий дом» (Новокуйбышевск), «Стрежень» (Тольятти), «Берега» (Калининград), «Сура» (Пенза). В Блоковском сборнике «О, Русь моя!» (Москва), в Бунинском сборнике (Москва), журнале «Молодая гвардия» (Москва). Альманахе «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Эшли» (Белоруссия), антологии «Сызрань литературная». А также в коллективных сборниках «У старого окопа» (Сызрань), «Сызранская излучина», книгах «По законам военного времени. Сызрань - фронту», «Славные дочери Сызрани», «Чести достойны» (Сызрань), в газетах «День литературы» (Москва), «Рижский автомобилист» (Рига) и других периодических изданиях России. Главный редактор электронного альманаха прозы и поэзии «Новый российский писатель». Работает артистом высшей категории в ЦМИиК г. Сызрань.

ПОЭЗИЯ

Поэзия? Она - живая!
Из года в год её струна
Звенит в душе, не умолкая,
Великой тайною полна.

Звенит то громче, то чуть тише
Её неповторимый зов...
Я в ней мою Россию слышу -
Звучанье рек, полей, лесов.

Пусть нелегка её дорога -
Над ней не меркнет солнца свет.
Поэтов на Руси не много:
На то и звание - поэт.

НОЧНОЙ ГОРОД

Вдыхала ночь по переулкам.
Фонарь качался на столбе.
Я тихо вышел на прогулку
Навстречу ветру и судьбе.

А город спал, дыша морозно
На стёкла окон и витрин.
И падали, сгорая, звёзды
С небес без видимых причин.

Я шёл один дорогой стылой
У дум нахлынувших в плену.
Собака где-то долго выла,
Срываясь лаем на луну.

Вдали, за кромкой зданий серых,
Уже предвиделся рассвет.
Я ждал: вот-вот в зарницах первых
Блеснёт надежд далёких свет.

И этот мир, большой, тревожный,
Открыл душе такой простор,
Что невозможное возможным
Казаться стало мне с тех пор.

ОТЧИЙ КРАЙ

Наклонюсь я напиться водицы
К роднику, что звенит под горой,
И почувствую, как заструится
Где-то в сердце росточек живой.

Мне знакомо здесь все и до боли
Все родное, куда ни взгляни:
Эти горы, овраги и поле
За полоскою отчей земли.

Я здесь вырос, окреп и навеки
Остаюсь на Земле должником.
Потому-то и стал человеком,
Что заботиться есть мне о ком.

РЫБАКИ

Я на Волге живу, там, где волжский утёс
Сторожит её быстрые воды,
Где природа блестит в каплях утренних рос
И зазывно гудят пароходы.

На причале потушит рассвет фонари,
Спрячет звёзды в просторах вселенной.
Рыбаки на моторках стартуют вдали,
Соревнуясь с волной белопенной.

За далёкой протокой их ждут острова
И озёр голубая прохлада,
Где играет карась и резвится плотва
В глубине камышового сада.

ЗЕМЛЯ ОТЦА

На Радуницу съезжу в Городище -
Деревню, где родился мой отец.
Там ветры по ночам в подворьях свищут
Да волки страх наводят на овец.

Затопим с братом рубленую баню,
Попаримся, плеснув на печь кваском,
Родителей, друзей своих помянем,
За чашкой чая посидим рядком.

И вспомним детства солнечные годы,
Поездку от колхоза на Форос,
В ночное пионерские походы,
Девчоночку с медовым блеском кос.

И станет на душе светлее, чище...
А если вдруг хандра в полон возьмёт,
Опять махну в деревню Городище:
Земля отцов нам силы придаёт!

ДОРОГИ

Бесконечные русские дали,
Перекрёстки путей и дорог
С юных лет к путешествиям звали -
Отказать я им в этом не смог.

Колесил по стране синеокой,
По берёзовым рощам бродил,
А ночами с луною далёкой
Я стихами всегда говорил.

Мне постелью служила природа,
Одеялом – родной зодиак...
Полной грудью вдыхал я свободу
И не мог надыхаться никак.

Погуляв по просторам Отчизны,
Я с любовью её воспевал.
Но прекраснее места, чем Сызрань
Никогда и нигде не видал.

ПЕРВАЯ ПРОФЕССИЯ

Далёкий день. Комбайновый завод.
В цехах идёт атака на металл.
Семнадцатый мне шёл в ту пору год -
Я рано за станок токарный встал.

Мой мастер – седовласый ветеран -
Был с виду добр, но спуску не давал:
Его забота – качество и план,
И я дневную норму выполнял.

Непросто было смену за станком
Вчерашнему мальчишке отстоять...
А вечерами в клубе заводском
Учился на кларнете я играть.

Давно остались в прошлом те года:
Я – музыкант, пишу стихи, пою...
Но всё же вспоминаю иногда
Рабочую профессию мою.

ШАРМАНЩИК

На дальнем полустанке
(встал поезд наш на миг)
Услышал я шарманку –
Играл седой старик.

Диковенное дело:
В тех звуках я узнал
Звучащий гордо, смело
Интернационал.

Откуда был нерусский
У деда инструмент,
И этот гимн французский
Взорвавший белый свет?

В купе за разговором
Сосед мой вдруг сказал:
«Шарманщик был сапёром
В отряде «Макизар»*-

Нас, помню, под Парижем
Судьба в бою свела...
Вот только был он рыжим...
Такие, брат, дела!»

* Макизар – партизанский отряд во Франции в годы ВОВ.

ВАЛЬС

Помню танцплощадку в парке,
Духовой оркестр,
Круг девчат в нарядах ярких -
Городских невест.

Фонари вокруг мерцали,
Музыка лилась...
С упоением танцевали
Мы в тот вечер вальс!

2.

Не стало танцплощадок в парках,
Давно ушёл из моды вальс,
И девочки в нарядах ярких
На круг не приглашают нас.

Но мне всё кажется, что юность
Как бумеранг вернётся к нам,
И пригласим мы, чуть волнуясь,
На белый танец наших дам.

И пусть сыграет нам маэстро
«Осенний сон» как в первый раз,
И мы, под звуки джаз-оркестра,
Станцуем старый, добрый вальс.

О ДРУЖБЕ

Спешу за всё платить добром:
Добро Господь вернёт сторицей.
Когда друзья приходят в дом -
Не след их дружбы сторониться.

Друзьями человек силён:
Он крылья жизни обретает -
В командной связке чемпион
Уверенней вперёд шагает.

Друзьями надо дорожить:
В совместной спайке легче выжить -
Порвать сплочённой дружбы нить
Не смогут даже сотни выжиг.

Друзей не надо обижать
Медвежьим жестом за услугу:
Никто не может точно знать,
Что ждёт нас в будущем без друга.

Не забываю я друзей:
Без них прожить на свете сложно -
Вернуть тепло ушедших дней
Порой бывает невозможно.

Но если вдруг придёт беда
И ничего уж не исправить –
Друзья уходят навсегда...
Храню я в сердце дружбы память!

КОСАРИ

Всплакнули небеса дождём -
Ворчат селяне без работы:
Который день мы ведро ждём,
Травя от скуки анекдоты.

На жатве труд всегда непрост:
Уж если небо подфартило,
Идут на битву в полный рост -
В движеньях стать видна и сила.

Я наблюдал у косарей
Такую слаженность в работе,
Что кажется, она стройней
Балетной грации в гавоте.*

У них дела весомей слов:
С утра до вечера в заботах.
Посеять хлеб, доить коров -
Обычная в селе работа.

* Гавот – старинный французский танец.

МОРОШКА

Вьюга за окошком.
В кухне дремлет кот.
Пироги с морошкой
Бабушка печёт.

Наша хата с краю
Волжского села –
Вся семья большая
Пирогов ждала.

В русской печке жарко:
Раскалён шесток –
Лучше нет подарка
Внукам, чем пирог.

В ягодах здоровье –
К чаю в самый раз.
Бабушка с любовью
Угощала нас.

Вьюга за окошком.
На столе пирог...
Хороша морошка
В зимний вечерок!

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Я женщин никогда не обижал,
Не лез неосторожным словом в душу:
Слова остры бывают, как кинжал,
И хрупкий домик счастья часто рушат.

Не заставлял я женщину грустить:
Она – как цвет – от грусти увядает.
Когда соцветье в засуху полить,
Оно ещё сильнее расцветает.

Не доводил я женщину до слёз:
От них бывают ранние морщины -
Когда любовь надолго и всерьёз,
Для ласк всегда находятся причины.

Не унижал я женщину: она
Так ждёт от нас вниманья и участия...
Ведь женщина от века создана
Самой природой для любви и счастья!

УКРАДЕННОЕ ДЕТСТВО

Исказили времена
Всё, что раньше было свято.
Расползлась моя страна –
Смотрит косо брат на брата.

Помню, в детстве каждый дом
Хлебосольным был, открытым –
Нам казалось, что живём
Мы одним семейным бытом.

Заходи в любую дверь –
Все соседи только рады...
Как в России жить теперь –
Как добиться в семьях лада?

Задаю себе вопрос:
Кто украл у нас то детство
Полное счастливых грёз
Дружного добрососедства?

Дать ответ я не берусь:
Нет в душе моей согласья –
Только верую, что Русь
Нам вернёт былое счастье.

ВЗГЛЯДЫ

Не все ещё придуманы слова,
Чтоб описать, как женщины прекрасны,
Какие глубь и неба синева
Пленительно горят в глазах их ясных.

От этих взглядов на душе теплей -
Как будто зажигаются два солнца,
И мир вокруг становится добрей,
И всё на свете сделать удаётся.

Смотрю на них, и не хватает слов,
Но понимаю: слов порой не надо.
Когда в душе рождается любовь,
Без всяких слов о ней расскажут взгляды.

НЕВЕСТА

Ты прекрасна, как вишня в цвету.
Ты, как лебедь, стройна, величава.
Ты сегодня у всех на виду -
У тебя новой жизни начало.

Как сияет твой ласковый взгляд,
Устремлённый в небесную просинь!
Что-то губы без слов говорят,
Будто счастья у Господа просят.

И чего-то становится жаль, -
Может, лет, что ушли безвозвратно...
Впрочем, лёгкая в сердце печаль
Всё равно в этот день так приятна!

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Неповторима музыка дождя!
Певучие серебряные струны,
Весёлым ливнем по земле пройдя,
В моей душе звучат сонатой лунной.

Им вторит мелодичная капель,
Хрустальным пиццикато с крыш слетая,
И ветра пасторальная свирель
За горизонтом тихим эхом тает.

Но вот ударит гром финальных нот -
И дождь степенно завершает пляску.
А семицветной радуги аккорд
Венчает живописно эту сказку.

УЛЫБКА

Рассвет. Просыпаюсь с улыбкой.
Давно не встречал так свой день!
Знать, прошлое стало ошибкой -
Вставать по утрам было лень.

Луч солнца ворвался в окошко
И высветил скромный мой быт.
За стенкой мяукает кошка:
Хозяйка, наверное, спит.

Шаги во дворе прозвучали -
Спешит на работу народ.
Соседка - кассир на вокзале -
Устало со смены идёт.

И чувствуешь в эти минуты,
Что жизнь продолжает свой бег,
Что нужен в России кому-то
Рабочих кровей человек.

А годы летят, и не знаешь,
Куда повернёт их полёт...
Но если улыбкой встречаешь
Свой день, - он удачно пройдёт.

ВАЛЕРИЙ ТИМОФЕЕВ

Сызрань

Родился в 1968 году в городе Сызрани. В школьные годы проявлял большой интерес к литературе и сочинению своих собственных произведений. Окончил Школу печати при редакции городской газеты «Волжские вести» и факультет журналистики, социологии и психологии Казанского государственного университета. Работал корреспондентом газет «Красное Приволжье» и «Машиностроитель». Стихи публиковались в «Литературной Самаре», городских и районных газетах, антологии «Сызрань литературная», альманахе «Сызранская излучина», коллективных сборниках «Серебряные родники», «На разные голоса», журналах «Сызрань: вчера, сегодня, завтра», «Русское эхо». Член Сызранской писательской организации.

БРИЛЛИАНТ ОГРАНЁННЫЙ.

На днях позвонил мне один сочинитель и говорит с некоторой такой гордостью в голосе:

- Я только что завершил свой очередной рассказ. Хочешь узнать – о чём он?

Честно говоря, мне в тот момент хотелось совсем другого. А именно: чтобы нашёлся благодетель и великодушно наполнил бы мой опустевший гранёный стакан. Но я не знал, как об этом повежливее поведать звонившему. Словом, пока я подбирал правильные слова, звонивший расценил моё молчание как знак согласия.

- Так вот! Представь,- приступил к изложению сюжета сочинитель,- в одной конторе (а говоря сегодняшним языком – офисе) вздумали в выходные съездить по грибы. Решили транспортную проблему, оделись соответственно, корзинками там вооружились и через какое-то время благополучно добрались до ближайшего лесного массива. Разбрелись, значит, по местности, все в поиске. А к одной сотруднице той конторы, кстати – вдове, подошёл, значит, коллега и предложил ей поискать грибы... вместе.

Возражений не последовало, но стоило парочке углубиться в заросли, как грибник (тоже, кстати, вдовец) говорит напарнице: «А ну их, эти грибы. Давайте лучше займёмся кое-чем». Сотрудница, естественно: «Да что вы такое говорите? Я за грибами вообще-то приехала, а не за этим!» А вдовец ей: вот, мол, очутился здесь, вдохнул свежего воздуха, восхитился красотой осеннего леса... Одним словом – поднялось настроение. И всё остальное. Вдова призадумалась. Этого самого у неё давно не было. А на природе – тем более. Так что соорудили они из опавших листьев мягкое ложе и этим самым занялись. Вдовец как

закончил, так, значит, курткой укутался и погрузился в нирвану. А сотрудница про грибы вспомнила. Пошарила по окрестностям и – надо же! – набрела на сказочно богатое грибами месторождение...

- В рассказах всегда так,- вставил я.

- Свою, значит, корзинку наполнила,- продолжал счастливый сочинитель,- ну и заодно ёмкость своего спутника. И так вовремя управилась – слышит, водитель автобуса типа забибикал. Мол, прекращайте собирательство, пора по домам...

- В рассказах всегда так,- вставил я.

- Ну, дама, значит, корзинки в руки, к ложу подходит – тот ещё дрыхнет. Пнула она партнёра...

- Тем самым разбудив его, - вставил я.

- Ну да,- отозвался рассказчик,- и говорит ему: такое, мол, дело. Ты сюда, как я посмотрю, для того, чтобы поспать приехал. А я в это время грибы собирала. Словом, твоя корзинка теперь моя. А тебе от всех удовольствий – это самое и сон на свежем воздухе. «Позволь хоть корзинки до автобуса донести»,- попросил любитель поспать. «Да иди ты на Эверест,- ответила вдова. - Своя ноша не тянет». Вот такое завершение у моего рассказа. Ну, как?

- Так себе сюжетец,- резюмировал я.- Пустая, банальная история. Ты бы её заострил, что ли?

- Как? - выдохнул в трубку сочинитель.

- Давай представим,- предложил я,- что твоя героиня подошла к спящему, пнула, значит, его (чтобы разбудить), объяснила всё насчёт грибов, а твоему герою такое обращение жутко не понравилось. И сказал он даме: ты что, гадина такая, делаешь? Я ж тебя, типа, удовлетворил. А она ему: «ничего подобного, наоборот – это я тебе оказала платные секс-услуги. Так что – грибы мои, корзинка твоя – теперь моя. Плюс за это самое ты мне теперь, голубок, должен свою месячную зарплату. И про подарок на Новый год с тринадцатой не забудь.» Беспардонная наглость не понравилась твоему герою и он набрасывается на вдову. Возможно, с целью убийства. Но получает по шарам. Падает в лесной чаще и от мощнейшего болевого шока склеивает лапы. А тут вроде как дождь собирается. Или даже гроза. Дама, подхватив корзинки, бежит к автобусу. Сильный ветер гнёт ветки деревьев и кустарников. Они хлещут убийцу по лицу. Но в её мозгах пульсирует только одна мысль: хватятся пропавшего сотрудника или нет? Удастся ли убедить коллег, что он решил пройтись до ближайшего населённого пункта пешком? Где вроде бы проживает его бывшая жена. И потом – сколько осталось дней счастливой жизни? Удастся ли замариновать собранные грибы до того, как арестуют?.. Не мораль нужна читателям и даже не интересная история, одобренная

клубничкой. Нужен психологизм, чтоб читатель задумался – а как поступит он, окажись в схожей ситуации? Вот где собака зарыта!!!

Автор воспротивился:

- А почему в моём рассказе обязательно должны кого-то убить? Я всё-таки не детектив сочинял. Нельзя ли разрешить конфликт мирным путём?

- Запросто,- согласился я.- Итак, начался дождь. А грибник упал рядом с ручьём. От дождя ручей вышел из берегов и его отдельная струя попала на лицо павшего сотрудника. А ручей тот (как и положено в рассказах) был с живой водой. Словом, мужик ожил и как ни в чём не бывало явился в понедельник на своё рабочее место. Правда, жаловался на боль в ногах, так как за остаток дня и прохладную сентябрьскую ночь ему пришлось на своих двух преодолеть километров 70 или даже 85...

- Что ты мне предлагаешь? - прошипел в трубку сочинитель. - Какая живая вода? Это же сказочный атрибут! Получается, что я, как какой-то плагиатор, заимствую идею из фольклёра...

- Ничего ты не заимствуешь,- перебил я собеседника. - Хотя тут можно внести вполне оригинальную поправочку. Итак, тот ручей был с... огненной водой! Глотнул её покойничек и – ожил! Во как!

- Какая огненная вода???- возмутился сочинитель.

- Ну если живая тебя не устраивает...

- Откуда такой ручей может появиться в дикой местности? Это ж ни в какие ворота! Что за отрыв от реальности? Где логика???

- Да на месте логика! - осадил я беснующегося автора. - Прикинь: в незапамятные времена в той дикой местности трубопровод был проложен. Про него давно все забыли, даже охотники за черметом, а он, гад такой, всё действовал. Начихав на всех! Только в одном месте, на стыке, порвался! Образовав тем самым вышеупомянутый ручей...

- Порвался? Трубопровод? С огненной водой? - в голосе сочинителя послышались издевательские нотки. - Да кто его проложил? И что, интересно, он соединял?

- Ну, это ж элементарно! - воскликнул я, поражаясь тупости собеседника. - По плану одной из пятилеток в некотором периферийном городке возвели ликёро-водочный завод. Чтоб он радовал, значит, население того района, включая соседние. И тут встал вопрос с завозом сырья. То есть – спирта.

- У нас всегда так,- вставил собеседник.

- Стали вести железнодорожную ветку,- продолжил я своё объяснение. - До определённого пункта довели, а дальше – никак. Сложный рельеф, гористый ландшафт, густой лес. Приуныли железнодорожники, пригорюнились местные. А главное – расстояние-то пустяшное. Рукой подать от станции до завода. Словом, возник перед населением наш извечный вопрос: что делать?

- У нас всегда так,- вздохнул собеседник.

- И тут на импровизированную трибуну влез нестандартно мыслящий человек. Возможно, инженер. Шибко переживал он за земляков. Влез, значит, на трибуну и говорит: «Ребята! Зачем нам рельсы до самого завода? Давайте на станции соорудим воронку и пусть спирт течёт на завод своим ходом по... трубопроводу!» «Ура! - воскликнули горожане. - Качать героя!»

- У нас всегда так! - приободрился собеседник.

- Словом, ударными темпами проложили трубопровод и он многие десятилетия служил людям. А дальше ты сам всё знаешь: Горби со своей перестройкой, Гайдар с Чубайсом со своей приватизацией... Закрылся ликёро-водочный завод. Издавна заграничное нам милее своего, родного...

- У нас всегда так,- всхлипнул сочинитель.

- Завинтили заглушку на заводе-то,- продолжал я,- а на станции мужики-то не в курсе. Цистерны продолжали приходить, а их содержимое по прежнему так и лили в воронку. Давление в трубопроводе нарастало и вот в одном месте произошёл порыв... Надо братья за актуальные темы, а ты что! «Позвольте донести ваши корзинки». Описываешь поход за грибами, как будто в них счастье!..

- Трубопровод с огненной водой? - задумчиво произнёс писатель.- А знаешь – в этом что-то есть. Идеино, красиво, убедительно, заманчиво. И, главное – так современно. Особенно, если учесть рост цен на эту самую огненную воду.

- Так- так- так! С кем это ты там разговариваешь? Что за намёки? Ручей, что ли где нашли с огненной водой? - услышал я в телефонной трубке. - На природу собрались? Посиделки задумали, да? Считайте, что они вам улыбнулись, писатели хреновы!..

- Это твоя кикимора там бушует? - спросил я.

- Она самая,- ответил автор. - Примазывается к нашей, понимаешь, компании.

- Вот и сагитируй её поехать за грибами,- предложил я.- Глядишь, и грибов наберём, и сюжеты для новых рассказов обсудим.

- Да хоть завтра,- поддержал меня писатель и повесил трубку.

... А я остался сидеть за столом. В какой-то полной прострации. И всё от того, что подумал невзначай: а может зря я настаивал на изменении сюжета? Впрочем, что такое сюжет? Алмаз из копи. И каждый писатель из этого алмаза в процессе написания рассказа гранит свой бриллиант. И пусть исходный материал для всех один и тот же, но у моего собеседника в конечном итоге получился одной формы бриллиант, у меня – другой.

И даже если мой знакомый, признав мою правоту, переделает свой рассказ, один чёрт это будет его рассказ.

Хорошо, что он мне позвонил. Его сюжет содержит описание похода за грибами, а я сделал упор на процессе работы над текстом. И в итоге у меня есть свой собственный рассказ на ту же грибную тему. Хотя она у меня получилась не такой уж и грибной.

ВЕСЕННЯЯ ФАНТАЗИЯ *(радиоверсия)*

Знакомый перестук каблучков, усиленный пустым коридором, привел в некоторое уныние студентов, столпившихся у запертой двери аудитории. Очень многие из них почему-то надеялись, что Римма Сергеевна, которой они должны были сегодня сдавать экзамен за курс «Теория и практика журналистского мастерства», хоть ненадолго, но задержится. Надеждам не суждено было сбыться. Позвякивая ключами, Римма Сергеевна отперла дверь и сказала, обращаясь к студентам:

- Начнём, пожалуй. Шестеро смелых – заходите,- после чего сама вошла в аудиторию, где по – хозяйски расположилась за преподавательским столом, на который выложила из своей сумочки стопку экзаменационных билетов.

Снять с них пробу взялась (как всегда) отличница Галкина. Вслед за ней шаг в неизвестность сделала её подруга Таирова. Известный своей неважной успеваемостью начинающий бизнесмен Московцев стал третьим. Поди, торопился на рынок, где арендовал киоск и занимался реализацией товара в розницу.

- Ну, ещё трое! – Римма Сергеевна неодобрительно посмотрела на мнующихся у двери студентов. Секунду поколебавшись, с горестным вздохом порог одна за другой преодолели известные всем преподавателям сплетницы и модницы Воеводина с Миртовой.

И тогда я вопрошающим взглядом окинул переминающихся с ноги на ногу сокурсников. Желающих не наблюдалось.

Подождав, когда вошедшие выбрали по билету, оставив перед преподавателем свои зачетки, и расселись готовиться к ответу, я вошёл в аудиторию и, плотно прикрыв за собой дверь, сел прямо перед Риммой Сергеевной.

- Пластинкин! – удивлённо протянула она.- Собираешься уже отвечать?... Может, для начала возьмёшь билет?

Я лениво взял билет, одним глазом ознакомился с вопросом, что значился в нём и положил полоску бумаги перед собой.

- Я вижу – времени на подготовку тебе не требуется.- Удивление Риммы Сергеевны переросло в недоумение.- Ладно. Если готов сразу отвечать – тогда слушаю. Какой там вопрос в твоём билете?

- Римма Сергеевна! – со скорбью в голосе начал я. – При чём здесь вопрос в каком-то билете, когда я со своей стороны хотел бы узнать у Вас

ответ на свой, давно уже терзающий меня вопрос!.. Он меня беспокоит целый семестр! Вы даже не представляете- как я извёлся, строя предположения по его поводу. А разрешить все мои сомнения способны только Вы!..

- И что за вопрос такой беспокоит тебя?

- Римма Сергеевна! Когда я Вас впервые увидел (а это было ещё в сентябре), то сразу понял, что безнадежно... пропал!

- Пропал?- переспросила Римма Сергеевна и строго посмотрела на меня поверх очков. – Ты, значит, специально сел тут передо мной, чтобы конфиденциально сообщить о своей полной неподготовленности, так?

- Римма Сергеевна,- совершенно серьёзно продолжил я, проигнорировав заданный вопрос.- Ночью мне не спалось. И неспроста – ведь сегодня решается моя судьба. И Вы – вершительница моей судьбы...Римма Сергеевна! На дворе весна. Солнышко греет, травка зеленеет... что там дальше?.. птицы с юга летят...Кошки на крышах орут. Что ещё? А! Собачки друг дружкой интересуются ... Впрочем, есть ли смысл перечислять?.. Римма Сергеевна! Весна – это не только время зачётов и экзаменов. Это ещё и время любви. И я хочу сказать Вам, Римма Сергеевна, что люблю Вас с того самого момента, когда впервые увидел на нашем 13-ом этаже!.. А теперь разрешите задать Вам тот самый вопрос, который не давал мне спать всю прошлую ночь: а любите ли Вы... меня?

- Максим!- понизив голос, сказала прелестная преподавательница. – А тебе не кажется, что здесь не место решать подобные вопросы. Да и не время.

- Чепуха!- говорю я. – Хватит мыслить по старому! У Вас, Римма Сергеевна, есть прекрасная возможность не на словах, а на деле показать как сильно вы меня любите. Признайтесь – я ведь Вам нравлюсь?!

- Ну, нравишься. Но это не значит, что я в тебя ...

- А если бы вы меня любили, то – на какую оценку? – и я пододвинул молоденькой преподавательнице раскрытую зачётную книжку. В графу своего предмета она, на миг задумавшись, ставит «отл» и расписывается.

- Ой!- спохватывается вдруг Римма Сергеевна, когда я, захлопнув зачётку, убрал её в карман. – А как же билет? Что за вопрос тебе достался?

- Леонид Ильич Брежнев – выдающийся мемуарист нашей эпохи.

- И что ты, Максим, можешь по этому поводу сказать?

- А что тут говорить? Это был очень, очень, очень хороший мужик. Любил писать мемуары. А ещё он любил целоваться. А делал это примерно вот так,- и я неожиданно для Риммы Сергеевны чмокнул её в щёчку.

- Что ты делаешь!- возмутилась та. – Смотрят же!

- Ах ты, Господи! Да кто смотрит?.. Видите – все думают над доставшимися вопросами, строчат тезисы ответов. И я теперь знаю ответ

на свой вопрос. Спасибо Вам, многоуважаемая Римма Сергеевна. Вы без преувеличений вернули меня к жизни.

Я поднимаюсь со стула и покидаю аудиторию, провожаемый тёплым взглядом привлекательной преподавательницы...

Но ничего этого НЕТ!

Я сижу за столом. Передо мной груда книг и тетради с конспектами, в которых вдруг обнаружили досадные лакуны. Завтра экзамен. А на улице весна! Ничего не учится, почему-то не запоминается... Одно остаётся – нырнуть в сладкое море мечтаний.

И ничего тут не поделаешь. Люблю помечтать, пофантазировать. Особенно – весной...

ЕВГЕНИЙ ЧЕКАНОВ

Ярославль

Родился в 1955 году в городе Кемерово. После окончания в 1979 году Ярославского Государственного университета получил диплом историка, преподавателя истории и обществоведения. Затем более 30 лет работал в ярославской прессе: был главным редактором ряда областных газет, директором нескольких небольших издательств, заместителем председателя областной организации Союза журналистов СССР. С 1983 года начал публиковать стихи в общесоюзных и республиканских литературных изданиях, в 1988 году стал членом Союза писателей СССР. Был создателем и главным редактором ярославских литературных журналов «Русский путь на рубеже веков» и «Причал», заведовал отделом прозы во всероссийском литературном журнале «Парус». Автор полутора десятков книг, вышедших в Ярославле, Москве и Германии. Стихи, прозу, публицистику и поэтические переводы публиковал в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Волга», «Север», «Дагестан», «Парус», «Литерга». Лауреат международного литературного конкурса «Перекресток-2009» (Дюссельдорф, 2009), лауреат I Всероссийского поэтического конкурса имени Павла Васильева (Москва, 2010). Член Литературного сообщества писателей России.

ОТЕЦ ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ

(повесть)

Вы умерли: казалось – вы никому не нужны. И вот, когда вы забыты всем миром и, так сказать, испытываете пустыню небытия, около вашей могилы начинает копать какая-то любящая рука – разбирает надпись на могильной плите, поправляет землю и иногда воткнет цветок: вы вдруг среди ледяного небытия согреваетесь человеческою теплотой, и для вас начинается еще вторая, удивительно интимная и милая жизнь. Грустно, что операции этой подвергаются только писатели: следовало бы каждому человеку иметь для себя подобного копуна.

Василий Розанов

Ночь – хоть глаз коли. Но по тихому плеску воды под ногами, по влажной свежести воздуха я безошибочно определяю: это река. Большая река, медленно текущая во тьме неизвестно откуда и неизвестно куда.

Неподалеку, вверху, одиноко светится оранжевый квадратик окошка. Там, на высоком незримом берегу, – дом, тепло, свет, люди. А мне надо плыть...

Шаткий плотик из нескольких бревен, перехваченных железными скобами, готов к путешествию: в моих руках – длинная жердь, я упираюсь ею в дно... ну, поехали? Но резкий толчок вдруг сотрясает плот, бревна подо мною начинают гулять, ходить ходуном – это кто-то неуклюжий и

грузный прыгает ко мне с берега и, шумно дыша, устраивается за моей спиной. Кого еще принесло? Мне и одному-то еле-еле хватает тут места...

Это – отец. На плече у него длиннющий рыбацкий намет, браконьерская снасть времен моего детства. С помощью этой штуки мы налавливали, бывало, по ночам целые ведра плотвы и подлещиков. Ну, папа «в своем амплуа» – без инструмента шагу не ступит...

С трудом подавив раздражение, я осторожно отправляю в путь погрузившийся в воду плот. Удержит ли он двоих? Вода плещет и холодит ноги; вверху и вокруг – огромный, непроглядный купол ночного космоса...

Что это за река? Жизнь? История? Судьба? Душа? Куда и зачем я должен плыть? Почему мой плотик так шаток? Почему в моих снах так часто царит тьма?

Скоро отец отяжелит мою жизнь. Видимо, так я должен был понять его появление в моем сне – первое появление за долгие годы. И ведь мог понять, мог! То, что сон необычен, я смутно сознавал уже там, во сне. С первых же мгновений, – хотя там не было ни мгновений, ни лет, не было времени, – я испытывал удивительное, ранее неизвестное мне ощущение какой-то сверхдостоверности происходящего. Это ощущение трудно передать словами, но я помню, что оно было сильным и острым: я знал, что эта ночь, эта река, этот плот – настоящие, а всё остальное... об остальном мне ничего не было известно. Это было ощущение полноты и окончательности бытия: всё то, что существовало бы кроме этой ночи и этой реки, было бы лишним, нарушало бы целостность мира.

Уже проснувшись, я некоторое время продолжал жить этим ощущением, – и тут же, включив свет, на первом попавшемся клочке бумаги записал корявыми буквами содержание сна, на память о странном видении.

Но то, что оно было вещим, я тогда не понял.

А вдруг я не разгадал его и сейчас? Вдруг мой сон предвещал мне не только то, что через два месяца мой отец умрет от сердечного приступа? Вдруг это ночное путешествие по неведомой реке сулит что-то еще – неразгаданное, тайное, темное?

Почему на плоту больше никого нет – ни моей матери, ни брата, ни других близких? Почему светящееся окошко так высоко, так недостижимо? Почему отец прыгнул на плот перед самым отплытием? Что во всем этом – судьбоносно, а что – случайно?

Только прожив до конца отпущенные мне годы, я смогу, быть может, как-то ответить на эти вопросы. Но что толку в пророчестве, которое нельзя разгадать до его исполнения?

И вот что еще тревожит меня: зачем отец взял с собой эту запретную, незаконную снасть? Неужто без нее – никак?

Всё течет и меняется? Нет! – всё стоит на своем месте, ожидая или провожая нас. Всё: любовь, жизнь, смерть. Каждый грядущий день – уже есть, нужно только дожить до него; каждый минувший – там, где мы его оставили. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, сказал древний мудрец, но уже то, что он назвал эту реку по имени – Одна и Та же – говорит о том, что в самом существовании ее он не сомневался. Она есть, эта река, и течет в тех же берегах, и вода ее так же обжигает, как и тогда, когда мы вступили в нее впервые.

Всё остается на своем месте, ничто не прошло и ничто не грядет – всё, кроме нас...

Где-то там, вдали, до сих пор стоят те погожие, тихие дни, в дремотной чередке которых есть один, пронизанный всё тем же ласковым, с желтизной, солнцем. Это солнце зависло над крышами того же села, – Глебово на Волге, близ Рыбинска, – и его теплый покойный свет обливает те же избы, те же проулки и луговины, погруженные в ту же тишину, в то же сосредоточенное созерцание. Изредка прочистит горло петух, лениво брехнет пёс, громыхнет в соседских сенях ведро – и вновь неколебимое спокойствие владеет миром. Идет субботний вечер 23 мая 1992 года.

В такие вечера трудиться во дворе – одно удовольствие. Вот и мой отец не спешит в избу, а ладит теплицу на огороде, забивая кувалдой в землю железные трубы – остов будущего сооружения. Маме, готовящей ужин, слышны сквозь оконное стекло папины сопение и побряхтывание, сопровождающие каждый удар по трубе; впрочем, удары не столь уж часты, а нередко смолкают и вовсе – и вместо них до матери доносятся то заливистый хохот отца, балагурящего с соседом, то громкие матюги, означающие, что речь пошла о политике.

Мама то и дело заглядывает в спальню, отгороженную от кухни легкой переборкой, и с улыбкой наблюдает из окна за копошащейся в огороде фигурой, облаченной в ватные штаны, фуфайку и валенки с калошами. В последние дни у отца участились приступы, грудная жаба «жмет» его, и постоянный догляд за ним необходим: как бы чего не вышло. Сегодня он, впрочем, чувствует себя неплохо: раз треплется с соседом – значит, «поотпустило». Судя по всему, строительство теплицы продвинется вперед.

Теплица – прихоть матери; а в общем-то, весь огород уже обихожен. Несмотря на возраст и болезни, мои родители и этой весной обошлись без сыновней, то бишь без моей и Андрюхиной, помощи: за апрель отец на тачке развез по огороду гору компоста, лопатой перекопал весь участок, вместе с матерью они посеяли и посадили всё, что было запланировано.

Теперь можно было бы и чуток отдохнуть, но папу вдруг обуяла жажда деятельности – все последние дни он только и делает, что пилит, строгаёт, красит, приколачивает. Мать, впрочем, это поощряет, ибо любит, «чтобы всё делалось».

Солнце медленно наливается густо-малиновым соком. Через час-полтора наступит время ужина, затем – телевизор, а там пора уж и на боковую. Быт моих родителей вот уже года два-три довольно однообразен, чему причиной папины болезни. Если бы нашего сивку не укатали крутые горки, – стенокардия и отложение солей, – он, без сомнения, уже ускакал бы отсюда, и прекрасный дом номер 15 по улице Новой давно бы уже принадлежал другому владельцу.

Нет худа без добра. Еще один переезд унес бы столько сил и здоровья, что и подумать страшно. А главное, было бы очень жаль этого дома – крепкого и просторного. Недорого купленный на окраине Рыбинска несколько лет тому назад, он был с помощью маминой родни аккуратно разобран, перевезен в Глебово, подновлен и собран вновь; теперь в нем можно жить без заботы лет двадцать, если не все пятьдесят. «Своё – и никому ни под шапочку!» – говорит отец горделиво. Но тут же заводит привычную песню: «Но вечно жить тут я всё равно не буду, мамка! Уеду к чертовой матери!»

Что ж, уехал бы, не задолил... ведь для людей переезд – пожар, а для нашего Феликса Михайловича – праздник.

Всю жизнь мои родители ездят с места на место, без видимых причин покидая каждые пять-семь лет обжитые углы. Поначалу матери такая жизнь казалась дикой, но постепенно она смирилась с ролью нитки, всюду следующей за иголкой. Что гнало папу? кто гнал? Проще всего было бы сослаться на его неуживчивый характер, но это не отвечает на вопрос, ибо сразу же возникает другой: а откуда взялся такой характер? Оставим покамест эти вопросы стоять – слишком много у меня вариантов ответа...

Если бы отец не был болен, он уже наверняка объявил бы повсеместно о продаже дома и с удовольствием предался приятнейшей процедуре знакомства с покупателями, обсуждения цены, условий, сроков и всего прочего, сопутствующего продажам и покупкам. Нечто сладостное, призывно будоражащее таится для него в жуткой для оседлого человека ситуации переезда, прощания с прежней жизнью, знакомства с новой. Надо видеть, с каким увлечением он в тысячный раз изучает с карандашом в руке карту Ярославской области, открывая на ней всё новые и новые райские уголки, не тронутые цивилизацией, надо слышать, как он кричит матери:

- Нина! А Наумово-то – на самой железной дороге стоит! Видать по всему – славное местечко! И река недалеко, и до райцентра рукой подать.

Надо тебе в город прошвырнуться – села и поехала! Нет, это Наумово мне определенно нравится. Вот бы куда махнуть, а? Нина, ты слышишь?

Цивилизацию папа ненавидит. Из всех ее благ он положительно воспринимает только телевизор; к телефону же и газовой плите до сих пор относится недоверчиво. Более же всего он не любит городских людей – чванистых и жуликоватых. Единственный недолгий опыт житья в большом городе, – в Ярославле, – закончился для него плачевно: продав с порядочным убытком половину дома, купленную за год до того, папа с проклятием рванул назад, в милые его сердцу деревенские просторы...

Большой город насилует его душу! И даже тело: обычный проезд в городском автобусе был для моего отца мучением. Толкотня, потные спины, острые локти, необходимость приобретать и компостировать какие-то талоны, – всё это угнетало папу; он предпочитал отмахать пешком любую дорогу, нежели ездить в городском транспорте, этом исчадии ада...

...и длится субботний вечер 23 мая, и всё ниже и багровей раскаленный небесный шар, – и вот уже из проулка, покачиваясь, выходит молодой глебовский алкаш Валерка Семенов, изрядно «принявший на грудь».

- Ну, что, Эдмундович, ковыряешься? – бормочет он, подходя поближе.

Папа не любит этого человека, а пуще того не любит, когда подсмеиваются над именем, данным шестьдесят два года тому назад моим политически грамотным дедом. Это имя уже давно стало проклятием отцовской жизни: его всё время перевирают, переделывают, используют для дурацких шуточек – вместо счастья оно приносит одни неприятности. Всю жизнь папа пеняет деду: «Ну, назвал бы ты меня лучше Федей, что тебе стоило!», всю жизнь мечтает назваться как-нибудь иначе – но взяться за эту проблему всерьез ему всё как-то недосуг, да и предполагаемой бюрократической возни с переименованием он боится как огня.

Послав молодого Семенова «на три буквы», мой отец поворачивается к нему спиной и начинает что есть силы колотить полупудовой кувалдой по трубе...

Всё время ловлю себя на мысли: а может быть, это происходило не так? не совсем так?

Нет, матери я, конечно, верю, но есть в этой истории один момент, который меня мучает: мать не видела своими глазами, что случилось между Семеновым и отцом, она только пересказала мне версию Семенова.

А вдруг он ударил отца? Я знаю, что это не так; но – а вдруг? Что мне делать тогда? Мне надо убить Семенова, которого я в жизни никогда не видал.

Но ведь мне не убить...

Или убую?

Последние несколько лет папа не расстается с нитроглицерином, пробирочка с крохотными белыми таблетками и в этот момент лежит в кармане ватных брюк, но на этот раз грудная жаба опережает. Стальной лапой она сжимает старое сердце, отец хватается за карман, бросает кувалду и опускается на теплую рыжеватую землю у фасада дома номер 15 по улице Новой.

Мать, выглянувшая через пару минут в окно, видит Семенова сидящим в огороде и держащим голову отца на своих коленях.

- Эдмундович, ты чё? А, Эдмундович? – гудит Семенов.

Отец лежит как неживой. Мать опрометью выскакивает на улицу.

Он лежит на спине, с таким выражением лица, какое всегда появляется у него во время приступов: жалобно приоткрыв рот, он словно силится втянуть в себя воздух.

Трясущимися руками мать сыплет ему в рот нитроглицерин из пробирочки, но отец не делает ни одного глотательного движения. Таблетки белеют во рту.

Мать поднимает шум, сбегаются соседи. Кто-то уже нащупывает пульс у лежащего неподвижно человека, кто-то бежит за врачом. «Всё делается»...

- Что же ты молчал, – кричит на Семенова мать, еще не верящая в самое страшное, – что же ты не орал, не звал народ?

- А я чё, – бормочет тот. – Он схватился за карман, да и упал. Я думал, он пьяный.

- Да разве ты не знал, что он больной, паразит ты эдакий?

- Не, – мотает Семенов головой, – не знал. Я думал – пьяный.

Наконец, приходит медсестра, молоденькая девица, начинает делать отцу уколы. Все ждут, что будет дальше.

- Надо что-то делать, – рыдает мать, – надо что-то делать! Может, вы ответственности боитесь, так я всю ответственность беру на себя. Давайте сделаем ему искусственное дыхание. Давайте, кто-нибудь, а?

Сосед Саша соглашается – и начинает ритмично надавливать на грудную клетку отца: раз-два, раз-два... Медсестра через платочек дует отцу в рот. Отец лежит в той же позе.

Медсестра начинает измерять ему давление. Давление падает. Пульс становится всё слабее и совсем прекращается.

Дребезжит телефон. Только что вернувшийся из поездки по своим торговым делам, уставший как собака, плохо спавший последнюю ночь, я, кряхтя, встаю с дивана. Плачущий голос в трубке сообщает о смерти моего старого приятеля, местного краеведа Юрия Нестерова. Приглашают на

похороны – и я, пособолезновав, обещаю непременно быть. Возвращаясь на свой диван, планирую в уме очередность дел на день погребения покойного – радушного старикана, в хлебосольном доме которого мною со товарищи было в свое время выпито изрядное количество горячительных напитков.

«Свалился, старый, – думаю я, – а ведь в последнее время прибодрился, кажись, даже по городу разгуливал... Сердце, сердце... Касьянов год... Что ж, все там будем. Надо будет придти, помочь Галине Николаевне...»

Через полчаса телефон снова трещит – и какой-то вахтер из какого-то райкома профсоюзов трубным голосом уведомляет меня, что несколько часов тому назад скончался мой отец.

...и вот уже я, соскочив с еле ползущего ленинградского поезда на безлюдной ночной станции Кобостово, зябким стремительным шагом иду, то и дело срываясь на бег и спотыкаясь о корни деревьев, по не видимой в темноте тропинке. Нет попутчиков на пути через лес, две высоких дремучих стены стискивают дорогу с обеих сторон, кто-то злобно шипит и трещит сучьями в черных кустах – и я отпугиваю этого «кого-то» резкими выхлопами японского зонтика.

Папа, папа, может, всё это – неправда, дурацкая ошибка?

Четыре километра позади, я вхожу в темное беззвучное село, поднимаюсь из оврага на горку, сворачиваю направо. Вот он, родительский дом. Окна темны и спокойны, но окошко баньки светится.

«Она его моет, – с ужасом думаю я. – Одна моет...»

...полураздетая, в старом белом лифчике, стоя на коленях и тихо подвывая, льет из алюминиевого ковшика теплую воду на скользкое, блестящее под голой электрической лампочкой плечо, – и гладит, гладит это плечо, втайне надеясь, что сейчас мой отец, любитель глупых шуток, поднимет безжизненную руку, отстранит ковшик и со стоном оторвет большое белое тело от струганной лавки, бурча тоном обиженного ребенка: «Да ну тебя, мамка! Что ты на меня всё воду эту льешь?». И тогда можно будет еще на несколько месяцев, – а может быть, и лет, – отодвинуть от себя неотвратимую жуть грядущего одиночества...

В черном платке и черном свитере, худенькая и маленькая, мать сидит на кухне, тихо беседуя с соседкой. Она с плачем обнимает меня, и я убеждаюсь, что непоправимое – случилось. Соседка, облегченно вздохнув, уходит домой; я снимаю в сенцах ботинки, иду на веранду и, наконец зарыдав, обнимаю еще не остывшее тело папы.

Одутловатое, нездоровое лицо, впалый беззубый рот, морщинистые мешки под глазами, серебристо-пепельный чубчик. Этот человек дал мне жизнь, талант, гордыню, умение понимать красоту, помог мне встать на ноги в чудовищном мире людей, научил жить стиснув зубы, одерживать победы и бросать завоеванное псу под хвост. Больше он меня ничему не научит.

Папа, папа, милый мой, добрый, взбалмошный человек, куда же ты?

- Он улыбается, – говорит мать. – Смотри, он улыбается – ему нравится, что ты приехал.

- Я раньше всех приехал, – сквозь рыдание отвечаю я, – раньше Андрюхи, я через лес бежал...

Руки и ноги отца связаны бечевкой, он лежит на раздвинутом столе, одетый в новый дешевый костюм и ненадеванную клетчатую рубашку; на ногах – нелепые дырчатые сандалии.

Я вою, как в детстве, кривя рот и размазывая слезы, – от великой обиды на жизнь и на Бога.

- Папа, папа, милый мой, хороший папа... – вою я, целуя и глядя покойника.

Мать оставляет меня наедине с отцом – и то, что я говорю в эти минуты, о чем прошу его, в чем клянусь, слышит только он.

Закрыв лицо отца простыней, возвращаюсь на кухню. Мать собирает ужин, рассказывая, как всё случилось, коря себя за недогадливость, за то, что поздно выглянула в окно, не так насыпала таблеток...

- Ведь никакой тревоги в этот день у меня не было! – восклицает она, испуганно глядя на меня. – Наоборот: тихо, спокойно, весело было на душе. Видно, так уж надо было... С утра он Коле Баруздину колунице тесал, потом с мужиками в огороде хахалился, у меня и думки не было, что так выйдет. Отвело меня, отвело... Господи, как же я теперь буду? Феликс, Феликс! Всё-то ты, матушка, успел, всё приделал – кур отгородил, картошку мы посадили...

Она плачет и вытирает платочком покрасневшие нос и глаза.

- Сразу, – говорю я, слыша в тоне своего голоса оттенок какого-то злобного торжества, – без проволочек, без этих больниц... Раз!.. – и там... Резко, папа, резко. Одним ударом, наотмашь!

- Да, не заваялся, – всхлипывает мать. – Люди-то вон годами лежат, под себя ходят. Горшок им носят, с ложечки кормят... Не-ет, Феликс Михайлович так не мог... Феликс, да что же ты наделал?

- Ну, не плачь, не плачь, – бодрюсь я. – Всё равно он здесь жить не собирался. Помнишь? – он хотел всё продать и уехать... Вот и уехал! Никого не отяготил, не озаботил, собрался в одночасье – и махнул! Помнишь, он пел: «Старость меня дома хрен застанет!..»

Мать то плачет, то рассказывает, то снова плачет. Я успокаиваю ее, хлебаю подогретый на электроплитке суп, листаю какие-то журналы, что-то говорю. Снова идем к покойному. Стоя в изголовье, гладим папу, разговариваем с ним и о нем.

- Душа-то его сейчас здесь, – замечает мать, всхлипывая. – Тут она: летает, смотрит на нас... Феликс-Феликс, что ты наделал, а?

Тянется ночь, длится наш разговор, не смея оборваться и оставить нас, – каждого по отдельности, – с не осмысленной как следует новостью. Да, ни я, ни мать еще не осознаем вполне нашу утрату – отец где-то здесь, рядом с нами: вот его таблетки и склянки на лавке, вот брюки и фуфайка, вот тут, на своем любимом месте, у дверного косяка он сидел бы сейчас. Мы слышим эхо его слов, видим мир, не успевший умереть вместе с ним. Папа – здесь, а там, на ночной веранде, – лишь остывающий слепок его.

Утро. Пока не встала мать, я иду к отцу. Он такой же, как и вчера – неподвижный и тихий. За окнами веранды – зеленые листья, солнечные зайчики, яркая голубизна неба. Если бы не труп, я подумал бы, что отец где-нибудь поблизости, – кормит кур в сарайке или возится в мастерской. Но труп, тихий и неподвижный, лежит рядом – и тяжелая волна горя, родившись где-то в низу живота, внезапно дыбится во мне, перехватывая горло и выдавливая слезы. Папа – умер.

Мой папа умер!..

Мать собирает на стол. Скоро придут соседки, будет ясность относительно гроба. Деньги у нас есть, могли бы и купить, но не ехать же в Рыбинск за гробом... Соседки обещали матери решить эту проблему: есть какой-то местный столяр, который, вроде бы, сможет сделать гроб из своего материала. Если же этот вариант отпадет, то обещал помочь Коля Баруздин, сосед, папин приятель. Самому мне – не по силам: ни столярного, ни плотницкого ремесла я от отца не унаследовал. Доску, конечно, я обстрогаю и шерхебель от рубанка отличу – но и только. «Безрукий».

Все телеграммы мать дала еще вчера. Андрюха, мой младший брат, возможно, припахан тещей на даче и поэтому может получить печальное известие лишь сегодня к вечеру – значит, его приезда можно ждать не раньше завтрашнего дня. Родственники матери (с отцовскими мы не знаем, не ведаем даже, где они живут) приедут, наверное, прямо на похороны. Похороны – послезавтра.

В ожидании завтрака листаю попавшуюся под руку книжку югославских врачей «Стенокардия». Лежит она тут явно не зря: отец интересовался своей болезнью.

«Как писал философ Сенека в письме к Луцилию, приступ этой болезни подобен грозе...»

Впервые такой приступ случился с ним лет семь тому назад – когда дом номер 15 по улице Новой, ставший свидетелем его предсмертной муки, высился еще на Скомороховой Горе, в Рыбинске, – а родители мои жили на казенной квартире, выделенной Глебовской санаторно-лесной школой. Точнее говоря, в бывших слесарных мастерских этой школы, приспособленных под жилье для воспитателей. Это была половина дома (за стенкой жили соседи) с печкой, сарайкой, двумя сотками земли под окном и роскошным видом из этого окна на величавый простор Волги, как раз в этом месте, под Глебовом, вытекающей из безбрежной холодной ямы Рыбинского моря. По этому-то простору, намертво схваченному январской стужей, по белой метельной речной долине медленно двигалась в тот давний день, семь лет назад, маленькая темная фигурка отца, провожаемая из окошка взглядом матери – той, вынь да положь, потребовалась тогда чистая прорубь для полоскания невесть откуда берущегося (они с папой уже давно остались вдвоем) белья...

Выбрав подходящее место чуть ли не посредине реки, отец расчистил валенками снег и, высоко подняв тяжелый лом-пешню, что есть силы ударил по темному зеркалу. И еще раз. И еще...

Словно молния врезалась ему в грудь! Бросив лом, он упал лицом в снег, выпучив глаза и открыв рот, с ужасом осознавая, что эта боль – не чета прежним: угрюмая, тяжкая, смертная боль.

Медленно-медленно, тихо-тихо, слушая свое дыхание, встал он через полчаса с колен, держа обеими руками, как минёр, свое ржавое сердце, – и побрел назад, ставя ноги в уже наполовину заметенные сухой снежной крупкой следы...

...папа, я бреду за тобой назад, я ставлю свои ноги в твои следы, я хочу узнать, какая это была боль, какая жизнь...

Но смогу ли я узнать истину? Быть может, мне откроется лишь внешняя цепь событий – документальная ложь, правдоподобный бред. Стены, отделяющие «сегодня» от «вчера», высоки и дремучи, даже ближние кусты полны злобного шипенья и треска, и нет попутчиков на темном пути в прошлое.

Сокрыто и «завтра». Один-единственный раз мелькнул вещий огонек на высоком берегу неведомой реки, один только раз вздрогнул, закачался и ушел под воду шаткий плот моей судьбы – была возможность задуматься, обеспокоиться и хотя бы попытаться что-то изменить в неотвратимом течении жизни. Но нет: я, страшно мнительный и суеверный человек, не

сумел не только истолковать пророческое видение, но даже и понять, что оно – пророческое.

Отвел Господь! А ведь, может статься, истолкуй я сон правильно и предупреди столь же суеверную мать, надоумь ее не спускать глаз с человека, лежащего теперь на веранде со связанными руками и ногами, – и всё случилось бы иначе, не так, не теперь...

Но я только очнулся с колотящимся сердцем, включил свет, нашел карандаш, накарябал на листке бумаги несколько рваных предложений и, оттолкнувшись шестом от берега, поплыл куда-то по медленной темной реке на погружившемся в воду ненадежном плотике.

А маме был сон еще раньше – за три с лишним месяца до случившегося. В ночь на 14 февраля ей привиделась Дивная гора – селение под Угличем, где без малого сорок лет тому назад она, учительница тамошней восьмилетки, совсем молоденькая, но уже имеющая опыт и преподавания, и самостоятельного существования вдали от родителей, уже пережившая первое серьезное чувство (Петр Иванович Мельников, сын полковника авиации, ты помнишь Нину Ковалькову?) испытала острый приступ сострадания к полужнакомому, в общем-то, парню, Феликсу Чеканову, только что ставшему инвалидом...

- Хрен ли встал?.. давай!.. – заорал Васька Галактионов.

Мой будущий отец, только что «резнувший» вслед за напарником еще полстакана водки, мрачновато покосился в Васькину сторону, но ничего не ответил. Взяв из груды неокромленных досок верхнюю, он поставил ее торцом к бешено завывающему ножу циркулярной пилы и толкнул «на ход». Заверещав еще пронзительнее, темное солнце ножа стало медленно отваливать кромку доски, отец же двинулся помаленьку вперед, следом за доской, прижимая ее сверху ладонью правой руки.

Ваське, принимавшему доску с другой стороны, захотелось ускорить этот процесс. Он дернул доску на себя – и папина рука пошла под нож.

Опьяненное сознание все-таки сработало: в самый последний момент отец почувствовал неладное и отдернул руку. Но его пальцы уже летели и прыгали по трясущейся доске, словно городки, поднятые на воздух ударом биты. Васькин слюнявый рот изумленно открывался, истошно кричала пила, жизнь поворачивалась к Феликсу Чеканову неведомой прежде стороной.

Боли и крови не было. Он посмотрел на обезображенную руку, – большой и указательный пальцы отсутствовали, средний был разбит, – и громко, с оттенком какого-то злобного торжества, прокомментировал:

- Ну, всё – калека!..

- Я пожалела его... ой, как я, дура, его жалела! Ведь он пил страшно, валялся, где попало, со своей перевязанной рукой. А в школе-то как меня отговаривали: Ковалькова, опомнись, посмотри, в какую семью ты идешь...

...вот они, на старенькой фотографии с засвеченным краем, – мои мама и папа. Юные, улыбающиеся, глупые, еще не сказавшие друг другу тех слов, после которых в душах двух людей начинает медленно гаснуть серебристый вибрирующий звук – голос свободы, знак возможности всё переиграть, свернуть в сторону с открывающегося пути... О, тончайшее пение серебряной струны!.. о свободная воля!.. о, невозможность уйти от неизбежного!..

Веселые кудряшки мамы, светлая блузка, темная юбка, корзинка с грибами. Небрежная поза отца, залихватски нахлобученная черная шляпа, забинтованная культяпка, лежащая на цевье одностволки. Нет, это еще не мои мама и папа, это просто двое молодых русских людей в середине 50-х годов двадцатого столетия от Рождества Христова. Они улыбаются, они позируют – а Нина Баранова всё щелкает и щелкает затвором своего «Зенита», всё хохочет и подмигивает подружке, уже начинающей сердиться на такое бесцеремонное подчеркивание ее чувства.

Чувства жалости...

...ей привиделось то место на Дивной Горе, тот склон маленькой речки, где они, бывало, сиживали вдвоем, устав собирать грибы. Лето, начинающее желтеть, тонкий, еле слышимый звон серебристой струны, – всё то же самое. Вот только они с папой – уже немолодые, пожившие, теперешние. И внизу, поодаль, в траве лежит дитя – плотно запеленутый ребенок. Оттуда, из белых младенческих одежд, доносится до матери ясный печальный голос:

- Вы расстанетесь...

- Мы знаем, что мы расстанемся, – отвечает мать. – Но и вы расстанетесь...

На этом видение обрывается, и мать просыпается в своей постели, в доме номер пятнадцать по улице Новой – шестидесятилетняя, мучимая болезнями и предчувствиями. И долго слушает жалобный вой февральского ветра, изредка прерываемый тяжелыми всхрапываниями мужа, спящего на соседней кровати. И долго гадает, к чему бы такой сон.

И не догадывается.

- Теперь я думаю, – говорит она неуверенно, глядя на меня голубоватыми выцветшими лепестками, – что это была ваша Олечка. Или сестра Феликса, Галя. Это они умерли во младенчестве. Которая-то из них

предупреждала меня. А я, дура, не поняла. Это, наверное, была твоя Олечка...

Олечка?

Окно больничной палаты. Белый беспомощный силуэт моей жены. Отчаяние в родных глазах. Маленький – не больше метра – гробик у меня под мышкой. Небольшая грудка карминно-красного месива на столе патолого-анатомического отделения...

Да, мы тоже расстались...

Или это была другая маленькая девочка? стоящая на подгибающихся годовалых ножках посреди распухшего от голода сорок третьего года, обмотанная тряпьем, зареванная, замурзанная, тянущая исхудалые маленькие ручки к пустой материнской груди, – Галя, умершая во младенчестве сестренка моего папы, Галя Чеканова...

Господи, я знаю: ты упокоил их невинные душеньки, поселил их навечно в зеленом саду, среди птиц и цветов... Иначе – Тебя нет!

Нет!..

Мама не сумела разгадать ни этот свой сон, ни другой, тоже пророческий. За неделю до смерти папы она почему-то несколько дней подряд вспоминала председателя сельсовета с Дивной Горы, Александру Павловну Волохонову, доброго и справедливого человека, – и ей приснился сын Александры Павловны, Володя. Приснился таким же, каким мама его помнила по Дивной Горе, – двадцатилетним, только что вернувшимся из армии. Он сказал ей:

- Еще два-три дня...

На этом сон-мгновение оборвался – и мама, проснувшись, истолковала его так: Александра Павловна тяжело больна и до конца ей осталось совсем немного.

«Боже, облегчи ее последние страдания», – мысленно попросила она.

Но сон предвещал иное...

...но почему же все-таки именно Дивная Гора вспоминалась ей в эти дни? – именно то место, где они впервые встретились с папой. Неужели перед концом чего-то память всегда возвращает нас к началу?

Наскоро завтракаем. Я с беспокойством начинаю осознавать, что времени – в обрез, а у нас нет ни гроба, ни досок для него, ни обивочного материала, ни, самое главное, мастера. А что, если соседи не смогут помочь? На дворе – теплынь...

- Мама, не вздует у нас его? покойника-то...

- Не должно бы, – неуверенно отвечает мать. – Там, на веранде, прохладно. И марганцовки мы с Тamarой под стол поставили. Говорят, еще соль на живот кладут. Давай-ка, насыплем в мешочек...

Входят соседки: врач Тамара Борисовна, учителя и воспитатели санаторно-лесной школы Люба, Вера, Галина Яковлевна. В разговоре всё становится на свои места. Оказывается, дядя Миша, лучший местный мастер, обещал всё сделать – вот только бы он сумел вовремя «отойти от вчерашнего». Ну, а уж ежели он не проспится – тогда за дело возьмется Баруздин. Красного сатина для обивки гроба тоже обещали дать – правда, с возвратом, но и то хорошо, ведь в магазине ничего подходящего нет. Могилу будут рыть четверо – Сергей Вахромеев, тот же Баруздин и еще двое местных мужиков. Венки соорудят сами соседки, из лапника. Директриса местного продмага обещала продать на поминки водки по старой цене и чего-нибудь к столу.

«Господи, люди, дай вам Бог здоровья, какие же вы все хорошие, – растроганно думаю я, – Все-таки деревня – не город, не эти скоты, всюду видящие только одно – выгоду...»

...заплаканный, всклокоченный, очумевший от страшного известия, бегу я по своей городской улице по направлению к вокзалу. До отхода ленинградского поезда остаются считанные минуты, даже бегом я не успеваю.

Голосую. Визг тормозов.

- Ребята, – задыхаясь, прошу я. – несчастье у меня. К вокзалу, а?

Ребята медлят. Их двое – молодые, спортивные, современные. В салоне звучит ритмичная музыка, в такт ей на цепочке покачивается пластмассовый чёртик. Выждав, ребята меланхолически осведомляются:

- Сколько?

Спустя секунду мы мчимся к вокзалу: цены мне известны, деньги у меня есть...

«Сколько»? Тысячу лет в геенне огненной, тысячу тысяч лет, – покуда ваши шкуры не станут тоньше настолько, что смогут чувствовать чужую боль.

Вот сколько!

Конечно, тут, в деревне, не всё так уж благостно – и здесь хватает всякого, в том числе корыстного, жестокого, злого. Но при всем том деревенские люди – другие. Что-то заставляет их, – Любу, Веру, Тамару Борисовну, Галину Яковлевну, их мужей, владелицу сатина, директора магазина и еще добрый десяток незнакомых мне мужчин и женщин, – не

остаться безучастными к нашей беде, не оставить нас наедине с нашим горем. Традиции? Далеко заглядывающий практицизм? Наверное, не без этого. Но важен результат: эти люди – другие.

Я не призываю разрушить город. Но я ощущаю потребность констатировать факт.

Дяди Миша «не отошел» – и Коля Баруздин, крепыш лет сорока, принимается за дело сам. Он приносит со своего подворья в папину мастерскую несколько досок, мы опиливаем их по размеру, и Коля тут же берется за рубанок. Вскоре в мастерскую заглядывает другой сосед, седой и суховатый Юрий Федорович из дома напротив, – и предлагает кромить и фуговать доски в его мастерской, на более мощном станке.

«Всё делается»... Я, само собой, на подхвате, подай-принеси. Суечусь, стремясь, по возможности, избавить мастеров от черновой работы. Часа через два в дверях появляются первые родственники – брат мамы Володя и муж ее покойной сестры, Саша Волгин. Поздоровавшись и постояв в проеме, они тихонько уходят, а мы продолжаем сооружать гроб.

Баруздин строгают так истово, что весь наливается кровью. Самый близкий сосед (дом его стоит через дорогу), он был здесь, в Глебове, одним из самых близких отцу людей, частенько захаживал к папе в мастерскую, они часами могли беседовать о жите-бытье, о политике. Папа нуждался во внимательном собеседнике, а Коля за интересным разговором перенимал еще и кой-какие хитрости столярного ремесла. Имел место и прямой «бартер»: Баруздины иногда снабжали моих родителей мясом по сходной цене, а папа сделал соседям прекрасные наличники и, кроме того, украсил фронтон соседского дома такими же удивительными деревянными птицами, какие глядели на прохожих из-под крыши его собственного...

...птицы – отцовская любовь. Он знал их по именам, он отыскивал в книгах их цветные изображения и сравнивал с теми, что прилетали под окно.

- Смотри-смотри, – кричал он матери, – вот это синичка-гаичка! Видишь? Гаичка!

Он рисовал птиц цветными карандашами в альбоме, писал маслом на фанерках, выпиливал лобзиком. Он сам был птица – бойкая, любопытная, интересующаяся всем на свете, любящая перелетать с места на место, птица-путешественница.

Но вот какая птица?

Как ни горько мне это осознавать, но – не щегол, не снегирь; скорее всего – ворона. Да, ворона – бедно одетая, крикливая обитательница свалок и помоек. Ведь именно она сидела на зеленых ветках той березы, в роще у

деревни Ивановское, наблюдая за нашей печальной трапезой у свежавырытой ямы...

Но эта ворона была не такая, как все!.. под смирным своим одеянием она таила жемчужно-пестрый, переливчато-ослепительный мир, она была чужой в черно-серой стае товарок, она глядела со своей помойки не в сторону другой помойки, а прямо в голубые небеса!..

День клонится к вечеру; гроб, наконец-то, закончен – и мы несем его на веранду, примерить. Получился тесноват – тело отца еле-еле уместается в нем. Но это еще полбеды; беда – мелка крышка. Сооружая ее, мы не учли, что руки покойного, сложенные на животе, своими кистями образуют холмик, и что этот холмик – окостенеет. Если бы руки лежали вдоль тела, крышка легла бы в самый аккурат, а так – мелка. А ведь вроде бы перед началом работы всё измеряли, прикидывали. Век живи – век учишься...

Что же теперь делать? Сгоряча я беру лежащую сверху отцовскую руку (смертный холод ощущается уже и через рубашку) и с силой тяну, пытаюсь развалить холмик плоти. Не тут-то было!.. рука лежит на том же месте, не подвинувшись ни на миллиметр. Тяну сильнее – напрасно...

...мертвец сильнее меня!

...он и живой был сильнее. Я никогда не дерзал схватиться с ним всерьез – папа изломал бы меня. Ничего удивительного: он много работал физически, мускулы у него были литые. А я... что ж, тщедушный домосед, книжный червь...

Вот почему у меня рождаются одни только дочки – дабы приять силу со стороны. Наша родовая сила уже истоцилась.

По крайней мере – во мне.

Крышку гроба приходится наставлять, на это уходит еще часа полтора. Наконец, обив гроб изнутри белой материей, а снаружи – красной, Баруздин с Юрием Федоровичем удовлетворенно отправляются по домам. Я наклеиваю на наружную сторону крышки вырезанный из черной фотобумаги православный крест, выношу ее на улицу и прислоняю стоймя к углу дома. Теперь издали видно, что в доме – покойник. Таков обычай.

Слава Богу и спасибо добрым людям – проблема с гробом отпала.

Ни Юрий Федорович, ни Коля не взяли за работу ни копейки денег. Мы с мамой, конечно, и не предлагали, боясь обидеть. Но я точно знаю – они бы не взяли. Ведь это не город. Это, слава Богу, русская деревня...

Снова – утро... Идем с мамой по цветущему майскому селу, среди чистой зелени и веселых, сияющих на солнце изб, переходим из проулка в проулок, спускаемся в глубокий овраг, перебираемся по дощатому мостику через ручей, поднимаемся по крутому склону. Это уже не Глебово, а Ивановское (практически сросшееся с Глебовом, но сохранившее отдельное название). Где-то здесь живет смотрительница кладбища, она должна показать нам место для рытья могилы. Маме примерно объяснили, где ее дом, но точно она не знает.

На улице – ни души, спросить не у кого. В растерянности стоим мы на пыльной дороге под горячим солнцем; затем мать нерешительно указывает на один из домов: кажется, тут... Я подхожу к калитке, дергаю за ручку – заперто изнутри. Кричать хозяевам? Неудобно... Иду к другому дому – та же история. Что же нам делать? Третий дом. Открываю калитку – и тут же прыгаю назад: по дорожке прямо на меня молча мчится здоровенный пёс-волкодав... Ничего себе, шуточки!

- Вам Нину Александровну? – кричат с огорода хозяева пса. – Это не сюда, а во-он в ту избу! Вы не бойтесь, там собаки нету.

На слабых ногах иду прочь, мать следует за мной.

- Как ты испугался-то, – говорит она удивленно, – побелел аж весь...

У «той избы», где живет смотрительница, бродит маленький мужичок лет тридцати, с пробивающейся кой-где бороденкой и выражением явного слабоумия на круглом лице. Увидев нас, он уклончиво улыбается и подмигивает; встретив прямой взгляд, косится в сторону. Я приглядываюсь к нему – и второй раз за сегодняшний день по моей спине пробегает холодок: дурачок чем-то неуловимо напоминает папу.

Да-да, те же очертания носа и губ... но главное – в прищуре глаз, в манере морщить лицо... Господи, что это? Кто это?

Во двор выходит ветхая старушка – и долго выспрашивает нас, кто мы такие и откуда. Удостоверившись, что всё в порядке, берет с завалинки падожок и кличет мужичка:

- Женька, пошли!

И опять я внутренне ахаю: его зовут так же, как и меня... А старушку – так же, как и мою мать... Что всё это означает? Неужели могут быть такие совпадения?... а может быть, это какой-то знак мне, какое-то знамение? Но какое? К добру или к худу?

Увлеченный этими мыслями, бреду я позади всех, рассеянно прислушиваясь к разговору матери и смотрительницы. «Женька» – взрослый сын Нины Александровны, еще мальцом ребяташки бросили его в воду, с тех пор он не в себе. Пенсию она получает мизерную, живет тем, что дает свое хозяйство, да вот добрые люди помогают... («Мы вам дадим денег, дадим», – вставляет мама). Земля на этом кладбище хорошая, легкая, лежать будет хорошо, а копать надо на полтора метра, не больше. Места

свободного много, в разных углах можно подобрать что-то подходящее, в последнее время хоронят частенько, всем надо угодить, всех проводить, показать, а уж годы не те, восемьдесят с лишком, но пока что Бог милует...

...певучий голос старухи обволакивает, с яркого неба брызжет огонь, сморщенное лицо моего отца улыбается, подмигивает мне, – и дикие, древние мысли гуляют в моей голове.

- Папа, это... ты?

Он кивает, он подмигивает, он насмешливо косится на двух старух, идущих впереди: вот дурочки, ничего не понимают... но мы с тобой понимаем, верно? Только ты им не говори, будем знать это только ты да я, хорошо? Всё не так просто в этом мире, все совпадения не случайны, Женька, хорошо, что ты узнал меня. А эти-то... хе-хе-хе... они-то думают... ой, не могу, хе-хе-хе... но молчок, Женька, молчок!.. пусть об этом никто не знает...

И снова он косится в сторону, снова отводит взгляд, снова оборачивается – смеющийся, шурящийся от яркого солнца...

Я кладу на себя крестное знамение – и страшным усилием воли стряхиваю морок. Ничего особенного не происходит. Двое женщин и двое мужчин идут по дороге к деревенскому кладбищу, светит солнце, жизнь продолжается, идиот хихикает...

...и огромные радужные круги плывут, медленно расползаясь, в его мозгу, и солнце, пробившее толщу воды, слепит судорожно выпученные глаза, и нечем дышать – и откуда-то издалека, с планеты Земля, доносятся испуганно-веселые крики мальчишек...

Вот здесь будет твое место, папа. Не в мерзкой загородной тесноте, среди ошестинившихся оград, под ядовитыми тучами, – нет!.. на высоком берегу великой русской реки, под всё еще голубым небом, в звенящей зеленой роще, у подножия белой березы. Птицы, любимые создания твои, будут свистать над тобой, легкие сухие ящерики будут греться на солнышке рядом с твоим холмиком, комары – звенеть... всё кругом будет жить. А скоростное шоссе останется в стороне.

И никогда не взойдет над тобой проклятая пятиконечная звезда.

«Да брось ты, Женька, – слышу я его голос, – какая разница, звезда ли, крест ли... Не верю я в эти символы. Я Пушкину верю:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа

Вот вся правда, Женька, а больше ни хрена нету...»

После обеда идем с матерью за продуктами для поминок. Черный платок действует безотказно: мать всюду пропускают без очереди. Продавщица ведет нас в подсобку, мы берем мясной фарш, хлеб, водку, конфеты, расплачиваемся и благодарим. Провожаемые шепотком и взглядами баб, выходим на улицу.

Мать довольна: всё идет как надо, в грязь лицом она не ударит. Горе – горем, а дело – делом. Эта черта – «ковальковская»; Чекановы – люди прямо противоположные. Нам – вмазать стакана два, рыдать и петь песни...

Впрочем, я преувеличиваю, конечно, столь резко отделяя ментальность представителей отцовской ветви моего рода от склада ума и души моих предков по материнской линии, явно утрирую, называя первых неисправимыми фантазерами, а вторых – сухими рационалистами. Такое деление, конечно же, условно, ибо опирается на произвольно сохраненные памятью эпизоды, а не на весь объем действительно происшедших в жизни событий.

И все-таки основа для такого произвола существует. Иногда я думаю, что причина этих отличий может быть такой: Чекановы, в отличие от Ковальковых, уже прошли стадию «рацио», стадию «умения делать жизнь», им интересна уже следующая ступень – «отражение», то есть «изображение» жизни. Они желают быть художниками, а не просто обывать свой крест...

Появляется мой брат Андрей. Он, как всегда, замкнут, углублен в себя. Побывав на веранде, возвращается точно таким же, каким входил туда; видимо, всё, что должно было произойти в его душе, уже произошло.

Известие о смерти папы застало его, как я и предполагал, на даче у тещи: сестра его жены принесла телеграмму прямо в поле.

День длится. Помогаем матери по хозяйству, обсуждаем план похорон. И всё время вслух вспоминаем папу – его поступки, слова, привычки. От этого нам как-то легче, извинительней перед покойным.

Волгина и Володи Ковалькова нет с нами – они, как выяснилось, были здесь с оказией: из Рыбинска в Глебово ехал какой-то знакомый Волгина, он и прихватил обоих. Заглянув в дом и убедившись, что мать уже не одна, они уехали обратно, посулив явиться прямо на похороны. Волгин, правда, обещал прибыть пораньше, привезти самогону и свежих огурцов с рынка.

То и дело забегают соседки. Одна говорит, что принесет яичек, другая – сметаны, третья даст на время поминочек скамейки, стулья и посуду (ожидается человек тридцать, а мамина наличная утварь не рассчитана на такое многолюдье). Каждая соседка, заходя, считает своим долгом сказать что-то доброе о покойном, вновь пожалеть о безвременном его уходе, припомнить и повторить запомнившиеся ей его слова. Всё это – очень искренне, никакой фальши не чувствуется.

Все-таки папа, при всей его импульсивности и непредсказуемости, был в целом очень дружелюбным, открытым человеком. И это очень облегчает нам теперь его похороны: все идут нам навстречу и всё у нас получается...

...или это он сам, хорошо зная, что всё новое поначалу представляется нам неразрешимой проблемой, взялся «оттуда» руководить и этим, – печальным, но необходимым, – делом?

Не знаю, как оценивает себя Андрюха, а я вот смотрю на себя так: в сравнении с отцом я – сушная бестолочь. Папа знал плотницкое и столярное ремесло, рубил избы, слесарил, профессионально фотографировал, неплохо рисовал, писал маслом – даже стихи пописывал! – а я из всего этого умею делать более-менее хорошо только последнее. Ну, еще умею править чужие тексты и редактировать газеты – но разве это профессия? Кому это нужно?

Если бы мой отец, упаси Бог, попал однажды в тюрьму – он бы и там не пропал; а что стало бы в таком случае со мной? Страшно и помыслить...

Распространено мнение, что все дети считают себя умнее и талантливее отцов. Ничего подобного!.. я уверен в обратном. Мой отец просто не осуществился, не реализовал своих потенций. Получи он хотя бы мое, – никудашное, провинциальное (в дурном смысле этого слова) образование, имей он мое (сытое, обутое, одетое) детство в полной семье – кто знает, каких высот он достиг бы...

Конечно, ему недоставало терпения и усидчивости. Но это фамильное: дед, Михаил Андреевич, был таким же – горячо брался за любое новое ремесло, осваивал его начатки, но никогда не доводил до совершенства, быстро остывал, бросал начатое на полдороге.

Однажды, в молодости, он решил научиться плести корзины. Изучил основные приемы, начал даже конструировать новые модели, но до ума дело так и не довел. В результате на чердаке избы скопилось, согласно семейному преданию, целая гора недоплетенных корзин...

Эти «недоплетенные корзины» – символ наших натур. Это – сами мы, Чекановы!

...любопытно, что другой мой дед, мамин отец Александр Иванович Ковальков был как раз профессионалом-плетушечником. Плел корзины на заказ, на продажу, плел тысячами.

Ковальковы вообще склонны к постоянному, кропотливому труду – и на саму жизнь смотрят как на такой труд. У Чекановых же другой идеал: прийти, увидеть, победить!

Чекановы – изощрены, тонки, разносторонни. Ковальковы – проще, уже, но зато – надежней, тверже.

В общем, полная противоположность...

Возможно, мои родители, представители этих двух родов, ощущали подсознательно свою «неполноту» – и стремились устранить ее путем союза с носителем противоположной тенденции. Не знаю, воплотилась ли «золотая середина» в Андрюхе, но во мне-то уж точно нет. Во мне победили «Чекановы».

И моя натура, осознающая собственную ущербность, продолжила поиск: проходя через боль, через страдание, через трагедию, я искал еще более твердый и надежный корень.

Нашел ли я его? Об этом пусть судят мои потомки...

Весь вечер накануне дня похорон я перебираю папины бумаги. Немногочисленная переписка с властями, справки, рецепты. Рисунки пером в тонких ученических тетрадках. Чертежи наличников. Наброски стихов... Всё то, на что я раньше обращал внимание разве что из любопытства, сейчас пронизано особым светом – смерть осветила и освятила всё. При жизни отца я непременно посмеялся бы вслух над орфографией его сочинений, над огрехами пунктуации; теперь же я думаю о том, что для человека с семьёй классами за плечами и это – достижение; раньше, прочитав его стихи, я усмехнулся бы: «графомания, газетчина», – теперь я молчу.

Да, это – любительство, да – слепки с чужого... да, да, да... Но это писал мой папа!.. Мой папа, который позавчера умер и больше никогда ничего не напишет.

Как жаль – я стар. А был бы молод,
Я в битву кинулся б – туда,
Где звонче серп и выше молот,
Где есть поэзия труда,
Где нет насилья, принужденья, –
Как в муравейнике лесном,
Где труд приносит наслажденье,

Коротким прерываясь сном...

Это, конечно, отрывок тридцатых годов, с их «гимном труду», – но и против правды папа не идет: он и в самом деле был вечным тружеником, работал до последней минуты – и умер, поднимая выше пресловутый молот...

Он всегда интересовался политикой, читал газеты – и, естественно, многие строчки в этих тетрадках навеяны прочитанным. Хотя и в них проглядывает характер автора:

Что там светится в тумане?
Не ленись и погляди –
Это призрак на аркане,
С гегемоном впереди.
Призрак бродит по Европе...

Насмешка, поддразнивание – это «чекановское», это у нас в крови. «На аркане» – для рифмы, которая частенько тащит папу за собой, но образный ряд, на мой взгляд, намечен верно, да и сама попытка переосмыслить привычную символику могла бы оказаться плодотворной.

Его, однако, все время сбивает на рифмованную публицистику:

Нужна не только перестройка,
Нужна и сильная рука, –
Чтобы работала надстройка,
А не валяла дурака.
Позавели себе кареты,
Медали вешали на зад,
А умиленные поэты
В восторге ботали в набат...

Здесь любопытна последняя строфа. Коммунистов – а точнее говоря, власть вообще – папа недолюбливал всю жизнь; всё, что дискредитировало начальство, повторял с упоением, Брежнева презирал, – но так вели себя многие. А вот шпильку «поэтам» вставил бы не каждый. Сие объясняется просто: папа ненавидел лизоблюдов в творческой среде; поэт, кадящий власти, в его глазах был богоотступником.

«Демократом» он не стал, прозрел довольно скоро:

Отцы родные, демократы
И либералы всех мастей,
Вас нужно срочно сдать в солдаты

И всыпать каждому плетей.
В казарме прапор краснорожий, –
С ним спорить будет не с руки, –
На Швейка рожею похожий
И, как у Ржепы, кулаки.
Он вмиг мозги любому вправит...

Этот Ржепа, прописанный «демократам и либералам» в качестве лекарства, в нашей семье упоминался частенько – как символ устрашения. Фамилия персонажа бессмертного гашековского творения, сами звуки ее ассоциировались, видимо, одновременно с «рожей», «ржанием» и просторечным названием задницы, слово «Ржепа» вызывало восторг и ужас. Прекрасно помню, как папа крутил головой, повторяя:

- Фельдфебель Ржепа, сокрушитель ребер! Рже-па! Это надо ж так написать!..

Есть в отцовских тетрадках и строчки, написанные не без моего влияния. После того, как я начал интересоваться своей затопленной прародиной, изводить домашних расспросами о ней, писать и публиковать стихи об этом, папа вдруг осознал: то, что произошло лично с ним, с его семьей, его поколением, – может быть темой. И не преминул сочинить нечто своё:

Мне нужно очень сохраниться, –
На десять, на пятнадцать лет,
И лично в этом убедиться,
Что моря Рыбинского – нет.

А есть земля, где, босоногий,
В лапту жестокою играл,
Закон ее, довольно строгий,
Не постигая, отвергал.

И есть Шексна – такое диво,
И есть Глухая, «та река»,
И безымянная пролива
С копной кудрявой лозняка.

За той проливую – луга,
В озера облака глядятся,
И бесконечные стога,
Как войско русское, теснятся.

И лошадей табун пасется.
Ватага смелых удальцов
К нему стремительно несется,
Приняв уздечки от отцов...

Кроме недостатка грамотности (цитируя, я все-таки правлю орфографию и пунктуацию, уж простите великодушно), стихотворные упражнения отца на корню губит «общесоветский» ранжир: папа подражает, пусть и неосознанно, ладу и строю провинциальных виршей, в изобилии публикуемых местной прессой. Так случается даже тогда, когда он пишет о своем, о том, что волнует лично его:

Наверно, в каждой деревушке,
В селе и редких хуторах
Найдется по одной старушке,
Преодолевшей смерти страх.
Она обычно богомольна,
Словоохотлива, добра,
И жизнью, кажется, довольна,
И байку тянет до утра.
У ней почти всегда найдется
Бутылка красного вина...

Тема смерти его волновала, хотя самого факта ухода он, похоже, не страшился. Во всяком случае, мать не раз слышала от него, что во время приступов он думал: «хоть бы мне умереть...»

Но не только безысходность была тому причиной – помогало и «пушкинское», эпикурейское отношение к жизни. Папа жил по формуле: «Пить будем, гулять будем, а смерть придет – помирать будем...»

...собственно, меня и самого не так уж страшит невозможность уйти от неизбежного. Гораздо более волнует вопрос: не будет ли это (или – после этого) мучительно больно?

Я не хочу и не пытаюсь
Уйти в тот мир, где нет меня.
Но в этом, грешном, только маюсь...

Смерть – избавление от боли. Переносить страдание мужественно – всё труднее, душа бежит от страдания. Ради спокойствия он готов отказаться от возможной радости, даже от призрака ее:

Мне шестьдесят, а я влюбленный.
Но нет ответа на любовь.
Но разум мой – не возмущенный
И не волнует сердца кровь.
Всё пройдено и пережито,
Царапать душу не хочу...

...кто она – та, которой посвящены эти безнадежно-усталые строки?
Люба? Вера? Чей милый взгляд и участливый разговор бередили в нем,
шестидесятилетнем больном человеке, уснувшие чувства?
Я никогда об этом не узнаю...

В его стихах еще встречаются вечерние мотивы:

Потухло солнце за лесами
С последней песнею дрозда.
Над золотыми небесами
Беззвучно теплится звезда...

Но всё чаще возникает ночь:

Торжествует ночное светило,
Незаметно, а всё же плывет.
В чьей душе оно мысль разбудило,
В безграничный направив полет?

.....
Свет лунный, петляет дорожка...
Как зябко безглазой спине!
Скорей бы – лесная сторожка
И свет в одиноком окне.
Иду не спеша, без оглядки.
Чу! шорох, таинственный звук...

.....
Ночь, как год. В душе тревога,
Нету сна. Гляжу в окно:
Лунный свет и снегу много,
А вокруг темным-темно.
Недоступных звезд мерцанье,
Звон будильника в шкафу...

Он вглядывается в грядущую тьму, он гадает: а что там, за чертой?

Какое дело мне до рая
И до его святых ворот,
И до того, кто там карает
В грехах увязнувший народ?

Какое дело мне до ада?
И в черной копоти котла
Мне будет просто как награда:
Сгореть мгновенно и дотла...

Он отчетливо ощущает за собой путь, след, и в то же время чувствует, что впереди – новые странствия:

Куда летишь, падучая звезда?
Кому, зачем твой мимолетный след?
.....
Снова дальняя дорога.
Сколько их в моей судьбе!
Подожди еще немного –
Я навек вернусь к тебе...

Он просит подождать, оттянуть момент ухода, и память вновь возвращает его к началу:

Мое Березово родное,
Шексны крутые берега,
Земля, трава... да всё земное!
И заливных полей луга,
И вы, соломенные крыши,
Многоголосый стада шум, –
Я вас увидел и услышал.
Всё волновало детский ум...

...ну, естественно, я «пристрастен», «закрываю глаза на явные недостатки», и т.д., и т.п. А вы чего хотели?

Что? Ваши отцы «тоже писали»? Что-то плохо верится. Будь оно так – у каждого из вас в красном углу, за иконой, лежала бы повесть, подобная

той, какую вы сейчас читаете, – такая же, только про вашего отца, написанная вами... Но ведь не лежит!..

Нет, господа и дамы, ничего, ни-че-го не писали ваши отцы, они только «вкальывали», «трахались» да «лопали», ясно вам?

Да и... были ли они, отцы-то ваши, жили ли они на свете?

Ладно, простите великодушно. Сами понимаете: это я не вам, а «им» – не помнящим родства.

Может, хоть это подействует.

Есть в рукописном наследии отца и проза. Проза жизни:

«Здравствуйте, Геннадий Федорович (извините, мы с Вами лично не знакомы). Написать Вам это письмо меня заставили обстоятельства, без Вашего участия которые не разрешить.

Излагаю суть дела.

С 1954 года я, инвалид 3 группы (травма на производстве), до 1987 года, как и положено, получал пенсию. Начислялась она мне от моего заработка; если я зарабатывал больше, то пенсию мне выплачивали не менее 50% (это мне самому пришлось видеть написанным черным по белому в личном пенсионном деле – очевидно, это было узаконено для всех инвалидов 3 группы: сколько бы инвалид ни зарабатывал, а менее 50 % назначенной пенсии он не получал).

До 1986 года я работал в Глебовской санаторно-лесной школе. Мой заработок был 120 рублей, и я получал пенсию 38 рублей, потом я уволился и поступил работать в геолого-разведочную партию. Райсобес продолжал выплачивать мне пенсию по месту жительства – 38 рублей.

Проработав два года в геолого-разведке, я заболел (ИБС), дали мне 2 группу, и с этой бумажкой я пришел в райсобес. В райсобесе инспектор-женщина (фамилии я не знаю) спросила, чего я хочу, и сказала, что для перерасчета пенсии нужна справка о заработке за два года и что она с меня высчитает 50 % той суммы, которую мне переплатили.

Я эту справку ей принес, и когда мне была начислена пенсия (согласно моего заработка, а он оказался 257 рублей, а пенсия 120 рублей), то эта инспекторша мне заявила, что я должен ей выплатить 100 %. На это я ей заявил, что она сама же говорила, что 50 %, – она мне в ответ говорит, что я не связан с сельским хозяйством и поэтому должен выплачивать 100 %.

Разговор наш имел такое продолжение: она мне – «давай половину пенсии», я ей – «а на что я буду жить?»

Инспекторша «пожалела» и порешила удерживать из пенсии 26 рублей. Спрашивает меня, сколько я должен вернуть в райсобес, я ответил (из расчета 50%): рублей 400. А она мне говорит, что 800 рублей.

Таким образом, я стал получать пенсию в размере 96 рублей в месяц. Прошел год, поехал я в райсобес, обратился к заврайсобесом, – молодая женщина, фамилии не знаю, – объяснил ей ситуацию (а у меня еще там случился приступ), и она мне вот что сказала: пенсия по 3 группе у меня была назначена от 166 рублей, а я зарабатывал у геологов 257 рублей и, таким образом, пенсия не выдается.

Нетрудно из моей писанины, Геннадий Федорович, понять, что райсобесовские работники закон государственный могут поворачивать, как дышло. Прошло уже два года, а может, и больше, по моим расчетам, свою задолженность я выплатил (а может, и перевыплатил)...».

Письмо не закончено. Видимо, я нашел черновик, – а беловик был отправлен по назначению, поскольку тут же, на бланке с печатью, присутствует и достойный ответ стража закона:

«Прокуратура СССР.

Прокуратура Рыбинского района Ярославской области. 28.02.90, № 100/90 щ. Рыбинский район, с. Глебово, ул. Новая, 15, Чеканову Ф.М.

По Вашей жалобе разъясняю Вам, что, работая в период с 9.06.86 г. по 20.06.88 г. в Рыбинской инженерно-геологической партии Московской геолого-разведочной экспедиции, вы, как инвалид III группы, получали пенсию в размере 38 руб.22 коп., которая была начислена со среднего заработка в 162 руб.18 коп.

В соответствии с п. I ст.170 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, инвалидам III группы пенсия выплачивается в таком размере, чтобы пенсия и получаемый заработок не превышали в общей сложности всего заработка, из которого была начислена пенсия, т.е. в данном случае 162 руб. 18 коп., при этом сумма пенсии выплачивается в размере 50% при условии, если заработок не превышает 120 рублей.

В геолого-разведке средняя зарплата у Вас оставила 257 руб.51 коп., и Вы не имели права получать пенсию. За весь период работы в геолого-разведке Вами было незаконно получено 876 руб.35 коп.

В соответствии с п. «Б» ст.178 вышеуказанного Положения, Комиссией по назначению пенсий при исполкоме Рыбинского районного Совета народных депутатов было вынесено решение о взыскании с Вас этой суммы с ежемесячным удержанием 20 % пенсии до погашения этой суммы (протокол Комиссии № 746 от 2.12.88 г.). К этому времени Вам был сделан перерасчет пенсии в связи с изменением группы инвалидности на 2 группу

и изменением среднего заработка. Сумма ежемесячного удержания составила 24 рубля.

При проведении арифметического подсчета Вы можете убедиться, что вся сумма 876 руб.35 коп., которая Вами была получена в нарушение закона, Вами будет погашена через 36,5 мес. (3 года) после начала удержаний, которые производятся с февраля 1989 г.

Считаю Вашу жалобу необоснованной, потому что работниками районного отдела социального обеспечения в данном вопросе нарушений допущено не было.

Прокурор Рыбинского района, советник юстиции Г.Ф.Чуркин».

...я припоминаю, что папа не очень-то и расстроился, когда получил сей отлуп: не удалось доказать начальству свою правоту, ну и хрен с ним, жить ведь есть на что, по миру не ходим.

Всё-таки он счел необходимым гневно воскликнуть:

- Нет правды на земле!..

А чуть погодя, по обыкновению, добавить глубокомысленно:

- Но правды нет и выше...

Великий поэт примирял его с действительностью.

Таблетки, склянки, тетрадки... Рисунки пером: чертежи парника, вьющийся узор наличников; профили Ленина и Сталина; чье-то удивленное лицо. набросок автопортрета: мрачноватый стареющий мужчина с обиженно поджатым ртом (скорее всего, эффект «обиженности» получился из-за недостатка зубов). Куст на пригорке и наезжающий на него паровоз. Нос лодки. Рухнувшее дерево рядом с растущим, крепким. И – птицы, птицы (в основном, совы)... Материал для психоаналитика.

А вот санаторно-курортная книжка. Цхалтубо, санаторий «Геолог», март-апрель 1987 года, палата 208. Основной диагноз – остеохондроз поясничного отдела позвоночника. Отметки о приеме минеральных ванн, о грязелечебных процедурах, УВЧ...

- Там он сердце-то и испортил! – говорит мать убежденно, – на курорте-то этом. У него раньше сердце не болело. А как приехал после лечения, так и началось. Вот так вот, лечиться-то: одно лечишь, а другое калечишь...

- Это он еще у геологов работал?

- Ну да, на пилораме. Началось у него отложение солей, в бедре и в ноге при ходьбе стало болеть. А ходить-то велют вон куда – аж в Кабатово! Тут у него, на этой почве, распри с начальством начались: они его в Кабатово на работу посылают, а он идти не может, через полсотни метров у него «жать» начинается. Полечился в нашей больнице, в Глебово, да какое тут леченье... Вот тогда ему начальник геологов выхлопотал путевку в

Грузию – поезжай, лечи свои ноги. Дала я ему денег, говорю: купи мне на толкучке ковер с оленем. Он привез. И еще носочки мне из козьей шерсти купил. И кофточку – правда, немножко не такую, какую мне надо. Я его всё ругала: зачем ты всего этого накупил? Двадцать четыре дня был там... И в этом Цхалтубо ванны были минеральные. Они опасные, эти ванны, в них область сердца погружать нельзя – да разве Феликс Михайлович когда кого слушал? Он по шейку в эту ванну залезал! Конне-е-ечно... ему там хорошо, прия-атно... будет ли он выполнять предписания врача!.. «вот хрен вам – а не предписание!..» Так и испортил сердце. Лежал он и в Рыбинске, в кардиологии, Лидка Липатова его уговорила. Вроде, подлечили, а потом – опять...

...эту «кардиологию» я помню – сам навещал там папу.

Он вышел тогда ко мне веселый, бодрящийся, сказал, что чувствует себя неплохо, что скоро его выпишут. А у меня сжималось сердце: я осознал вдруг, что мой отец – не просто старый, а еще и серьезно больной человек. Раз кладут в больницу – значит...

А вот фотография, сделанная в Цхалтубо, – отливающее неестественной синевой цветное изображение группы людей, кучно стоящих на фоне горного пейзажа. Среди стоящих – один присевший на корточки, в дурацкой шляпёнке, с лицом, сморщенным в гримасе беззубой улыбки, – мой папа...

«Вы все стойте, а я вот присяду!..»

Лучшая из оставшихся фотографий отца – та, которую я отдал потом в ателье, для портрета на памятник. Это фото делал он сам – выбирал позу, ракурс, выражение лица, сам себя снимал (с помощью автоспуска), сам проявлял, печатал, наклеивал готовый позитив на картон и обтягивал его прозрачной пленкой... С портрета глядит на зрителя симпатичный, несколько франтоватый мужчина лет сорока, в сдвинутой на лоб зимней шапке и с сигаретой в руке.

Помню, сначала мне это фото не нравилось, казалось нарочитым: зачем эта сигарета? почему в шапке? Но приглядевшись, я понял – папа хотел видеть себя именно таким: непростым, с отчетливой особинкой, ни в коем случае не «тюхой-матюхой», за которого его подчас принимали. Шапка и сигарета стали теми деталями, которые он интуитивно использовал для подчеркивания этой особливости. Хотя о главном, конечно, говорит лицо и, прежде всего, взгляд – цепкий, чуть насмешливый, одновременно и доброжелательный, и готовый к отпору, взгляд настороженный, непростой...

...этот взгляд находит меня сейчас в любом углу комнаты. То хмурится: «Опять дурью маешься?.. пиши давай!..», то улыбается, подбадривая: «Ну-ну, Женька, не трусь, не так страшен черт...»

Да, теперь я вижу, что отец был прав, когда сочинял, изобретал это свое изображение. Теперь мне понятно, что оно – точнее «не отретипированных заранее», ибо гораздо лучше говорит о папиной душе – сложной, непредсказуемой, игровой душе выдумщика...

«Выдумщик» – это звучит серьезно. Любое художественное творение человека есть миф, выдумка, все творцы – мистификаторы. И это очень хорошо. Ибо если мы будем доверять одной скучной «правде», то не узнаем главного о человеке и мире, не узнаем, какими они хотели бы быть, какими стали бы при других обстоятельствах... Да, стали бы!.. если бы Господь дал возможность человеку и миру всё переиграть, свернуть в сторону с открывающегося пути, – мы убедились бы в этом.

Что же такое «правда»? Случайные фотографии! Фотографии, запечатлевшие нас «не лучшими», «не полными», ущербными. Да, именно так: некрасивость правды вопиет об ее ущербности, указывает на недостаточность только смирения с правдой, одного только приятия ее, – и прямо говорит о необходимости стремиться к идеалу. Пребывающему, конечно, за пределами человеческой жизни, но – могущему быть воплощенным. Где? В творениях искусства, конечно. В «выдумке»!

Так думаю я, глядя на отцовский портрет.

Приехал Волгин. Уже с порога он начинает, по обыкновению, балагурить, травить какие-то анекдоты; голос его кощунственно громок. Мать, с одной стороны, довольна, что он приехал, – дядя Саша человек практический, толковый, от него можно ждать реальной помощи в любом деле; но с другой – раздосадована его манерой поведения, не изменившейся ни на йоту даже в этот печальный вечер.

К Волгину нужно привыкнуть. Поначалу он производит впечатление чрезвычайно наглого, бесцеремонного ухаля; привыкнув же, начинаешь ценить в нем главное – открытость, прямоту, неспособность к подлости. Человек страшно деятельный, мастер на все руки, – и плотник, и столяр, и токарь-универсал, – он пережил уже двух жен: мамину старшую сестру Шуру, и вторую, которую я никогда не видел.

Несмотря на свои почти шестьдесят лет, дядя Саша крепок, кряжист, в силе. Если бы папа был жив, то неподдельно обрадовался бы его приезду...

«Он любому радовался, – слышу я голос матери, – любому, кто приезжал. Особенно, если с бутылкой...»

Волгин привез, как и обещал, самогону и огурцов. Он тут же включается в общие хлопоты – чистит картошку, режет мясо; одновременно рассказывает старый анекдот.

- Слышь, – гремит он на весь дом, – старик-то перед образами молится: «Господи, укрепи и направь», а старуха-то на печи другое: «Господи, да ты только укрепи, а уж направить-то я и сама направлю...»

Он раскатисто хохочет – и мама не выдерживает.

- Саша, замолчи, – говорит она звенящим от подступающего рыдания голосом, – замолчи, а то я заплачу...

Волгин, наконец, осознаёт, что его поведение бестактно – и, крикнув, понижает тон. После паузы заводит подходящую к ситуации речь, – о болезни и смерти, – и мать успокаивается.

- Да!.. вот она, жизнь человечья, – приглушенно рокошет дядя Саша. – То же самое и нас всех ожидает. А что сделано?.. много ли? Построил два дома, вырастил двоих детей – и пора на тот свет... Обидно!

- Мало Феликс пожил, мало, – вздыхает мама. – Чего!.. шестьдесят два года, возраст ли это! Мог бы пожить еще лет пять... да хоть и все двадцать! Жил бы себе да жил... Это всё этот, – злобно говорит она вдруг, – Семенов этот... У-у-у, гадина проклятая! Это он его довел. Вот ведь как: не любил он его, а именно у него на коленях и умирал... как нарочно!

- Один еврей, – начинает Волгин, – тоже умирал, слышь; собрал семейство и говорит...

Вечер длится. Часов в десять садимся за стол, мать ставит бутылку, выпиваем за упокой души Феликса Михайловича, разговариваем. За полночь в дверь стучат, я выхожу открывать – на пороге стоит высокий лысый мужик. После конфузной заминки выясняется, что этот тесть Андрюхи, Николай Александрович. Я его видел раньше всего два – немудрено, что не признал.

Снова выпивка, разговор. Андрюхин тесть и дядя Саша вмиг находят общий язык, на «слесарной» почве. Спать им не хочется: разбирают и точат мясорубку, потом принимаются готовить котлеты.

Часа в два я ухожу спать. Мужики все еще курят и беседуют.

Мотоцикл простреливает насквозь гулкое утреннее село. За рулем – Сережа Вахромеев; я и еще двое мужиков – в коляске, а точнее, в деревянной тележке. Едем копать могилу.

Утро – свежее, бодрое, зеленое; день обещает быть знойным. В кладбищенской роще – комариный стон, шепот листьев, пятна света. Без перекуров и долгих приготовлений мужики приступают к работе. Земля тут и вправду «легкая», яма быстро уходит в глубину. Вскоре, однако, копать

сразу в несколько лопат становится неудобно – и Баруздин залезает в яму один.

Мне, как сыну, рыть могилу нельзя. Смотрю на растущую гору суглинка, слушаю Сергея, который убежденно доказывает мне правоту буддистов.

- Как может человек умереть? – вопрошает он. – Этого ни в одной религии нет, а древние не глупей нас с вами были. Все религии говорят: человек бессмертен. И все-таки глубже всего этот вопрос разработали буддисты. У человека, говорят они, не одно, а семь тел...

Сменив уставшего Баруздина, Сергей забирается в яму по плечи, из-за горы земли его не видно. Вместе с комьями из ямы вылетают прерывистые слова-вздохи:

- ...а в тонком мире – астральное тело. Этот тонкий мир всю землю окружает, это как бы такой ореол вокруг всей планеты. Сейчас еще Феликс Михалыч туда не попал, сейчас его душа – в эфирном теле. Она встречается со «светящимся существом», просматривает свою жизнь...

- Да, – поддерживаю я разговор, – об этом у Калиновского написано...

- И Калиновский, и Моуди – это всё популярные изложения, – доносится из могилы. – А вот «Агни-Йога» и «Бардо Тёдол» – это уже серьезные труды. Вы не читали «Тибетскую книгу мертвых»? Вот там всё по дням расписано – все скитания в «тонком мире», все кармические видения...

Мужики, вместе со мной слушающие рассуждения Сергея, только головами крутят от такой учености. А сам он, видимо, рад, что нашел подходящего слушателя. Из ямы слышится:

- ...только дня через три-четыре он осознает, что он мертв... Тут-то оно и начинается, пребывание в Бардо. Духовное тело скитается там сорок девять дней, пока не найдет себе новое материнское лоно. Вообще «Книга мертвых» трактует так, что самое лучшее – не рождаться снова, постараться остаться в том мире. Но это мало кому удастся, в основном, все рождаются опять и опять. Это – Сансара, колесо рождений...

...и ни слова о Христе не слышно на месте будущего погребения, никто из копалей даже ни разу не перекрестился – словно православие никогда и не заглядывало в эти места.

Да, но разве эти люди – бездуховны? разве сам факт их присутствия здесь, их добровольной тяжелой работы – не показатель их принадлежности к тому царству человеческого единения, где нет ни эллина, ни иудея? И разве мой папа, не крещеный и не веривший в Иисуса Христа, не будет спасен?

Если – нет, то зачем мне такая вера? А если – да, если человек, не умеющий перекрестить лба, тем не менее, добр, честен, праведен, то...

«То зачем нужно христианство?» – думаю я вдруг.

И тут же поправляю сам себя: нет, наверное, именно века христианства и сформировали наш народ вот таким – некорыстным, милосердным, отзывчивым к чужой беде. А семидесятилетние гонения на русскую православную церковь уничтожили у нас – или почти уничтожили – одну лишь обрядность и прочую внешнюю атрибутику православия. По глубинной же своей сути мои соотечественники – и сейчас те же самые, какими были до Октябрьского переворота. И все эти увлечения чужими верованиями – лишь нечто временное, наносное, не затрагивающее наших основ...

Могила готова – и мы садимся в траву под березой, дабы «обмыть это дело». Водка не пьянит, только теплая волна на минуту накрывает меня с головой – и, схлынув, уходит куда-то. Говорим о Феликсе Михайловиче: будь он сейчас с нами, уж непременно опрокинул бы стопочку, с удовольствием поболтал, обсудил все эти вопросы. А быть может, он и в самом деле сейчас где-то здесь, рядом? Ведь тут, на майской земле, так славно веет сейчас теплый ветер, так плавно качаются зеленые ветки, так добры и чисты грубые лица людей, только что соорудивших последний приют для оставленного душою праха. Сядь с нами, папа, подними стопку любимого яда – выпьем за твой вечный покой, за твое избавление от земных страданий...

Черный комок мелькает среди зеленых веток, остроклювое любопытное существо глядит не мигая на нашу трапезу... кыш!

Смотри-ка, она не боится, она и не думает улетать. Стоп, мужики, не будем ее пугать, не надо. Быть может, это совсем и не ворона, не только ворона... Папа-папочка, немного дал тебе Бог – ту же черную фуфайку, ту же перелетную судьбу. Что делать!.. получаем то, что заслужили. Не улетай, побудь с нами еще немного, покачиваясь на ветке и нацеливаясь круглым своим оком на кусок черного хлеба...

В последний путь... Раскаленное небо, слепящее солнце, белые клубы пыли. Натужный рев мотора, остолбенелые лица встречных, палисадники, наличники, крыши. Расплавленный слезящийся диск на небе, черные силуэты деревьев, серые окна, лица, глаза. Каменные скульпы покойника.

Лица братьев матери – круглые, мелкоглазые, заячьи. Автохтонное население Верхневолжья, угро-финны, племя «весь», – вот кто мы такие. «Обряд погребения у племени весь». Или так: «Мимика, выражающая горе, у представителей племени весь».

Завывание мотора, пыль, зной. Вот так однажды повезут и меня. Еще не скоро. А этих уже скоро. О чем они думают, качаясь в кузове грузовика и держась друг за друга на шаткой лавке?

Вот, Феликс умер... Нина одна остается. Дом, видно, продавать будет. Дом-то хороший, большой, тысяч сто пятьдесят дадут. А может, и все двести. Да что сейчас на эти деньги купишь... Рановато помер Феликс, рановато. Что делать, сердце износилось. Касьянов год. Все там будем, не минем.

Застывшие лица встречающих. Кого это хоронят-то? А!.. это того мужика, у которого дом-то с птицами. Так ведь он же не больно и старый был. Больной? А-а-а... А дом-то у него хороший, большой, – продавать будут теперь, аль нет? Это жена сидит, а рядом-то сыновья, видать. Без музыки нынче хоронят – знать, дорого...

Лицо отца – холодный тесаный камень. Твердо сжаты губы, в бескровных чертах – выражение собранности и решимости. На что ты решился, папа? Я вижу – ты уже далеко от нас, далеко-далеко...

Не жмет ли тебе крестик? Я все-таки надел тебе его, уж прости, снял с себя и надел, а веревочка оказалась коротковата, сразу врезалась в шею. Прости меня, ты, может быть, был бы против, но я все-таки надел...

Последние поцелуи. Уверенная речь «представителя общественности». Стук земли о крышку гроба. Всё, как у людей.

Поминки. Люди идут и идут, не хватает места. Милые, так вы все любили папу? Дайте, я вас поцелую! У всех налито? Давайте помянем Феликса Михайловича. Валера, Сережа, Коля, спасибо вам за всё, куда бы мы без вас... выпейте!

Да, хорошая смерть, легкая смерть. Сам не мучился и других не мучил.

Нет, как же это так? Ведь я с ним совсем недавно разговаривал, он и шутил, и смеялся, как всегда... как же это?

И к каждому-то он умел подход найти, такое слово сказать, чтобы человек заинтересовался... И о политике мог поговорить, и о деле, интересно было с ним... Не плачьте, Нина Александровна, дай Бог каждому так уйти. Детей вырастили, дом у вас прекрасный...

Спасибо вам, добрые люди, что вы пришли и помогли нам. Дай вам Бог счастья за ваши добрые слова и дела, за помощь.

Вот и всё. Теперь я могу лечь навзничь и провалиться во тьму. «Поминальный обряд племени весь» завершен.

...когда я могу позволить себе напиться до бесчувствия – всегда напиваюсь. Хотя вообще-то к спиртному меня не тянет, месяцами могу не пить. Все-таки зачат я был в трезвости и выпивать начал очень поздно, это сказывается...

Совсем не пить? Но ради чего?

Встаю совершенно разбитый, мятый, со страшной головной болью. Долго не могу подняться с постели, вяло одеваюсь, с трудом отвечаю матери.

Время – восемь часов вечера; все, кто приходил на поминки, уже разошлись по домам, мамины родичи вместе с Андрюхой уехали на последнем автобусе. Посуда вымыта, лавки и табуретки унесены. Мать наливает мне горячего чаю – и я мало-помалу оживаю.

- Пошли, погуляем, – предлагаю я. – Погуляем, поговорим...

Мать соглашается.

Медленно идем вечерним селом, удаляясь от центра к лесу. Сумерки; кой-где на небе поблескивают звездочки; тепло и тихо. Мама в который раз рассказывает о подробностях папиной кончины, пытаюсь угнездить в своем сознании новость, резко меняющую ее жизнь.

- ...а Баруздин говорит: надо унести его домой. Тут у кого-то были носилки медицинские, вот на этих носилках унесли его домой, положили на крыльце. Коля говорит: надо его обмыть да одевать, а то закостенеет. Решили не мыть, – он недавно из бани, – а только обтереть мокрой тряпкой. Баруздин его раздел догола, снял с него свитер, носки, «гамашы» – он в последние годы всегда тепло одевался. А Тамара Лесовая с Толей – обтерли. Коля мне говорит: ищи белье чистое. Дала я новые трусы, майку, рубашку, достала новый серый костюм. Расческу положила в карманчик, носовой платок новый. Коля говорит: давайте его вытащим на веранду. Вынесли стол из передней комнаты и поставили на веранду, положили Феликса на него. Рот полотенцем подвязали, а то он был полуоткрыт...

Врач-то пришел только через два часа после смерти! Я ему говорю: а могла бы я спасти его? Вот если бы я что-то сделала такое, чтобы он очнулся, да еще пожил, а? А он мне говорит: не терзайте себя. Если бы, – говорит, – его даже оживили в этот раз, он бы недолго прожил. Такие больные после реанимации живут год-два.

Ну, пришли еще люди... Галя Баруздина дозвонилась до Рыбинска, до какого-то вахтера, а тот позвонил тебе. Любе я дала все адреса, она пошла телеграммы давать. Всё делалось... Тамара Лесовая сидела со мной до твоего приезда. Потом ты приехал, пошел к Феликсу на веранду, поплакал...

На улице уже совсем темно, да и зябко – вечерняя свежесть превозмогла тепло мая. Идем с матерью по окраине села, под яркими звездами, я обнимаю ее за плечи. Какая же она маленькая и слабая!.. как же она будет без папы?

От выпитого на поминках меня всё еще пошатывает, голова прямо-таки раскалывается. Вяло слушаю мать, рассказываю сам – о том, как получил горестное известие, как спешил на вокзал, ехал в поезде, плакал в тамбуре, как бежал через ночной лес...

Возвращаемся домой, пьем чай. Дома тихо и тепло, всё на своих местах, ничего не изменилось. Да и что могло измениться? Сидим с мамой на кухне, за столом, – и говорим, говорим...

Далеко за полночь кто-то стучит в окно. Ледяная дрожь мгновенно пробегает по моему телу, я сразу трезвею. Выхожу на улицу, словно в космос; мать за мною... Кто тут?

...озаренная сбоку слабым зеленоватым светом месяца, в черной тени сарая горбится чья-то фигура.

- Дай Феликса помянуть! – глухо требует пропитой женский голос.

- Нет!.. нет, не надо ее, я ее знаю, – шепчет мать гневно, – это пьянчужка местная. Ходит, просит... иди, иди отсюда!

Фигура молча поворачивается и бредет к калитке.

- Нет, нет, стой! – кричу я отчаянно. – Сейчас, сейчас дам помянуть!..

- Не надо, не надо! – хватает мать меня за рукав.

- Ты что, – яростно шепчу я, – не дай Бог! Ни в коем случае! А вдруг это... ты что? Это Бог посылает, нельзя!

Опрометью метнувшись в избу, подскакиваю к холодильнику, наливаю стопку водки, хватаю кусок хлеба и возвращаюсь на улицу.

- Помяни, помяни папу, – со слезой говорю я. – Помяни Феликса Михайловича!

- Ничего не Бог... – ворчит мать, уступая. – Всяким подавать...

«Синюшке» охота поговорить. Долго рассказывает о своем сыне, тянущем очередной срок, то и дело благодарит меня, обдавая перегаром. Наконец, уходит восвояси – и я, облегченно вздохнув, запираю двери. Мать ворчит; но я несколько не сомневаюсь, что это был знак от папы, своеобразная проверка. И я ее выдержал – поступил так, как непременно поступил бы он сам в подобной ситуации.

Измученный тяжким днем, ложусь на отцовскую постель. «Папа, приснись, – шепчу в темноту, – приснись мне. – Как ты там, папа? Приди ко мне, расскажи... папа, милый...»

...серый сарай-дровяник, тусклый свет из засаленного окошка; за окошком – груда бревен, на бревнах – черная собака. До собаки метров пять-шесть.

«А ведь я могу коснуться ее руками, не вставая с места», – мелькает в моей голове. Но не руки, а две гудящие, вибрирующие силы выходят из моих плеч, легко проникают сквозь стекло, движутся к собаке...

Собака исчезает. Но я уже понял, каким свойством теперь обладаю. А ну-ка, еще раз... Вон деревце растет за окном – смогу ли я заключить его ствол в кольцо моих пальцев?

И вновь мои «руки», – две вибрирующие мощные струи, – гудя, проходят сквозь невредимое стекло, и я смыкаю свои кисти вокруг тонкого ствола.

Значит, я могу... всё? И – летать?

Лежу на спине, – нет, не лежу, а лечу куда-то, головой вперед, подхваченный могучим потоком. Мое тело – конусовидный, еле слышно гудящий, вибрирующий цилиндр длиной метра три-четыре и диаметром около метра – этаким могучий катер, послушный малейшему моему желанию.

«Ну, вперед...» – думаю я.

И стремительно возношусь, словно на качелях, – вперед и вверх, наискосок, легко проходя сквозь потолок и стропила крыши, – вперед, в ночную тьму...

И тут же ужас охватывает меня. А вдруг я не сумею остановиться и меня зашвырнет в неведомую глубину, в дальний мрак?.. Стоп!.. Назад!

Могучие качели швыряют меня обратно – сквозь темную даль, сквозь стропила и потолочные бревна... Да, я могу летать! – сквозь всё на свете, на тысячи километров, куда захочу... Что же это такое?.. кто я?

И вот опять меня несет куда-то... куда? Куда-а-а-а...

Просыпаюсь от собственного хриплого крика – и рассказываю сон дремлющей на соседней койке матери, – чтобы не забыть утром. А в голове стучит: так вот чем ты занят, папа... Ты осваиваешь новое тело, новый мир. Тебе сейчас не до нас, у тебя другие проблемы, ты родился для новой жизни...

И все-таки на мгновение ты убрал дремучую стену времени и показал мне, как там, и что. Спасибо, папа, теперь я знаю.

Если хоть одна из моих дочерей будет после моих похорон сильно жалеть обо мне, будет плакать и, засыпая в слезах, попросит меня прийти – я тоже непременно это сделаю. Изловчусь, упрошу, умолю – но уберу проклятую стену и покажу дочери что-нибудь из той жизни... Пусть знает, что небытия – нет!

Небытия – нет, есть только боль перехода, муки нового рождения, страх перед новым, непонятным и опасным миром, в котором придется быть. Но ведь таких миров, быть может, мириады... Так что же – каждый раз, переходя из одного в другой, мы обречены кричать от ужаса, представляя, что падаем в бездну небытия?

Нет, – это удел не знающих, удел бестолочей, ничему не учащих и не желающих учиться. Брошенные в очередную судьбу, они вопят и жалуются, не умея ее принять, не умея понять, за что она им дана, за какие

и чьи грехи и ошибки. А ведь интуитивно они наверняка чувствуют, что послужило причиной. Почувствовать очень легко: это – там, где большее и труднее всего, где страшнее всего. И вот, вместо того, чтобы, смирившись с данной, исходной позицией, двинуться по грязной и тяжкой дороге вперед, к свету, – они опускают руки и ждут смерти. Но смерти нет, просто их отбрасывает всё дальше и дальше во мрак, унижение и боль...

Мне ли кидать в них камни? Я ведь и сам только сейчас, ближе к сорока годам, прихожу к этим мыслям – и даже до сей поры сомневаюсь в них. Но моя жизнь, чем дальше, тем чаще, полнится подтверждениями именно этих идей, – идей бессмертия души, идей существования греха и воздаяния за грех, – и как же не поверить опыту жизни? Чему же тогда верить – чьим-то словам, книгам? Но ведь это – чужой опыт! А верить можно только своему...

Жизнь идет; на другой день я уезжаю к себе в Ярославль, оставив маму на попечение Андрюхи, взявшего двухнедельный отпуск. И – урывками, между еженедельными поездками по своим коммерческим делам и выполнением роли няньки при полуторагодовой Дарье, начинаю писать эту повесть. Со смертью отца во мне рухнула какая-то преграда, не позволявшая ранее взяться за это, и я пишу – вечерами, ночами, по утрам, в любую свободную минуту. Пишу, рву написанное, снова пишу, снова рву, переписываю... Постепенно устанавливается стиль – вот этот, петляющий, то и дело убегающий в сторону, стиль реки. Через какое-то время я осознаю жанр будущего сочинения – это будет нечто в духе «Старомодной истории» Магды Сабо или катаевского «Кладбища в Скулянах», – но другое, со своими акцентами и своей сверхзадачей.

И я пишу, пишу...

Длится лето 1992 года; справляем девятый день, потом сороковой; мать начинает привыкать к одиночеству. Сначала мы строим планы немедленной продажи дома и переезда матери в Ярославль, ко мне, – но вскоре отказываемся от них. Причин много: в разгаре гайдаровская «шоковая терапия», деньги обесцениваются с каждым днем; моя жена не в восторге от совместного житья со свекровью. А главное – мама осознает, что жить в городе не так уж и сладко, особенно в нынешнее сумасшедшее время. Она решает пока что остаться в Глебове – тем более, что и без переезда у нее забот полон рот: дом, огород, куры...

В каждый мой приезд к матери мы ходим с ней на могилу – поливаем цветы, обмахиваем тенёта с венков, подолгу сидим у низкой оградки, разговариваем, вспоминаем. Я выпиваю стопку водки, другую ставлю на папин холмик. Здесь, среди берез, – благодать: тишина, покой, зелень. Единственное неудобство – комары, но мы уже к ним притерпелись.

Боль утраты поутихла, уступив место печальному смирению, – и всё чаще в нашу печаль вторгаются неожиданные улыбки, ибо папа «начал шутки шутить». В высокой траве рядом с оградкой мы обнаруживаем вдруг три замечательных белых гриба: один стоит отдельно – это, конечно, «мама Нина», а два рядышком, поменьше – это «Женя с Андрюшей». Такая игра бытовала в нашей семье лет тридцать тому назад, когда мы с Андрюхой были маленькими, – и так напомнить о ней мог только папа...

В другой раз он «шуткует» не столь ласково: после того, как мать, чуть-чуть выпив и разговорившись, начинает, прибирая могилу, вспоминать какие-то обиды, нанесенные ей покойным, она сильно ударяется ногой об ограду.

- А не критикуй, – говорит она сама себе, морщась от боли, – вот тебе, старая... Да, здорово, Феликс Михайлович, ты мне... – она ищет слово поточнее и, наконец, заканчивает фразу редким в ее устах матюжком.

Я помалкиваю, хотя внутренне согласен с отцом: ругать покойного, да еще на его могиле – грех.

Папа начинает сниться маме. Сразу после похорон, дня через три, она видит сон-мгновение: папа молча сидит на стуле возле ее кровати. Это видение кладет начало длинной череде встреч. За день до сорокового дня он снится ей сидящим за кухонным столом, на своем любимом месте.

- Я не умер, я жив, – слышит она. – А то, что случилось, – это сон...

Затем загробные встречи идут полосой. То она едет с ним на каком-то пароходе: он спит прямо на палубе, и так плохо, бедно одет, что у нее сжимается сердце от жалости и стыда. Пароход подходит к пристани; «Дементьево, Дементьево», – говорят все кругом, и им тоже надо сходить на берег. То вдруг он снится ей в зимней одежде, хотя на дворе еще теплая осень, и она недоумевает, к чему бы это, – а через несколько дней выпадает ранний снег и наступают холода.

Порой она даже не видит его, только ощущает его присутствие. Постепенно она привыкает к мысли, что он действительно где-то здесь, рядом, – и это ощущение переносится ею в явь.

- Ну-ко, Феликс, давай помогай! – бросает она в пространство, когда что-то не ладится. А затем, попозже, тянет удовлетворенно:

- Ну, во-о-от... это дело мы с тобой одолели, Феликс Михайлович...

В мои сны отец приходит редко. В начале июля я вижу его впервые после похорон: он сидит за столом вместе со своим отцом – моим дедом Михаилом Андреевичем; они о чем-то спорят. Я пытаюсь принять участие в их разговоре, но они не разрешают, гонят меня, – и я просыпаюсь. «Покойники тебя к себе не пускают, – замечает моя жена, – это хороший сон».

А 3 августа, в полдень, я ложусь отдохнуть на любимый диван и, мгновенно забывшись, вижу летнее Глебово и старую родительскую квартиру при санаторно-лесной школе...

...стою в темных дверях; дверь на улицу открыта настежь, дверь в дом – тоже; так мы спасаемся от невыносимой жары. Мама – дома, в комнате; я разговариваю с ней, одновременно краем глаза наблюдая за окнами, которые мне видны через дверной проем.

- Так папа-то что – не придет? – спрашиваю я.

- Да не знаю, – откликается мать, – может, и нет...

Но тут же, заметив в одном из окошек мелькнувшую фигуру, я восклицаю:

- Да вон он идет!

В сени входит папа – загорелый, довольно бодрый, хотя и усталый. Я обнимаю его, целую, – и во все глаза гляжу на него. Так он вернулся?

Он высвобождается из моих объятий – и проходит в дом, на кухню; я – за ним. Изо всех сил всматриваюсь в его черты: какой он? Тот же самый, или?.. Он ли это?

Он, кажется, тот же самый... но вдруг, прямо на глазах, начинает меняться. Причем изменение это выражается во всё более усиливающемся сходстве со мной самим – таким, каким я себя привык видеть в зеркале: те же глаза, нос, рыжая борода...

Двумя холодными руками папа берет меня за горло – но не душит, а только держит. И вдруг начинает по-бабьи, с мамиными интонациями, жаловаться мне:

- Да вот, милый ты мой, шутка ли... от такой-то ерунды... и не болел ведь уж очень-то сильно, а вот поди ж ты...

Он жалуется мне на то, что он умер, он говорит, что ему хотелось бы еще пожить...

И тут я просыпаюсь. Голова моя лежит на диванном валике в чрезвычайно неудобном положении, шея болит. Рассказываю сон жене, пытаюсь сразу же, по ходу дела, растолковать увиденное. Согласно Артемидору, воскресающие покойники сулят тревоги и убытки. Это-то ладно, к тревогам и убыткам нам не привыкать, но вот что может означать «узнавание в покойнике себя», «выслушивание жалоб покойника»? Этому у Артемидора я не нахожу...

Хотя разгадка так проста!

Порой меня самого удивляет та пристальность, с какой я всматриваюсь то в беглые эпизоды дневной жизни, то в смутные ночные видения.

Неужели я и впрямь уверен, что всё происходящее со мной наяву и во сне имеет еще один, тайный смысл, который надо разгадывать?

Не знаю... Но уже давно не могу отделаться от ощущения, что моя жизнь, вся целиком, от рождения до смерти, уже где-то, кем-то сочинена – и я обречен проживать ее, перемещаясь со страницы на страницу неведомого мне текста.

Но если это и впрямь так, если моя судьба придумана неким «творцом», то... то ведь в ней не должно быть случайностей! Такие мастера не допускают погрешностей: каждый шорох травы здесь обязан быть наполнен смыслом, каждое висящее на стене ружье должно однажды выстрелить, все реплики и эпизоды приговорены перемигиваться между собой, любая картинка – что-то символизировать...

Если это так, если моя жизнь – не «случайная фотография», а произведение великого Автора, – тогда я прав: в нее стоит вглядываться до рези в глазах, вслушиваться до боли в ушах.

А если нет?

Всё осталось на своем месте – там, где было, и где пребудет. То же майское солнце льет предвечерний ласковый свет на избы и проулки села Глебово, тот же молодой алкоголик подходит, пошатываясь, к дому номер пятнадцать на улице Новой и, грузно навалившись на теплый штaketник, окликает хлопощего в огороде хозяина. Сейчас тот пошлет его подальше и, высоко подняв тяжелую кувалду, что есть мочи грохнет ею по железной трубе. И еще раз. И еще... Но у меня больше нет сил смотреть на это.

Мне надо плыть... Я не знаю, что ждет меня впереди, что за сила влечет меня в путь, у меня шаткая опора – всего лишь пачка листов бумаги, исписанных моим торопливым почерком. Когда-то, много лет тому назад, Господь надоумил меня потратить один из летних отпусков на запись воспоминаний отца и матери, я истомил, измучил родителей ежевечерним «залезанием в душу», но, в конце концов, последние скобы были вбиты – и маленький плотик закачался на волнах. Теперь я могу шагнуть на него и, оттолкнувшись от берега, поплыть по беззвездной реке. Он ждал меня всё это время, он сухой и прочный, мой плот, – он должен выдержать!

Да, кругом тьма. Я лишен способности видеть, я слеп. По запаху ветра и вкусу воды невозможно ориентироваться; кроме плота, реки и собственного тела, мне нечего осязать; остается только слух. Я должен научиться слышать этот мир.

Что я стану делать, когда шест перестанет доставать до дна, когда незримый водоворот закружит мою опору и я перестану понимать, в какой стороне берег? Мели, перекаты, бревна-топляки, встречные суда... тысяча препятствий может возникнуть на моем пути!

Но мне пора. Прощай, твердый берег, прощай, оранжевое окошко, горящее во тьме. Тихо плещет вода под ногами, пружинят бревна, сырой воздух холодит лицо. В моих руках – длинная жердь, я упираюсь ею в дно... поехали...

Резкий толчок! – и, потеряв равновесие, я едва удерживаюсь на ногах. Плотик тяжелеет, оседает – я чувствую, что вода доходит до щиколоток.

Это – папа. Он поплывет со мной.

Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии

e – mail: ag.mishenkov@gmail.com

НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

№ 2/2023

Выходит с ноября 2022 года

КОРРЕКТУРА, ВЁРСТКА:
Александр Мишенков

ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ:
фото ансамбля «Русская берёзка»

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»

121069, Москва, Поварская, 52/55, стр.1, офис 32.

Тел./факс (495) 691-03-45